

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

CURSOR MUNDI

Человек

Античности, Средневековья и Возрождения

**Научный альманах,
посвященный проблемам исторической антропологии**

Выпуск 9

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2017

ББК 63.3(0)

С 95

CURSUS MUNDI : человек Античности, Средневековья и Возрождения : научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2017. – Вып. 9. – 192 с.

ISBN 978-5-7807-1205-3

В девятом выпуске альманаха представлены научные статьи, объединенные общей проблемой – «Человек в истории», а также переводы средневековых и ренессансных текстов.

Альманах может быть интересен специалистам-историкам, филологам, философам и культурологам, а также всем, кто интересуется проблемами истории сознания, исторической биографии, истории культуры.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
Проект № 16-06-00461а*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редколлегия:

д-р ист. наук, проф. **В. М. Тюленев** (ответственный редактор),
д-р филол. наук, проф. **Н. Ю. Гвоздецкая**,
д-р ист. наук, проф. **Н. В. Ревякина**,
д-р филол. наук, ст. науч. сотр. **М. Р. Ненарокова**,
канд. филол. наук, доц. **М. В. Яценко**,
Э. М. Манукян (ответственный секретарь)

Рецензент:

д-р ист. наук **Г. Е. Лебедева**
(Санкт-Петербургский государственный университет)

ISBN 978-5-7807-1205-3

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девятый выпуск нашего альманаха несколько отличается от своих предшественников и по своей структуре, и по характеру публикаций. Почти все материалы, собранные в нем, являются своеобразным итогом работы всероссийской научной конференции «Культура и общество Западной Европы в Средние века: тексты, образы, личности», прошедшей в Ивановском государственном университете 10–11 июня 2017 г. и посвященной юбилею доктора исторических наук, профессора Ревякиной Нины Викторовны. Проходившая в течение двух дней конференция собрала учеников и коллег замечательного отечественного медиевиста, специалиста по ренессансной антропологии и педагогике, автора целого ряда монографических исследований, переводов источников – Нины Викторовны Ревякиной. Часть из прозвучавших на конференции выступлений, преобразованных в статьи или переводы оригинальных текстов, мы публикуем в предлагаемом читателю выпуске альманаха. Мы убеждены, что содержание выпуска в полной мере отражает и круг интересов, и основные направления научного поиска юбиляра. В альманахе представлены работы, так или иначе посвященные человеку прошлого, его интеллектуальной деятельности, поиску им собственной идентичности и своего предназначения.

Структура сборника подчинена хронологическому принципу. Альманах открывается исследованиями по истории школы, образования и просвещения в раннее Средневековье. В статье В. Г. Безрогова представлен и проанализирован позднеантичный учебник, предназначенный для обучения греческому и латинскому языкам – *Hermeneumata pseudodositheana*. В исследовании М. Р. Ненароковой сочинение блаженного Иеронима *De viris illustribus* показано как продукт античной риторики, как первый опыт написания истории христианской литературы. Завершающая раздел статья В. М. Тюленева посвящена первым шагам христианской педагогики на латинском Западе и становлению церковных школ в V в.

В работах, представляющих второй раздел, рассматриваются сюжеты из истории христианского Запада XIII века. В статье

Н. Ю. Гвоздецкой анализируются способы создания литературного портрета в исландской хронике «Пробуждающая [духовный] голод», отражающие особенности мировоззрения средневековых исландцев. В исследовании И. А. Красновой прослеживается связь между социально-политическими процессами во Флоренции рубежа XIII–XIV вв. и распространенными у философов-моралистов, правоведов, хронистов дискурсами о соотношении знатности по крови и личной доблести.

Третий раздел объединил статьи, объектом внимания в которых стали представления европейцев XV–XVI вв. С. В. Соловьев в своей статье обращается к эстетической концепции Лоренцо Валлы, рассматривая ее на основе описания Рая у гуманиста, показывает, какие новации по сравнению со средневековыми представлениями внес в видение загробной жизни Ренессанс. Н. В. Ревякина, анализируя педагогические трактаты Эразма Роттердамского и Хуана Луиса Вивеса, показывает, как понималась природа в гуманистической литературе XVI в. Педагогическая проблематика продолжена в статье Т. М. Руюткиной, где доказывается, что английские гуманисты XVI в., как и их старшие итальянские коллеги, уделяли серьезное внимание физическому воспитанию, видя его необходимой составляющей в формировании джентльмена. В статье О. Ф. Кудрявцева проанализированы представления Иоанна Бозмуса о Московии, показана степень зависимости этого немецкого гуманиста XVI в. в описании русских земель от предшествующей литературной традиции.

Четвертый раздел представлен единственной работой, статьей Н. И. Девятайкиной о выдающемся русском медиевисте М. С. Корелине, чьи оценки ренессансной культуры и методы ее изучения до сих пор не утрачивают своей актуальности.

Завершают сборник переводы оригинальных текстов. Мы публикуем свой перевод фрагмента первой книги «Наставлений в науках божественных и человеческих» Флавия Кассиодора. Именно этот фрагмент, на наш взгляд, наиболее четко показывает главную особенность всех «Наставлений» – стремление автора привнести в христианское образование традиции римской школы.

Читателям, без сомнения, будет интересно познакомиться с переводом письма Петрарки, одного из посланий сборника «Письма без адреса». Перевод, подготовленный Л. М. Лукьяновой и сопровождаемый комментариями Н. И. Девятайкиной, знакомит читателя как с представлениями Петрарки о католической Церкви и проблемах, поглотивших ее в период Авиньонского пленения пап, так и с реалиями XIV в.

Письмо Жана Бодена к племяннику, переведенное Е. С. Кривушиной и И. В. Кривушиным, возвращает читателя альманаха к педагогическим проблемам. Небольшое по объему письмо отражает богатый мир его автора, видением которого он хочет поделиться со своим племянником.

В. М. Тюленев

ИССЛЕДОВАНИЯ
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА И ШКОЛА
РУБЕЖА АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В. Г. Безрогов
(Москва)

COLLOQUIUM HARLEIANUM КАК УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ*

*В статье рассматривается одна из версий билингвальных школьных диалогов позднеантичного учебника для обучения латыни и греческому, известного как *Hermeneumata pseudodositheana*. Показано место данного памятника в начальном обучении неродному языку. Дан комментированный перевод.*

Ключевые слова: начальное обучение, поздняя Античность, учитель, ученик, школа, диалог.

Учебная литература для первоначального обучения, возникшая в эпоху Древнего мира, уже была разножанровой. Известны словари различного рода – от тематических перечней слов до двуязычных алфавитных; грамматические справочники и собственно грамматики; сборники максим, в изучении которых видели и обучение синтаксису, и моральное воспитание; прописи, письмовники, образцовые сочинения; диалоги взрослых с детьми и детей между собой, иногда редуцируемые почти до монологов.

С III–II вв. до н. э. Средиземное море превращается во внутреннее озеро сначала для койнн, а потом и для латыни без утраты койне. Двуязычие в начале н. э. было распространено не только в элите, но и в низших слоях. Повсеместно в Империи было множество греческих поселенцев. Дети римлян выучивали греческий еще до того, как родители отправляли их в школу.

© Безрогов В. Г., 2017

* Работа выполнена при поддержке гранта № 14-06-00123а Отделения гуманитарных и социальных наук РФФИ.

Изучение грекоязычными отроками латыни не было путем в культуру, как в случае с греческим, зато открывало карьерные и профессиональные перспективы для достижения высших уровней гражданской администрации, судов и армии. Либаний сетует по поводу того, что греческие дидаскалейоны опустели из-за стремления молодежи учить латынь как «податель благ» и пренебрегать греческой «болтовней, источником трудов и нищеты» (Orat. XLIII.4–5). Численность изучавших латынь неуклонно повышались к IV в. и сошла на нет в VI в., когда закончилась прагматика латино-язычной карьерной лестницы вместе с крахом Западной римской империи.

Сохранность источников не соответствует степени распространенности отразившихся в них практик: обучение в грекоязычном Египте сохранило больше свидетельств, нежели обучение во всех латиноязычных регионах Западной римской империи и раннесредневековых королевствах. В Египте латынь была языком администрации, закона, армии, греческий – языком не только культуры, но и бизнеса. Корпус папирусов, остраконов, текстов на дереве, хорошо сохранявшемся в египетском климате, представляет особую ценность.

Из всех регионов известно около 80 билингвальных греко-латинских/латинско-греческих учебников I–VII вв. (глоссариев и просто словарей, параллельных художественных и религиозных текстов на двух языках, разговорных пособий и диалогов, грамматик, трактатов о глаголе, таблиц склонений, грамматических упражнений, алфавитов с названиями букв и комментариями на втором языке, максим, отрывков из кодекса Юстиниана, индексов к нему и юридических определений с комментариями для введения в изучение римского права; а также различные варианты комбинирования упомянутых жанров)¹. Диалоги сосредотачивались на демонстрации словарных эквивалентов и обучении двустороннему переводу небольших по объему текстов, что определило их распространение.

¹ Перечень с указанием мест публикации см.: *The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodosipheana*. Vol. 1 / Ed. by E. Dickey. Cambridge: CUP, 2012. P. 7–10.

Какое место занимали школьные диалоги в начальном обучении, когда возникли?

Судя, прежде всего, по материалам греко-римского Египта, начальное обучение неродному языку проходило в позднеантичном мире девять разных этапов – три устных и шесть также и письменных.

В число устных входило заучивание словаря, как по темам, так и в алфавитном порядке, причем на дописьменном этапе применялась греческая транслитерация латинских слов.

Затем подключалось проговаривание и освоение вместе со словарем школьных диалогов на элементарные повседневные темы, также поначалу в греческой транслитерации. Дети в запоминании слов ориентировались первоначально на более короткие и, по возможности, на более привычные слова, на простые аналогии между языками, но далеко не всегда. В диалогах встречается и сложная лексика. Фразы разбиты в рукописях на две-три строки, их короткие части заучивались и впоследствии использовались при выстраивании новых предложений.

Третьим этапом устного обучения становилось знакомство с парадигмами склонений и спряжений слов, также поначалу транслитерированными греческими буквами. Вместе с диалогами они помогали запоминанию слов и пониманию фраз – как слышимых, так и создаваемых учеником для произнесения.

Шесть этапов обучения, в которых участвовала работа с письменными текстами, начинались с освоения латинского алфавита, названий букв, копирования афоризмов, цитат и назидательных фраз, придумываемых самим учителем. Алфавит записывался в параллельных строчках: латинский, внизу греческие аналоги латинских букв либо над латинскими буквами размещались по-гречески их названия. Буквы давались строчные и прописные отдельными рядами, не вместе. Вместе с алфавитом предлагалась как образец простая фраза на латыни (например, из Вергилия) – вероятно, для нахождения выучиваемых букв в слове и словосочетании. Она, возможно, не только копировалась, но также произносилась и переводилась, не сразу, со временем.

Вторым большим этапом обучения письменной речи становился элементарный учебник грамматики, двуязычный словарь с

греческой и латинской графикой, таблицы спряжений и склонений, диалоги, в которых на двух языках – более знакомом и менее знакомом – давались специально подобранные простые для перевода фразы. Двоичным переводом в обе стороны второй этап закреплял переход на качественно новый уровень обучения.

Третьим этапом в обучении с помощью письменных/записанных/скопированных текстов становилось чтение, заучивание, воспроизведение на письме и вслух литературных и юридических текстов. Литературные тексты брались из античной классики, прежде всего, Гомера и его пересказов, а юридические – из соответствующих юридических пособий и антологий.

Четвертым этапом становилось знакомство с фрагментами Вергилия, для грекоязычного региона на чужой латыни, и в помощь переводу и копированию отрывков из Вергилия представлялись переводы отдельных фраз и специальные глоссарии к текстам с указанием, по какому склонению или спряжению изменяется то или иное слово. Такие глоссарии-пособия к Вергилию существовали разные – для использования учителями и для использования поднаторевшими учениками¹.

Пятым этапом выступало чтение фрагментов и целых сочинений с вписанными над текстом переводами отдельных, еще неизвестных ученику слов. Зафиксированы такие пособия, в которых основой был уже (или еще) не Вергилий, а Саллюстий. На этом же этапе фиксировались умения проставлять долготы и другие знаки в словах. Разделение текста на фразы осваивали на первом–третьем этапах работы с письменными текстами.

Шестым этапом обучения написанному тексту и письменной культуре, равно как и грамотности в целом становился перевод небольших текстов с языка на язык. Грекоязычные ученики переводили на латынь, например, басни Бабрия. Занимательный сюжет и краткость служили залогом возможного успеха. Зафиксирован перевод с латыни на греческий язык моральных афоризмов и других кратких текстов, приписываемых импера-

¹ *Gaebel R. E.* The Greek world-list to Vergil and Cicero // *Bulletin of John Rylands library*. Vol. 52. 1970. P. 284–325; *Maehler H.* *Zweispärdchiger Aeneis-Codex* // *Actes du XVe Congrès International de Papyrologie* / Eds. J. Bingen and G. Nachtergaeel. Bruxelles, 1979. S. 18–41 etc.

тору Адриану, фрагментов римских законов, римских мифов и мифических генеалогий, дистихов Катона, фрагментов из сочинений Цицерона¹.

Внутри подобной системы билингвальный учебник, о котором сейчас пойдет речь, оказался весьма кстати. Его применение начиналось на первой стадии еще устного обучения и завершалось примерно на третьей стадии обучения письменной культуре, когда читались и переводились в обе стороны уже не только отдельные фразы, но и связные тексты.

Толкования псевдо-Досифея.

Hermeneumata pseudodositheana, двуязычный греко-латинский учебник, сложился, по-видимому, в конце II–VI в., дополнялся, трансформировался и редактировался вплоть по XVI столетие. Он был впервые обнаружен в рукописи, атрибутированной грамматике Досифею (III–IV вв.). Существовала версия о принадлежности текста Цицерону, но она не прижилась.

Термин *hermeneumata* («толкование, интерпретация, разъяснение, перевод») ведет историю от I в. н. э., когда его впервые упомянул Сенека Старший как обучение каким-то простым [начальным?] вещам, за которое не следовало много платить (*Controversiae* 9.3.14: *numquam magnas mercedes accepisse eos, qui hermeneumata docerent*). К VI–VII вв. *Hermeneumata pseudodositheana* выросли в сложный многосоставный памятник. Сохранилось более 50 списков как минимум 6 различных версий.

В наиболее полном варианте *Hermeneumata* содержат: **а)** два словаря: алфавитный и тематический; **б)** собрание изречений, суждений императора Адриана и фрагментов из его писем; **в)** 18 басен с атрибуцией Эзопу; **г)** 32 кратких изречения дельфийских мудрецов; **д)** ответы индийских «гимнософистов» на вопросы Александра Великого с примыкающими к ним еще двумя сериями вопросов и ответов, приписанных неким Ни-

¹ *Sánchez-Ostiz B.* Cicero graecus: notes on ciceronian papyri from Egypt // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 187. 2013. S. 144–153; см. библи.: *Fügen T.* “Utraque Lingua”. A Bibliography on Bi- and Multilingualism in Graeco-Roman Antiquity and in Modern Times. Duisburg-Essen: Laud, 2003.

киарию и Карфилиду; е) сочинение о процедуре отпущения рабов (начало пособия по римскому праву типа «Институций» Гая); ж) текст о мифах и героях их (из не сохранившихся полностью «Генеалогий» Гигина нач. I в. н. э.); з) рассуждение о Троянской войне (фрагментарный прозаический пересказ «Илиады»); и) обсуждение будней школяров и взрослых людей, данное в два столбца, как и словари (раздел нередко озаглавлен «Повседневные разговоры»).

Основа памятника двуязычные словари вместе с греко-латинскими диалогами о школьной и повседневной взрослой жизни. Пестрота пособия позволяла использовать его как для изучения латыни уже знающими греческий (правовые фрагменты и сентенции Адриана), так и для обучения латинян греческому (на материале мифов и басен). Целостность билингвального подхода при этом сохранялась: один язык изучался на фоне и в паре с другим вне обязательной зависимости от родного языка обучаемого. Адресатом пособия названы «люди» и «многие», что позволяет предполагать не только разновозрастной состав обучавшихся, но и происхождение корпуса пособия из двух источников: текстов для обучения взрослых (путешественников, администраторов, солдат, и т.д.) и текстов для обучения детей и подростков. В итоге по мере снижения актуальности обучения взрослых синтетический текст пособия целиком вошел в школьное обучение, хотя обучение греческому с помощью данного пособия сохранялось и для взрослых в средневековой Западной Европе.

Текст диалогов делится на две неравные части. Первая: диалоги о школьном обучении в строгом смысле слова. В них действуют дети и повествование охватывает пробуждение, поход в школу, возвращение на обед, даже занятия по ночам. Вторая: диалоги на другие повседневные темы. В них говорят взрослые. Они показаны так, как будто имеется наблюдатель (ребенок), который их непосредственно слушает. В отличие от диалогов о взрослых, в диалоги об обучении входит не только прямая речь, но и повествования о том, что совершает ребенок, от имени которого идет рассказ. По-видимому, первоначально «разговоры взрослых» возникли самостоятельно в грекоязычной среде на Востоке и были потом объединены с также двуязыч-

ными, но возникшими на латинском Западе диалогами о школе. Диалоги об обучении воспитывали пиетет к педагогическому процессу, понимание его значимости. Диалоги из жизни взрослых выступали моделями для получения навыков будущего устного общения, интериоризации принятых в обществе ценностей, стилей поведения и этикета. Кроме того, они служили путеводителями в ту или иную значимую сферу жизни. И разговоры об обучении в школе, и сценки на взрослые темы давали ориентацию в разных слоях языковой практики.

Версия, получившая название *Colloquium Harleianum*, сохранилась в манускрипте примерно 900 года (British Library Harleianum 5642)¹. Он содержит фрагменты других версий и грамматики Досифея, но по данным памятникам уцелели более качественные рукописи. Рассматриваемый же текст именно в этом списке сохранился лучше всего, хотя и он неполон, часть утрачена до переплетения в кодекс. Писец исполнял текст диалога с тщательностью и уважал тот прототип, с которого делал копию. Греческий текст идет слева, латинский правее. Один текст на греческом дан подчас на одних строчках, а латинский – не рядом, выше либо ниже, что свидетельствует о том, что копиист не всегда понимал греческий. Вероятно, с этим обстоятельством связано и то, что первые три с половиной листа греческий текст передан латинской транслитерацией, но потом писец все же перешел на греческий унциал; он этим создал графический контраст с латинским минускулом, внося далее греческий текст греческим алфавитом. Текст базовой версии явно неполный, что вызвано не только ошибками в процессе копирования сохранившегося текста, но и утратой как минимум листа при брошюровании уже готовых тетрадей в кодекс.

В записной книжке филолога Клавдия Салмазия (Клода де Сомеза, 1588–1653) есть фрагменты из ныне утраченных

¹ Извлечения из этой версии содержатся и в более раннем манускрипте IX века (Leiden Voss. Lat. F. 24). Имеется папирус IV–V вв. с фрагментами данной версии (P. Wessely Prag Gr. III.237). В нем, однако, есть свидетельства более позднего варианта чем тот, с которого дошла основная копия. Но есть и более ранние черты, включая расположение латинского варианта слева.

списков пособия. Салмазий копировал интересный для него лингвистический материал. Из *Colloquium Harleianum* он выписал 29 цитат. Есть отрывки из данной версии в других рукописях и на папирусах.

Скорее всего, основа данного диалога сформировалась к концу третьего века в составе учебника для изучения грекоязычным населением латыни, после чего он перешел в латиноязычные области и больше в руки грекоговорящих редакторов не попадал. Раннее Средневековье применило текст как пособие для изучения греческого. В связи с этим было зеркально изменено расположение колонок. Разговорник сохраняет общие типологические черты *Hermeneumata pseudodositheana*, хотя в нем неожиданно велик пласт негативной лексики. Вероятно, концепция «погружения в жизнь» исполнялась рядом позднеантичных наставников совсем иначе, нежели в наши дни.

<Текст *Colloquium Harleianum*¹>

[Название] О повседневной беседе

[Увещевание] 1. Любимейший сын, восприми мои слова; величайшая польза слушать отца своего. Рано утром при светлеющем небе прежде всего в школу. Одевайся, обувайся, умывайся и ступай сначала на латынь (к писцу, грамматику, ритору), чтобы стать человеком. И смотри, как избегать пустых разговоров, ибо нет ничего более важного, как обучение. Если кто другой надоедает тебе, скажи учителю. Пиши, читай, считай, чтобы вступить в возраст и наученным, и дельным в глазах других. Для этого, дитя, отвечай.

¹ Перевод сделан на основе следующих изданий: *Hermeneumata pseudodosipheana* / Hrsg. G. Goetz. Leipzig: Teubner, 1892; *Goetz G. Colloquium scholicum Harleianum*. Jena, 1892; *The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodosipheana*. Vol. 2 / Ed. by E. Dickey. Cambridge: CUP, 2015; *Dickey E., Ferri R. A new edition of the Colloquium Harleianum fragment in P. Prag. 2.118 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 180. 2012. S. 173–189. В круглые скобки помещены альтернативные или словарные варианты, помещаемые составителями пособия сразу за «основной фразой». В квадратных скобках комментарии переводчика, смысловые дополнения и разные варианты перевода.

[Ответ] 2. Дражайший отец, восприми мои слова. Услышал я все и запомнил. Пред богом выражаю величайшую благодарность¹. Учишь (греч.учит) быть сведущим человеком.

[Школа] 3. Вставай, мальчик, почему сидишь? Прихвати все латинские книги, пергамен для заметок, таблички, пенал, инструмент для линовки, чернила, тростниковые перья. Идемте, поприветствуем. 4. Ave, господин учитель. Будь здоров и благополучен. [Начиная] с сегодня хочу усердно заниматься. Прошу тебя [обучить меня] говорить по-латыни. Обучу, ежели будешь мне внимать. Смотри, внимаю. Хорошо сказал, как и подобает твоему происхождению. 5. Передай мне учебник. Вот, быстро протяни книгу, раскрой ее снова, читай звучно, открывая рот, считай. Отметь хорошенько место, чтобы написать упражнение. 6. Денежку не принес? Спросил я у отца, и тот сказал: сам как-нибудь туда зайду. В самом деле, выслушаю и посмотрю. Посему занимайся старательно, чтобы ты был готов. Я готов, ибо жгу лампу и занимаюсь в ночи². Хорошо сделал, теперь хвалю тебя. 7. Готовь табличку, сиди, пиши. Что остолбенел? Ставь над буквами знак долготы. Твои чернила. Немного воды. Вот теперь хорошо. Перо, передай ножик для него. Какой желаешь? Желаю острый (или тупой). Хочешь острый?

¹ Реконструируемый греческий вариант образует смысл, более близкий к выражению благодарности Богу за научение («благодарю Бога, и Он учит меня, а ты тратишь на это деньги»). Реконструируемый латинский текст ближе к благодарности Богу за отцовские наставления и научение (в том числе и через оплачиваемого учителя). Неясно, кто же обозначен обучающим – физический отец либо небесный. Формулы благодарности и в греческом, и особенно в латинском вариантах применены те, которые сложились в дохристианской литературе и стали затем популярны у христиан. Поэтому считать данное место выражением именно христианских идей нет оснований, хотя оно могло восприниматься аудиторией именно таким образом. В целом, данный диалог у псевдо-Досифея выглядит более языческим, нежели христианским текстом.

² Ночные занятия были знаком/символом великого усердия и внутреннего стремления заниматься, поскольку расход на масло для светильника был достаточно велик.

8. Почему вчера бездельничал, а в полдень дома (играл) тебя не было?¹ Я тебя разыскивал и услышал все о твоём поведении от няни. Лжет сказавший тебе, 9. ибо повел меня мой отец с собой в преторий. Его приветствовали магистраты, и он принимал письма государям императорам. И он сразу поднялся в храм, принес жертву вечности и победоносности [букв. победе] императоров, и спустился. Однако сегодня он с первого часа выслушивает судебные споры². 10. Ищешь своим действиям отговорок и не знаешь, что пропуски делают из детей невежд. Покажи, дай взглянуть, как ты написал. Очень хорошо. Ты заслуживаешь порки³. Ну вот, отпускаю [или: прощаю] тебя. Однако сегодня сходи пообедай и возвращайся с обеда побыстрее (чем в прошлый раз). Хорошего дня! И тебе всего хорошего.

[Предисловие ко второй части] 11. Скажу снова впере­мешку подобранное и полезное. Это приветствие, разговор, вопросы, инвективы и многое другое.

[Предложение работы] 12. Приветствую, господин! Пре­бывай всегда в благополучии и любви. Как дела? Все в порядке? Дела по воле богов. Как работается? Совсем недавно трудился, однако ныне я свободен. Хочу вручить тебе управление моим

¹ Речь идет, по-видимому, об обеденном перерыве, когда ученика отпускали подкрепиться. Возможный сценарий: ученика не было с утра в школе, в перерыв учитель зашел к нему домой, либо нашел его там играющим (неуважительная причина неприхода в школу), либо и там его не обнаружил. Диалоги иногда дают альтернативы для разыг­рывания разных вариантов.

² Первый час – это самое начало светового дня. Судебные раз­бирательства редко начинались так рано. Данная деталь здесь – пока­затель гражданской доблести, ответственности и энергичности отца главного героя диалогов. Мальчик изображен играющим с наставни­ком в полушантаж, апеллируя к статусу и образу отца: вроде все не­винно, и в то же время со вполне серьезным намеком.

³ Две последние фразы могут быть прочитаны и как одна: «Ты заслуживаешь хорошей порки». Либо здесь представлены два альтер­нативных варианта, либо, действительно, не две фразы, а одна. Следом идет также фраза с двойным смыслом. Вероятно, некоторая, достаточ­но простая, игра слов в диалоге подразумевалась как вполне понятная детям и оживляющая их внимательность.

судебным процессом¹. Пойдем пройдемся, и я тебе расскажу, что делать. Ты годишься на все хорошие дела.

[Встреча друзей] 13. Третьего дня приветствую тебя наверху в храме, а ты не обращаешь внимания. Я молился. И твоего друга видел с тобой.

[Смешанные фразы] 14. Вижу, что ты искупался и пошел на обед. Что о тебе? И я не могу возражать ему: много чего он мне сказал. Потому иду, чтобы быстро вернуться.

[Фразы для применения в распоряжениях и извинениях] 15. Пошел уж! Что стоишь? Потому беги и скажи ему, чтобы ждал меня; есть кое-что ему сообщить. Конечно, подожду. Сначала зайду домой. Посмотри, сидит там. Знаешь, я такой же. Но делаешь вовремя. Что я тебе указал? Еще нет. Почему? Вскоре сделаю, так как тороплюсь. Голодаю, [тороплюсь] на свадьбу, к другу, они ждут меня, чтобы искупаться.

[Фразы для применения в спорах] 16. Пошел уж! Что стоишь? Какое тебе дело? Ты мной прокуратор? Пошел уж, удались (удалишься), обманщик. Бранишь меня злобно и противно?оборотись, бесстыжий, на себя! Умолкни! Прощай, никчемный человек. Услышит об этом твой господин, если мне повстречается². 17. (П)оставь. Вижу, что ты тут мне натворил. Мне нет дела до твоих угроз! За многое отомщу. Неисправимый, попридержи руки! Поколотишь меня? Боюсь. Высоко твое положение. Могу я тебя побить, но опасаясь тебя и божественного попечения. 18. Бранишь меня, голова бедовая? Распнишь. Плохо поступаешь и не знаешь, что это тебе не на пользу. Почему? Потому что я свободнорожденный (греч. родови-

¹ В данном месте чтение текста сильно затруднено. Возможен такой вариант перевода: «Совсем недавно трудился, однако ныне я свободен и могу заняться управлением твоим судебным процессом». В процессе обсуждения данного места в рукописях диалога высказано предположение об утрате части текста. Если это так, то первоначальный вариант выглядел примерно так: «Совсем недавно трудился, однако ныне я свободен. Хочу вручить тебе управление моим судебным процессом, поскольку я восторгаюсь, как ты разруливаешь свой».

² Фраза, обычно адресуемая рабам. Сказанная свободному человеку, приобретала оскорбительный характер.

тый) человек, а ты дрянной раб. Помолчи. Хочешь знать, я не такой как ты. [Разве] нет, обманщик? Хочу выяснить, раб ли ты или свободный. Не дам тебе объяснения. Почему? Потому что ты [его] недостойн. Пойдем к твоему хозяину. Пожалуй. Что я свободнорожденный (греч. родовитый), знают все и хозяин дома. Видно по твоему лицу. Пойдем.

[Разные другие фразы для применения] 19. Если придет Аврелий, не забудь сказать ему, что я был здесь. Подожди меня. 20. Кстати пришел, я ищу тебя, потому что мне причинили вред. 21. Пойдем в баню. Где будем мыться? Где хочешь. Поскольку день праздничный дадут нам овощей, хорошо просоленной рыбы и [свежей] рыбы, приготовленную еду, мяса, сладкого вина и цыплят. Прекрасно! Вот я и ты, и еще двое друзей. Где пируем? Где пожелаешь; сделаем по-товарищески¹. Но мы хотим с нами весьма простых людей: приятно беседовать с такими. Однако мой брат² просит извинения: вчера в банях была потасовка, вызванная выпившими друзьями, и он стесняется выходить.

[В ожидании игр] 22. Если все хорошо, на третий день цирк и после гладиаторские игры. Посмотрим на это вместе и затем пойдем с ним³ в баню, когда игры завершаться. Как пожелаешь.

[Попытка вернуть ссуду] 23. Разве не вот этот Луций взял мои деньги? Вот он. Потому приближаясь поприветствую его. Ave, хозяин. Все еще не могу получить моё, что ты мне должен вот уже так давно. Что ты говоришь, полоумный! Занял тебе деньги, а ты говоришь: сумасшедший? Ловчила, не знаешь меня? Пошел уж, ищи того, кому одолжил, а у меня ничего твоего нет. (уплачено) Поклянись мне. Поклянусь, где хочешь. Пойдем, поклянись в храме. Пред богом этим: ничего ты мне не давал.

¹ Скорее всего, имеется в виду процедура соучастия (продуктами, деньгами), чем некое место для встречи. Далее обсуждается участие «(греч. очень) простых» людей, которые не смогут сделать взнос.

² «Братом» (ἀδελφῆς, frater) в позднеантичные времена называли и друга, и товарища.

³ Элеанор Дики предполагает, что в устной речи или письменных упражнениях ученики, вероятно, подставляли конкретные имена вместо данного местоимения – таким образом оживляя сцену и оживляясь сами.

Хорошо же, не благоприятно для свободных людей и домохозяев породить ссоры и прения¹.

[Спор] 24. И оскорбляет бестиарий²? Пусти меня, выбью ему зубы. Я тебя ослеплю³. Вижу, что ты делаешь в мой адрес. Я отведу тебя в тюрьму, где ты заслуживаешь состариться. Злословишь меня, тюремщик⁴? Воистину мы с тобой равны⁵. О тебе не забочусь. Ты имеешь друга и меня найдешь имеющим. Хорошо говоришь; гляди – прощаю тебя⁶.

[Различные распоряжения] 25. Идем. Что необходимо для женщин я... В то время пока идем, пусть приготовят и хорошо приправят. И возьми для нас накидки в баню. Открой горку, внутри найдешь кошелек, в котором деньги, и отнеси его побыстрей меняле-банкиру.

[Завершение⁷] Благоуспешно написал о повседневном разговоре.

¹ Клятва в храме была, по сути, последним средством вне судебного разбирательства, к которому мог прибегнуть кредитор. Из данного текста неясно, содержится ли в последней фразе скрытая угроза должнику причинением ему и всем людям, с ним связанным, больших бед от будущего судебного расследования, или удовлетворенность займодавца, отступившегося от предполагаемого ссудополучателя.

² Бестиарий, или венатор (*bestiarius, venatores*; изсйпмьчпт) – боец, сражавшийся на арене амфитеатра со зверями (*bestia*). В силу обычно весьма низкого статуса таких людей данное слово, возможно, применяется в диалоге в качестве аналогии-оскорбления.

³ В латинском варианте возможна версия перевода: «кастрирую» (*exs[a]eco – exseco*). Но греческий дает ἔκφχσιϛ.

⁴ Сохранившиеся в рукописях термины (*цхлбкЯфзт, custodita*) позволяют реконструировать либо «тюремщика», либо «заключенного».

⁵ Заманчиво предположить «за кадром» размышление взрослого о внутренней связи заключенного и тюремщика (не потому ли перед этим помещено двузначное слово?), но у нас нет никаких данных для такой гипотезы.

⁶ Латинский термин *concedo* весьма многозначен, допускает, в частности, «я уплачиваю, отпускаю, уступаю, соглашаюсь, отдаю, признаю» и т. п., однако греческий *ухгчшю* позволяет определиться.

⁷ После слов о завершении диалога-разговорника следуют части, по-видимому, добавленные после составления основного текста.

[Укор после публичного ожидания] 26. Что такое, брат? Почему ты не пришел в храм? (дом, на форум, зал заседаний=ἄκπχυφЮсйпн, auditorium¹), к судье, консуляру, в город, на виллу, к нашему другу) Я ждал тебя и из-за тебя позже пообедал.

[Призыв к невнимательному другу] 27. Пойдем к брату и скажем ему: «Что мы тебе сделали, что ты пренебрегаешь нами?» Я тебя ценю, я вас люблю. Богом, небесами, солнцем, землею, моим благополучием [клянусь]. И ты сам знаешь, что ты наш друг.

[Еще фразы для распоряжений] 28. Отрок, давай побыстрее и принеси полотенца [букв.полотнища, холсты], так как я хочу искупаться, а никого вокруг из отроков (братьев, друзей, рабов²). Почему медлишь, куда тебя послал? Что ты наделал?

[Послание от друга] Все в порядке? Он дал мне письмо. И где оно³? Не здесь. Вот тут. Дай его, чтобы и я мог увидеть, что он мне написал. Ничего тебе не сказал? Ничего. [Окончание текста внезапно. Завершающие части утрачены при брошюровке в кодекс].

* * *

Данная версия *Hermeneumata pseudodositheana* весьма своеобразна обилием образцов не только для просьб и распоряжений, но и для брани, споров и обвинений. Вероятно, состави-

¹ Об образовательных коннотациях применительно к данному понятию см.: *Majcherek G. The Auditoria on Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria // Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology, Ann Arbor, 2007. American Studies in Papyrology. Ann Arbor, 2010. P. 471–484.*

² Здесь явно видно по тексту превалирование дидактических целей овладения языками, т.к. а) перечисляется обращение к тем же отрокам, к которым принадлежит тот персонаж, к кому обращена речь говорящего; б) перечислены родичи, друзья и товарищи, которые бы точно не побежали бы за полотенцами, накидками, простынями и переменной белья.

³ В версии, сохранившейся на папирусе, вопрос о письмоносеце, а не о самом письме. Однако в Harleianus 5642 речь, скорее всего, идет о поисках письма в вещах доставившего его. См.: *Kramer J. Glossario latino-greco: fragmenti del “Colloquium Harleianum” (Gr. III 237) // Papyri Graecae Wessely Pragensis II / Ed. R. Pintaudi, R. Dostblov6, L. Vidmann. Florence, 1995. P. 3–5; Glossaria bilingua altera (C.Gloss.Biling.II) / Hrg. J. Kramer. Munchen: De Gruyter, 2001 (Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete – Beihefte 8).*

тель данной версии счел правильным не закрывать уши детей от происшедшего вокруг них. Так же, как и другие версии, разговорник (вторая часть диалогов) был добавлен к разговорам о школе (в данном случае, кратким). *Colloquium Harleianum* сохранил отчетливые следы дополнений и прирастаний. К сожалению, полная версия со всеми добавлениями не сохранилась.

Использование учебника псевдо-Досифея прослеживается на основе данных языка со II–III вв. н. э. по XVI в. В IV–V вв. он использовался в обеих частях Римской империи, но в раннее и последующее Средневековье – уже только в Западной ее части. Можно предполагать его влияние на мооязычные учебные диалоги, в том числе Эльфрика Баты. В XI–XIII столетиях учебник, скорее всего, ушел из актуального репертуара (хотя следы его присутствия обнаружены в разных учебных рукописях X–XIV вв., например, в глоссариях). В XVI столетии педагог-гуманисты попытались снова ввести его в дело, как билингвальное пособие в классическом образовании. Сами по себе тексты *Hermeneumata*, однако, не вернулись в элементарное преподавание, но внимание к ним объединило ренессансных «рыцарей слова» и их позднесредневековых учителей. Тексты стали предметом внимания немецких гуманистов-историков, относившихся к ним как к пособиям для обучения литературному греческому, и французских юристов, видевших в них помощь для изучения античного и средневекового права, которое эти антиквары ценили выше литературы. В 1500 году Конрад Цельтис полагал их издание важным подспорьем для обучающихся греческому, но его энтузиазм не нашел отклика у Альда Мануция¹. Некоторое время судьба собранного из разных рукописей, довольно рыхлого материала была под вопросом. После издания диалогов гуманистом Беато Ренано 1516 (повторено в 1541, 1542, 1547) года и более тщательного, антикварного издания 1573 г. филологом-классиком Анри Этьеном они окончательно переходят в жанр «учебников греческого», в таком качестве появляются в 1684 г у Иоханна Вервея и входят в XVIII столетие в составе его

¹ Der Briefwechsel des Konrad Celtis / Hrsg. H. Rupprich. München, 1934. S. 568–569.

учебника, в котором и завершают свой исторический путь¹. Однако школьный диалог как дидактический жанр и часть билингвальных учебников продолжает существовать в начальной школе и в XIX–XXI вв., но уже вне конкретного содержания позднеантичных пособий, которое сослужило хорошую службу для сохранности данного корпуса в качестве источника по истории учебной литературы.

COLLOQUIUM HARLEIANUM AS A TEACHING AID

Vitaly G. Bezrogov

One of the bilingual versions of the school dialogues of late Antiquity textbook for learning Latin and Greek, known as the Hermeneumata pseudodositheana, has been translated and investigated on the background of the school practice in the 3^d – 10th centuries AD. The author shows the value of the manual in elementary schooling in both Eastern & Western provinces of the Roman Empire and the Early Medieval Europe.

Key words: elementary schooling, late Antiquity, teacher, pupil, school, colloquium.

¹ Verwey J. (dit Phorbaeus). Nova via docendi Graeca, in qua tribus declinationibus, & duabus conjugationibus breviter omnis flexio: facili item & accurata ratione omnis Literarum, Syllabarum, quantitatum, accentuum, licentiae polticae, nec non construendi & investigandi ratio sic traditur & explicatur, ut intra tempus brevissimum solida Graeci studii fundamenta jaci queant. Praeceptis maximi necessariis subjectae annotationes multae perutiles, &c. edidit & accuravit omnia Joannes Verwey Gymnasiarcha Gaudanus. Gaudae sumptibus Autoris exscripsit Justus Vander Hoeve, 1684. 32, 381 p. Переиздано в Gouda 1702 (J. V. Hoeve), Amsterdam 1710 (Rud. & Gerh. Wetstenios), Amsterdam & Utrecht 1737 (J. Waesbergen & J. Poolsum, со стр. 317), Amsterdam 1765 (Gerardum et Joannem de Groot).

М. Р. Ненарокова
(Москва)

**ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЯХ:
БЛАЖЕННЫЙ ИЕРОНИМ СТРИДОНСКИЙ
И ЕГО ТРАКТАТ «О ЗНАМЕНИТЫХ МУЖАХ»**

Трактат блаж. Иеронима «О знаменитых мужах» является первой «историей христианской литературы», состоящей из биографий церковных писателей. В создании книги Иероним ориентируется на трактаты Светония и Цицерона. Книга Иеронима охватывает три первых века развития христианской литературы. Каждая из 135 глав рассказывает об отдельном писателе. Главы трактата неодинаковы по объему. Повествование о писателях построено по правилам античной риторики. Самыми важными элементами биографии становятся имя писателя, время, когда он жил и работал, и его «деяние», то есть написанные им книги. Достоверность, необходимое качество исторического повествования, достигается Иеронимом при помощи указаний на время, на всем известные факты, свидетельства очевидцев. Иероним и сам как свидетель высказывает свое мнение и о людях, и о книгах. Жизнь церковных авторов описывается на фоне событий современности. Читатель узнает о преследованиях христиан, об их полемике с язычниками, о позднеантичной школе, о библиотеке Кесарии Палестинской.

Ключевые слова: Поздняя античность, латинская литература, биография, блаж. Иероним, Светоний, Цицерон, трактат, церковный писатель, библиотека, комментарий.

Сочинение блаж. Иеронима «О знаменитых мужах» никогда не занимало центрального места в исследованиях, посвященных творчеству этого церковного писателя, поскольку это произведение нельзя отнести к богословским трудам, а этот святой привычно воспринимается и светскими, и церковными учеными как богослов-полемист и переводчик Священного Писания. Небольшой по объему трактат рассматривается как историческое

произведение, одно из двух, написанных блаж. Иеронимом¹. Богослов А. А. Смирнов (1839–1906) охарактеризовал это сочинение так: «каталог Иеронима для истории отеческой письменности имеет почти такое же значение, какое труд Евсевия имеет для общей церковной истории»². Иными словами, как «Церковная история» Евсевия Памфила из Кесарии является самым ранним сочинением по истории христианской Церкви, так и трактат «О знаменитых мужах» представляет собой, по сути, «первый опыт»³ «историко-литературного труда»⁴, первую историю христианской литературы.

О дате написания трактата высказывались разные мнения, но и А. А. Смирнов, и А. Р. Фокин называют 393 г. Однако трактат уже упоминается в сочинении блаж. Иеронима «Против Иовиниана», созданном, как пишет А. Р. Фокин, в начале 393 г. по просьбе Паммахия, старого друга блаж. Иеронима⁵. Рассказывая в этом сочинении о св. ап. Иоанне Богослове, Иероним перечисляет основные сведения о его жизни и отмечает при этом: «это я кратко упомянул и в книге “О знаменитых мужах”»⁶. Если две книги «Против Иовиниана» были созданы, как считает А. Р. Фокин, в начале 393 г., то можно высказать два предположения: либо блаж. Иероним писал два сочинения одновременно, либо все же датой создания трактата «О знаменитых мужах» является 392 г., поскольку текст иеронимова сочинения по истории христианской литературы прост и незамысловат лишь на первый взгляд. Чтобы написать его, Иерониму потребовалось не только изучение многочисленных источников, но и большая литературная работа.

¹ Смирнов А. А. Блаженный Иероним Стридонский как историк и полемист. М., 1995. С. 7; Фокин А. Р. Блаженный Иероним Стридонский. Библиист, экзегет, теолог. М., 2010. С. 103–105.

² Смирнов А. А. Указ. соч. С. 11.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Фокин А. Р. Указ. соч. С. 35–36.

⁶ PL. Vol. 23, col. 247B.

Иероним создал свой трактат в Вифлееме, где он открыл школу для молодых людей¹. В программу ее входило изучение церковной и светской литературы. По выражению недруга Иеронима, Руфина, там соединялись «с Псалтырью Гораций, с Евангелием Марон, с Апостолом Цицерон»². Условия для литературных трудов в Вифлееме были весьма благоприятны. блаж. Иероним не только преподавал в основанной им школе и принимал участие в богослужениях как проповедник³, но и написал многие впоследствии очень известные сочинения – толкования на библейские книги, жития, исследования источников библейских текстов⁴, а также продолжал исправлять старый перевод Священного Писания и заново переводил Ветхий завет с древнееврейского языка⁵.

Чтобы собрать материал для своих исследований, блаж. Иероним имел возможность ездить в Кесарию Палестинскую⁶, где находилась одна из самых значительных библиотек того времени. В ней хранилось обширное собрание библейских рукописей и трудов христианских богословов, основу которого заложил еще Ориген, а расширили св. мученик Памфил и епископы Кесарийские – Евсевий, автор «Церковной истории», сумевший сохранить книжные собрания библиотеки во время диоклетиановых гонений, и Евзой⁷, соученик свт. Григория Назианзина, также церковный писатель. В трактате «О знаменитых мужах» сохранились упоминания о том, что некоторые книги блаж. Иероним читал именно в Кесарии⁸.

Располагал блаж. Иероним и богатой личной библиотекой, которую он начал собирать еще в школьные годы, обучаясь в Риме (358–368 гг.) у знаменитых риторов Мария Викто-

¹ Фокин А. Р. Указ. соч. С. 34.

² PL. Vol. 21, col. 589B.

³ Фокин А. Р. Указ. соч. С. 34.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Там же. С. 33–34.

⁸ PL. Vol. 23, col. 613B, 685A, 707A.

рина и грамматика Элия Доната¹. Во время учебы Иероним переписывал книги латинских классиков, которые стали основой его библиотеки². Вероятно, его собранию богословской литературы положили начало сочинения св. Иринея Лионского, которые Иероним впервые прочел в Трире и также скопировал для своих нужд (368 или 369 гг.). В Трире находилась одна из резиденций императора Валентиниана I, и, возможно, Иероним отправился туда, чтобы по желанию семьи сделать светскую карьеру³. Там же он мог познакомиться с Флавием Луцием Декстером (ум. 444), уроженцем Испании, происходившим из знатного рода (отцом его был св. Пакиан, епископ Барселонский), поскольку юноши из благородных семей по традиции часто начинали свою карьеру при дворе правителя. Образованный и способный человек при дворе мог получить должность в императорской канцелярии, обратить на себя внимание правителя и стать в конце концов высокопоставленным чиновником, его помощником и доверенным лицом. Такую карьеру сделал друг Иеронима Декстер, некоторое время бывший камерарием императора Феодосия I.

С названием трактата связана интересная история, которая известна из переписки Иеронима с блаж. Августином. Как следует из письма Иеронима, Августин «получил от некого брата его книгу, не имеющую названия», в которой автор перечислил «церковных писателей, как греческих, так и латинских»⁴. На вопрос Августина о названии этой книги, брат ответил, что она называется «Эпитафий, или Надгробное слово»⁵. В письме к Иерониму Августин, вдумчивый читатель, рассудил, «что книга называлась бы правильно, если бы [он прочел] там о жизни или писаниях тех, кто уже умер»⁶, и потому «удивился, почему книге дано такое название»⁷, если в ней упоминались и сочинения

¹ Фокин А. Р. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 20–21.

⁴ PL. Vol. 33, col. 252.

⁵ Ibid. col. 252.

⁶ Ibid. col. 252.

⁷ Ibid. col. 252.

тех, кто жил во время ее написания. Иероним призывает Августина обратиться к античной традиции подобных сочинений: «Ты же читал и греческих, и латинских авторов, которые описывали жизнь знаменитых мужей и никогда не давали своим сочинениям название “Надгробное слово”, но [называли их] “О знаменитых мужах”, например, о военачальниках, философах, ораторах, историках, поэтах, авторах эпических поэм, трагедий, комедий»¹. Сочинение, имеющее название «Надгробное слово», как справедливо полагает Иероним, должно рассказывать об умерших. Поэтому он как автор приводит два возможных названия своего произведения: «эту книгу должно называть “О знаменитых мужах” или в собственном значении “О церковных писателях”»². Из этого письма явствуют две вещи.

Перечисление типов «знаменитых мужей», о которых можно писать книгу с соответствующим названием, отсылает нас к сочинениям Светония «Жизнь двенадцати цезарей» и особенно «О знаменитых мужах» (*De viris illustribus*), которая разделена именно на такие рубрики – «О грамматиках и риториках», «О поэтах», «Об историках», «Об ораторах»³, причем рубрика «О поэтах» включает в себя жизнеописания «поэтов-эпиков» (Вергилий, Лукан) и «автора комедий» (Теренций). Это письмо является параллелью к Вступлению иеронимова трактата, представляющему собой послание автора к его другу Декстеру. В нем Иероним прямо говорит, что идет «по стопам Транквилла»⁴ и называет своих предшественников – «и греческих, и латинских авторов»⁵: с одной стороны, «у греков перипатетик Гермипп, Антигон Каристий, ученый муж Сатир, и ученейший из всех музыкант Аристоксен»⁶, с другой, «у латинян Варрон,

¹ PL. Vol. 33, col. 252.

² Ibidem.

³ См. публикации переводов М. Л. Гаспарова на русский язык. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/suetonius/index.htm>

⁴ Livre des Hommes Illustres, par Saint Jйrome; suivi de celui de Gennade et de celui de S. Isidore de Sйville / Trad. en Francais avec le texte en reg. et des comm. par F. J. Collombet. Paris, 1840. P. 3.

⁵ PL. Vol. 33, col. 252.

⁶ Livre des Hommes Illustres... P. 3.

Сантра, Непот, Гигин и... Транквилл»¹. В другом письме, адресованном Дезидерию и его сестре Серенилле (393 г.), Иероним снова говорит, что «подражал Транквиллу, а у греков Аполлонию»². Возможно, греческим писателем, сочинения которого были образцом биографического жанра для Иеронима, был Аполлоний Тианский (1 г. н.э. – 98 г. н.э), автор «Жизнеописания Пифагора»³.

Иероним упоминает еще одного латинского писателя, называя его отдельно от остальных, так что этот автор как бы оказывается в тени и Светония, и других перечисленных выше мастеров биографии. А между тем это вовсе не третьеразрядный сочинитель. Обращаясь во Вступлении к своему другу Декстеру, Иероним пишет: «молю Господа Иисуса Христа, чтобы то, что твой Цицерон, пребывавший в твердыне римского красноречия, не презрел сделать в «Бруте», составляя перечень ораторов, [говоривших] на латинском языке, то я в соответствии с твоим побуждением достойно исполнил бы, перечисляя Церковных Писателей»⁴. Иными словами, хотя Иероним и говорит во Вступлении, что он не следует «ни за каким впереди идущим человеком»⁵, видимо, имея в виду не столько сведения о писателях, сколько образец литературной формы и стиля, это всего лишь топос. На самом деле у Иеронима по крайней мере два непосредственных латиноязычных предшественника, на которых он равняется, – Светоний и Цицерон.

Как сказано выше, Блаж.Иероним приводит два варианта названий, которые соответствуют содержанию трактата, – «О знаменитых мужах» и «О церковных писателях». Оба эти названия позже использовались для книг рассматриваемого здесь жанра, причем одни писатели, как Геннадий Марсельский (ум. 496), Сигеберт из Жемблу (ок.1030–1112), Иоанн Тритемий

¹ Livre des Hommes Illustres... P. 3.

² PL. Vol. 22, col. 493.

³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм.

§ 4. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose006/txt04.htm>.

⁴ PL. Vol. 23, col. 603B.

⁵ Ibid. col. 603B.

(1462–1516), выбрали вариант «О церковных писателях», а св. Исидор Севильский (560/570–636) и св. Ильдефонс Толедский (607–667), напротив, предпочли более классическое название «О знаменитых мужах».

История христианской литературы в трактате охватывает первые три столетия (по 360 г.), о чем блаж. Иероним сообщает в упомянутом выше послании к Дезидерию и его сестре Серенилле: «от апостолов до нашего времени... и в конце списка весьма многих, в заключении сочинения, я также поставил себя, словно бы недостаточно искусного и малейшего из всех христиан; в этой книге мне было необходимо составить краткий список того, что я написал, вплоть до четырнадцатого года [правления] властителя Феодосия»¹.

Трактат включает в себя сто тридцать пять глав, каждая из которых рассказывает об отдельном писателе. Биографии писателей построены по плану, заданному правилами античной риторики. Согласно этим правилам, первым признаком повествования является «лицо»², то есть человек, и, чтобы читатель мог составить о герое повествования как можно более полное впечатление, рассказ о «лице» должен включать в себя следующие элементы: «происхождение, врожденные качества личности, образование, характер, возраст, нравственные качества, деяния, речь, смерть, посмертное мнение [о человеке]»³. Иероним творчески подходит к использованию этого плана, причем выбор элементов напрямую связан с темой его книги.

Главы трактата неодинаковы по объему. Некоторые жизнеописания довольно пространны, как, например, главы о св. ап. Павле⁴ и Оригене⁵. Другие весьма кратки. Так, например,

¹ PL. Vol. 22, col. 493.

² *Progymnasmata. Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric* / Trans., intr., notes G. A. Kennedy. Atlanta, GA, Society of Biblical literature, 2003. P. 28.

³ *Progymnasmata*. P. 28.

⁴ PL. Vol. 23, col. 615A–619A.

⁵ *Ibid.* col. 663B–667B.

глава о епископе Гераклите состоит из одного предложения: «Гераклит в правление Коммода и Севера составил толкование на Апостола»¹. Если обратиться к предписанному риторикой плану рассказа о «лице», то окажется, что для целей Иеронима достаточно было включить в повествование имя писателя, время, когда он жил и работал, и упомянуть его «деяние», то есть результат его трудов. Это вполне объяснимо, поскольку «в основу “истории” полагается рассказ о “деяниях”»², а Иероним пишет именно «историю», пусть и историю литературы. Сжатые биографии могут включать оценку «деяний». За гераклитовой биографией следует рассказ о Максиме, современнике Гераклита, и потому Иерониму не нужно повторять имена императоров, однако он сообщает, что Максим «всесторонне обсудил в замечательном сочинении известные вопросы»³, причем автора характеризует не только прямая оценка его сочинения (*insignis* – «замечательный, выдающийся»), но и качество его работы над всем известной (*famosus* – «известный, славный, но и пресловутый»), то есть «у всех на устах») темой: Максим *ventilavit... quaestionem* – «всесторонне обсудил» интересовавшие всех темы, буквально «провеял» материал, отделяя зерна от плевелов. Краткая биография может включать оценку не только «деяний», но и нравственных качеств героя. О Понтии, диаконе св. Киприана Карфагенского, говорится, что он не только «оставил блистательное (*egregium*) сочинение о житии и страдании Киприана»⁴, но и «вплоть до дня страдания вместе с ним претерпевал ссылку»⁵, являя собой пример стойкости и верности Богу и своему иерарху.

Когда Иероним пишет пространную биографию, он использует практически все элементы биографии античной, но не

¹ PL. Vol. 23, col. 661A.

² Ненарокова М. Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, поповедник. М., 2003. С. 139.

³ PL. Vol. 23, col. 661A.

⁴ Ibid. col. 677B.

⁵ Ibidem.

совсем в том порядке, как они перечисляются в риторических трактатах. В рассказе о св. ап. Павле на первое место после имени ставится элемент описания «лица», который можно соотнести с положением человека в обществе и с посмертным мнением о нем, то есть с оценкой его жизни и деятельности: «Апостол Павел, который прежде звался Савлом, не принадлежавший к числу двенадцати апостолов»¹. После того как читатель получает краткое представление о том, чье жизнеописание ему предстоит прочесть, и настраивается на рассказ о весьма достойном муже, Иероним возвращается к античной формуле. Он пишет о происхождении св. Павла («был из колена Вениаминова и иудейского города Гискалис»²) и о его образовании (родители «ради изучения Закона послали его в Иерусалим, где наставником его стал Гамалиил, просвещеннейший муж»³). Важной частью биографии «знаменитого мужа», наглядным доказательством того, что его прославляют заслуженно, являются «деяния». Хотя писатели и поэты относятся к разряду «знаменитых мужей», от них трудно ожидать «деяний» в виде бранных подвигов или дипломатических побед. Для такого рода «знаменитых мужей» более привычно служение пером или словом. Так, в главе о Папии, епископе Иерапольском, Иероним отмечает, что плоды трудов его двояки: окружающим, и самому Иерониму в их числе, были полезны и «книги», и «живая речь»⁴, то есть беседы с ученым епископом. Таково же разделение «деяний» и в главе о Пантене⁵. Подобное разделение соответствует апостольскому и святоотеческому предписанию христианам проявлять свою веру словом и делом («Скажет кто-нибудь: "ты имеешь веру, а я имею дела": покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих» (Иак. 2:18)), ибо «как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2:26). В главе о

¹ PL. Vol. 23, col. 615A.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. col. 637A.

⁵ Ibid. col. 651A.

св. ап. Павле отрывки, посвященные «словам» и «делам», не идут друг за другом. Сначала Иероним пишет о том, что он сам считает более действенным, то есть о служении «живой речью»: св. апостол «был послан в Рим и... ежедневно спорил с иудеями о Пришествии Христа... Павел был отпущен Нероном, чтобы и в Западных областях также было проповедано Евангелие Христово»¹. Рассказ о проповеднических трудах св. Павла заканчивается выборкой цитат из Второго Послания к Тимофею, написанного «в то время, когда он, диктуя Послание из оков, претерпевал страдание»². Эти цитаты становятся в восприятии читателя как бы предсмертной речью, подводящей итог достойной во всех отношениях жизни: «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей» (2Тим. 4:16–17). Совершенно очевидно, что он под видом льва по причине его жестокости обозначает Нерона. И далее: «...я избавился из львиных челюстей» (2Тим. 4:16–17). И тотчас же: «И избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства», потому что, конечно, он предчувствовал, что ему предстоит скорое мученичество. Ибо и в этом Послании он написал ранее: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало» (1Тим. 4:6)³. Итогом «веры из дел» (Иак. 2:18) становится перечисление Посланий св. ап. Павла, его служение «делом»: «А написал он девять Посланий к Семи Церквям»⁴, к которым прибавляется Послание «К Евреям»⁵. В соответствии с правилами античной риторики Иероним характеризует «речь» своего героя: «Он написал, как еврей к евреям, то есть весьма красноречиво на своем

¹ PL. Vol. 23, col. 615C.

² Ibid. col. 615C–617A.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. col. 617B.

⁵ Ibidem.

языке»¹. Мученическая смерть апостола описана настолько подробно, насколько это возможно в краткой биографии: «в четырнадцатый год [правления] Нерона, в тот же день, что и Петр в Риме, он был казнен за Христа чрез усекновение головы и похоронен на Остийской дороге, в год после Страстей Христовых тридцать седьмой»². Иероним опускает такие элементы описания «лица», как «...врожденные качества личности... характер, возраст, нравственные качества...»³, поскольку все, что относится к складу личности св. Павла, – его врожденные склонности, развившиеся со временем и ставшие основными чертами его характера, его моральный облик, – обобщается в слове «апостол», то есть «человек, преданный идее, имеющий способности для ее распространения и пользующийся большим уважением у окружающих». «Возраст» в этих обстоятельствах не имеет значения.

Такое необходимое качество исторического повествования, как достоверность, достигается Иеронимом при помощи указаний на время. Так, в вышеприведенном отрывке из главы, посвященной св. ап. Павлу, Иероним определяет дату смерти апостола как можно более точно, приводя ее в двух системах координат: с одной стороны, эта дата указывается в соответствии с перечнем римских императоров («в четырнадцатый год [правления] Нерона»⁴), с другой, точкой отсчета становится год крестной смерти Христа («в тридцать седьмой год после Страстей Христовых»⁵). Дата еще более конкретизируется при помощи указания на день: «в тот же день, что и Петр в Риме»⁶. Третья система координат, встречающаяся в иеронимовом трактате, связана с преемственностью церковной иерархии: «Игнатий, третий епископ Антиохийской церкви после апостола Пет-

¹ Ibidem.

² Ibid. col. 617A.

³ Progyrnasmata... P. 28.

⁴ PL. Vol. 23, col. 617A.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

ра»¹, «Феофил, шестой епископ Антиохийской церкви»², «Виктор, тринадцатый епископ Рима»³.

Другими способами достигнуть достоверности являются упоминания всем известных фактов, например, особенностей казни («прибитый к кресту, Петр стяжал венец мученичества, головой повернутый к земле, поднятый ногами в небо, объявляя, что он не достоин так быть распятым, как его Господь»⁴; св. Игнатий Антиохийский «был... осужден на [растерзание] дикими зверями»⁵); о Иакове Праведном сообщается, что «его надгробный камень с надписью был широко известен вплоть до правления Тита и конца правления Адриана»⁶, а местом захоронения св. Игнатия называются окрестности Антиохии: «кладбище за Дафнийскими воротами»⁷. С именем св. Климента связано здание, которое находилось перед глазами всех жителей Рима: «церковь, построенная в Риме, хранит память о нем и по сей день»⁸, а Иосиф Флавий удостоился одной из высших наград «в знак его славного таланта» – «статуи в Риме»⁹.

Достоверность происходящего подтверждают также и «свидетельства очевидцев: “знающих, свидетелей, помощников”»¹⁰. Наиболее авторитетными «свидетелями» являются свв. апп. Петр¹¹ и Павел («Он тот, о ком апостол Павел пишет...»¹²), евангелисты Лука («как повествует Лука»¹³), Матфей и Марк («сочинения Матфея, Марка и Луки»¹⁴). Много ссылок

¹ Ibid. col. 633B.

² Ibid. col. 643.

³ Ibid. col. 649A.

⁴ Ibid. col. 607C.

⁵ PL. Vol. 23, col. 633C.

⁶ Ibid. col. 613A.

⁷ Ibid. col. 635B.

⁸ Ibid. col. 631C.

⁹ Ibid. col. 629B.

¹⁰ *Ненарокова М. Р.* Указ. соч. С. 141.

¹¹ PL. Vol. 23, col. 621B.

¹² Ibid. col. 611B.

¹³ Ibid. col. 623A.

¹⁴ Ibid. col. 623B.

встречаем на известных раннехристианских писателей – на Иосифа Флавия¹, Филона Александрийского («Филон, наиболее сведущий из иудеев»²), Тертуллиана³, Лактанция⁴, а также на тех авторов, чьи сочинения до наших дней не дошли, например, на Гегезиппа, которого Иероним называет «историком»⁵. Интересно, что упоминания имен этих достойных доверия «свидетелей» играют в повествовании двойную роль: ссылки на них не только придают вес словам Иеронима, но и являются одним из средств достижения связности текста. Так, в тексте трактата находим и ссылки на уже упоминавшихся апостолов, евангелистов и церковных писателей, и главы, о них рассказывающие⁶. Иероним использует также и устную традицию, предание, когда имена «свидетелей» неизвестны или, может быть, ничего не скажут читателю: «О нем говорят, что...»⁷, «...пишут, что...»⁸, «А это я сказал, опираясь на вышеупомянутое мнение, которое я привел, как переданное весьма многими»⁹. Однажды он записывает свидетельство человека, с которым разговаривал лично: «Я знал некоего старца по имени Павел из италийского города Конкордии; который рассказывал, что когда он был еще очень молод, он видел в Риме писца блаженного Киприана, в то время уже бывшего в преклонных годах, и тот рассказывал сему Павлу, что Киприан никогда не проводил и одного дня без чтения Тертуллиана и часто говорил ему: «Поддай учителя», имея в виду Тертуллиана»¹⁰.

Иероним и сам становится «свидетелем», высказывая свое мнение и о людях, и о книгах. Мы слышим его «живую речь»

¹ Ibid. col. 611A.

² Ibid. col. 621C.

³ Ibid. col. 617B, 619C, 637B, 643B, 655B etc.

⁴ Ibid. col. 637B, 669B.

⁵ Ibid. col. 605B, 609A.

⁶ Напр., PL. Vol. 23, «Петр» col. 607B–609A, «Павел» col. 615A–619A, «Лука» col. 619B–621A, «Гегезипп» col. 639C–641A и т.д.

⁷ PL. Vol. 23, col. 637B.

⁸ Ibid. col. 641A.

⁹ Ibid. col. 637A–637B.

¹⁰ Ibid. col. 661C–663A.

(«Я читал Толкования на Евангелие и на Притчи Соломоновы, подписанные его именем, которые, как мне кажется, не соответствуют изяществу и риторическому слогу вышеназванных сочинений»¹), следим за ходом его рассуждений («Лука написал также знаменитое сочинение, которому предпослано название «Деяния апостолов»; повествование этой книги доходит до двух лет пребывания Павла в Риме, то есть до четвертого года [правления Нерона] (Деян. 2, 8, 30). Из этого мы понимаем, что книга была составлена в этом же городе. Следовательно, «Деяния Павла и Феклы» и все предание о крещеном льве мы причтем к апокрифическим писаниям. Ибо как это может быть, чтобы неразлучный спутник апостола среди всего прочего не знал лишь об этом?»²), принимаем его взвешенную и здравую оценку какого-либо сочинения («Поистине полезная книга, и многие древние писатели пользовались свидетельствами из нее. Но у латинян она почти неизвестна»³). Иногда Иероним даже противопоставляет свое мнение общепринятому: «...некоторые полагают, что Иаков – сын Иосифа от другой жены, мне же кажется, что он сын Марии, сестры Матери Господа (Ин. 19:25), которую упоминает в своей книге [св. апостол] Иоанн [Богослов]»⁴. Его восхищение прекрасным слогом книги получает столь же прекрасное риторическое оформление: «есть у [Вардесана] многие другие сочинения о гонениях, которые были переведены его последователями с сирийского языка на греческий. Если же в переводе столько силы и великолепия, какова же должна быть [книга] на его родном языке?»⁵. При этом убедительность высказывания ничуть не страдает, так как читатель вряд ли возьмется противоречить столь уважаемому и авторитетному человеку, напротив, он поспешит разделить мнение Иеронима.

Будучи известным проповедником и главой школы, Иероним и сам чувствует себя вправе давать оценку творчеству и личности тех, о ком он пишет. Иногда ему достаточно охарактере-

¹ Ibid. col. 643C–645A.

² PL. Vol. 23, col. 619B–619C.

³ Ibid. col. 625B.

⁴ Ibid. col. 609A.

⁵ Ibid. col. 649A.

ризовать образование и талант авторов, чтобы читатель составил свое мнение об их творчестве: «Аполлоний, весьма ученый муж»¹, «Евагрий... [муж] острого и пылкого ума»², «Аммоний, муж ученый и весьма просвещенный в отношении философии»³. Согласно античным представлениям, оратор должен был быть одновременно и нравственным, и образованным человеком, отсюда иеронимовы оценки писателей с точки зрения творчества и личности: «Пакиан, славный... целомудрием и красноречием, как жизнью, так и речью»⁴, «Филеас... славного рода и значителен делами»⁵. О своем друге Декстере Иероним выразился следующим образом: «Декстер... славный в миру и преданный Христовой вере»⁶. Чаще Иероним дает оценку только произведениям церковных писателей: «превосходная книга»⁷, «краткие и изящные трактаты»⁸, «преславная... книга»⁹, «весьма славная и укрепляющая книга»¹⁰, «знаменитые сочинения»¹¹. На характеристике произведений построена биография Григория из Беттики, епископа Эльвиры (ныне – Гранада): он «до глубокой старости составлял различные трактаты посредственным слогом и образцовую книгу о вере, которая, как говорят, и сегодня считается превосходной»¹². Всем этим оценкам вес и значимость придает репутация самого Иеронима.

Иеронимовы биографии церковных писателей подобны иконам, тем более что многие из его героев почитаются как святые. Некоторые «словесные иконы», краткие жизнеописания, отличаются незаполненным фоном, в центре которого видим

¹ Ibid. col. 655A.

² Ibid. col. 711C–713A.

³ Ibid. col. 667B.

⁴ PL, Vol. 23, col. 703A.

⁵ Ibid. col. 687A.

⁶ Ibid. col. 715A.

⁷ Ibid. col. 699A.

⁸ Ibid. col. 643.

⁹ Ibid. col. 647A.

¹⁰ Ibid. col. 647B.

¹¹ Ibid. col. 653A.

¹² Ibid. col. 703A.

фигуру того или иного писателя с написанными им книгами. Заполненный фон других «икон», более пространных глав трактата, позволяет составить представление о времени, когда закладывались основы христианской и – шире – средневековой литературы. Мы не можем представить себе эту эпоху во всех подробностях, однако некоторые черты ее отмечены Иеронимом достаточно ярко.

Первые три века новой эры отличала пестрота духовной жизни. Новая вера постепенно распространялась по землям Римской империи, а император все еще приобщался к таинствам Элевсина, что привело к трагичным для христиан последствиям: «...[император] Адриан проводил зиму в Афинах, посещая Элевсин, и, посвященный почти во все таинства Греции, дал повод тем, кто ненавидел христиан, без своего приказа напасть на верующих»¹. Гонения были многочисленны, и часто церковные писатели, о которых пишет Иероним, заканчивали свою жизнь как мученики. Таков был, например, Александр Каппадокийский, о котором говорится: «Во время седьмого гонения при Деции, когда пострадал Бабила, [епископ] Антиохии, он был приведен в Кесарию, и заключен в темницу, и по причине исповедания Христа стяжал мученический венец»². Иногда читатель оказывается свидетелем происходящего благодаря краткому замечанию Иеронима: например, Филеас, епископ египетского города Тмуис, схваченный язычниками, перед казнью «имел прение с судьей, который понуждал его совершить жертвоприношение»³. Миряне, даже знатные и высокопоставленные, также шли на смерть за Христа. В главе об Аполлонии, «сенаторе города Рима»⁴, говорится, что он, арестованный по доносу своего раба, «чтобы изложить учение своей веры, составил знаменитое сочинение, которое прочел в сенате»⁵. Его книга произвела на

¹ PL. Vol. 23, col. 637B.

² Ibid. col. 673C.

³ Ibid. col. 687A.

⁴ Ibid. col. 657A.

⁵ Ibid. col. 657A–657B.

сенаторов большое впечатление, однако он все равно был казнен, поскольку «у римлян тогда соблюдался древний закон, предписывающий не отпускать на волю христиан, если они не отрелись от своей веры»¹.

Исповедуя свою веру, христиане постоянно полемизировали с представителями различных сект, извращавших догматы Свящ. Писания или создававших новые учения на основе языческих философских систем, в первую очередь, гностицизма. В иеронимовом трактате встречаем упоминания о новацианах², арианах³, донатистах⁴, манихеях⁵. Христиане даже иногда терпели преследования еретиков, например, св. Афанасий Александрийский, «претерпевавший многие козни ариан»⁶, вынужден был покинуть город и долгое время скрывался. Однако в отношениях христиан и еретиков не все было просто: так, Тертуллиан «склонился к учению Монтана по причине зависти и поношений, [которые он нес] от клириков Римской Церкви»⁷.

На фоне «словесных икон» можно различить и светлые, радостные детали. Из иеронимова трактата мы многое узнаем о позднеантичной школе. Большинство церковных писателей были наставниками в искусстве риторики. Упоминания об этом встречаем в главах, рассказывающих о Малхионе⁸, Татиане⁹, Киприане Афере¹⁰, Лактанции¹¹. Представление о школьной программе можно получить из биографий Анатолия Александрийского, «мужа удивительной учености... в арифметике, гео-

¹ Ibid. col. 657B.

² Ibid. col. 681A.

³ Ibid. col. 691B.

⁴ PL. Vol. 23, col. 695B.

⁵ Ibid. col. 701B.

⁶ Ibid. col. 693A.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid. col. 681B.

⁹ Ibid. col. 645C.

¹⁰ Ibid. col. 677B.

¹¹ Ibid. col. 687B.

метрии, астрономии, грамматике, риторике, диалектике»¹, и Оригена, посещавшего школу, где преподавались подобные дисциплины, и изучавшего «диалектику также и геометрию, и арифметику, музыку, грамматику и риторику, и учения всех философов»². Согласно биографии Феодора-Григория Неокесарийского, обучение в школе продолжалось пять лет и завершилось церемонией, похожей на выпускные экзамены: «Феодор... написал благодарственный панегирик Оригену, [своему учителю. – *М. Н.*], и прочел его перед большим собранием в присутствии также и Оригена»³.

Иеронимов трактат является ценным источником по истории библиотек, в частности, знаменитой библиотеки в Кесарии Палестинской, основанной еще Оригеном. Как уже говорилось выше, пресвитеры и епископы этого города делали все возможное, чтобы обогащать и увеличивать библиотечное собрание. Так, «пресвитер Памфил, приближенный Евсевия, епископа Кесарийского, пылал столь великой любовью к библиотеке, что переписал своей рукой весьма большую часть сочинений Оригена, которые до сего дня хранятся в Кесарийской библиотеке»⁴. И сам Евсевий продолжил дело Памфила, а когда во время гонений библиотека пострадала⁵, Евзой, епископ Кесарии, с большими трудами постарался ее восстановить⁶. Видимо, эти сведения о создании и существовании библиотеки Иероним получил в Кесарии Палестинской, приезжая туда в поисках нужных ему книг.

Идя «по следам» Цицерона и Светония, Иероним создает произведение, отвечающее требованиям античной риторики и соответствующего литературного жанра. Будучи церковным писателем, он пишет историю христианской литературной мысли, выбор темы и необходимость полемики с противниками

¹ Ibid. col. 683B.

² Ibid. col. 665B.

³ Ibid. col. 675B.

⁴ PL. Vol. 23, col. 683C–685A.

⁵ Ibid. col. 707A.

⁶ Ibid. col. 707A.

Церкви обязывают его к точности и достоверности. Трактат «О знаменитых мужах» показывает читателю бурную и беспокойную жизнь империи. На этом живом, дышащем фоне выделяются фигуры церковных писателей, обрисованные с разной степенью подробности. Читая иеронимов трактат, можно увидеть в нем те черты, которые будут свойственны и историям литературы будущего: внимание к человеку и результатам его трудов, к деталям его жизни, имеющим значение для его творчества, ощущение преемственности и духовного родства между авторами-единомышленниками, – потому что книгу о писателях лучше всего может написать писатель.

A WRITER ON WRITERS: ST. JEROME AND HIS TREATISE “ON THE FAMOUS MEN”

Mariya R. Nenarokova

St. Jerome's treatise "On the Famous Men" is the first history of Christian literature. It consists of the biographies of ecclesiastical writers. Jerome modeled his book on the treatises of the corresponding genre by Suetonius and Cicero. Jerome's treatise covers the first three centuries of development of the Christian literature. Each of the treatise's 135 chapters is dedicated to an individual writer. The amount of the chapters is variable. The biographies of the writers are created in accordance with the rules of the classical rhetoric. The most important elements of the biography are the name of the writer, the time when he lived and worked, and his work, that is, books, written by him. To achieve credibility and accuracy, necessary in a historical narrative, Jerome mentions time, facts, known to everybody, the accounts of eyewitnesses. Jerome himself acts as a witness expressing his opinion about people and about the books. The lives of ecclesiastical writers are described against the background of the events of the contemporary life. The reader learns about the persecution of Christians, their polemics with the Gentiles, the school of late antiquity, the library of Caesarea Maritima.

Key words: Late antiquity, Latin literature, biography, St. Jerome, Suetonius, Cicero, treatise, ecclesiastical writer, library, commentary.

ХРИСТИАНСКАЯ ПЕДАГОГИЯ НА ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ V ВЕКА: ОТ ПРОПОВЕДИ К ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЕ*

В статье рассматривается вопрос о становлении христианской педагогики на латинском Западе V в. Показывается роль церковной проповеди в формировании нового языка и картины мира у паствы. Рассмотрен вопрос о первых церковных школах в Южной Галлии и Северной Италии V в.

Ключевые слова: поздняя Античность, Церковь, проповедь, епископская школа, Эннодий, Цезарий Арелатский.

Очевидно, что становление христианского общества в Западной Европе на рубеже Античности и Средневековья требовало формирования качественно новой системы передачи знаний, новой школы в условиях, когда необходимо было не только просвещать в рамках проповеди паству, но и формировать те кадры, на чьи плечи должно было лечь дальнейшее наставление мирян. Также очевидно, что несмотря на сравнительно раннее проникновение христианства в западные провинции Римской империи (сам Рим – вторая половина I в., Южная Галлия – вторая половина II в.), лишь с середины IV в. можно говорить о серьезных успехах в христианизации широких слоев населения. Также с достаточной уверенностью мы можем утверждать, что именно конец IV и все V столетие стали тем временем, когда в ряде городов Западной Империи предпринимаются попытки создать некое подобие школ в рамках Церкви, акцент в которых был сделан не на обучении дисциплинам, традиционным для муниципальных школ, а прежде всего на преподавании религи-

© Тюленев В. М., 2017

* Исследование проведено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и социальных наук РФФИ (проект № 16-06-00461а «Римская школа и античная образованность в Южной Галлии и Италии на рубеже V–VI вв.»).

озной истины, а также способов чтения и понимания Священного Писания.

Обычно, когда речь заходит о становлении церковных школ в Западной Европе, исследователи в качестве своеобразного маркера используют решения поместных соборов, направленные на попечение о новой генерации священнических кадров. При этом чаще всего вспоминают два поместных собора – Толедский 527 г. и Везонский 529 г., – определивших создание школ для подготовки новых священников, а также для обучения мирян Священному Писанию¹. Серьезные же успехи в деле становления церковных школ на Западе относят к рубежу VI–VII вв. Однако следует предполагать, что решениям соборов должна была предшествовать определенная практика, некоторый опыт в организации учебного процесса внутри церковной структуры, отчасти и повлиявший на складывание системы церковного обучения. В настоящей статье мы попытаемся затронуть ряд наиболее важных вопросов, связанных с историей становления на латинском Западе (преимущественно в Южной Галлии и Италии) системы церковного образования, в том числе коснуться каналов коммуникации, посредством которым религиозное знание утверждалось в сознании прихожан, рассмотреть первый известный опыт формирования институализированного церковного образования, а также сложности, стоявшие на этом пути.

Поскольку наставничество, учительство является неотъемлемой частью христианства (по словам апостола Павла, – одним из важных дарований Бога, которое проявляется в христианской общине²), Церковь изначально формировалась как обучающая организация. Поэтому еще до институционализации церковных школ наставление в христианской истине происходило в рамках живого общения священника с его паствой и не-

¹ *Marrou H.-I.* Histoire de l'Éducation dans l'Antiquité. Paris, 1965. P. 479–480; *Richÿ P.* Éducation et culture dans l'Occident barbare VI–VIII siècles. Paris, 1962. P. 170; *Уваров П. Ю.* Школа и образование на Западе в Средние века // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. М., 1996. С. 374.

² Ср.: 1 Кор. 12:28.

обращенными, а также в рамках церковной проповеди¹. Ни объемом статьи, ни масштабность вопроса, относящегося к существу христианской проповеди, не позволяют подробно останавливаться на изучении дидактической стороны в наставительной деятельности епископов и священников V–VI вв. Остановимся на примере лишь одного епископа рубежа IV–V вв. – Максима Туринского (ум. между 408 и 423)², чьи проповеди хорошо показывают вклад церковного оратора в формирование новой системы знаний и языка прихожан. В своих обращениях к пастве он (что весьма примечательно) позиционирует себя не только в качестве отца, но и наставника и учителя: «... для многих я стал любящим отцом, а для некоторых – строгим учителем» (*Max. Taur. Sermon. 33.1*)³. Его слова явно свидетельствуют о понимании епископом своей деятельности в рамках христианской педагогики и о сознательном выборе епископом педагогических приемов: «... я радуюсь, зная, что печаль ученика является радостью для учителя. Ибо слушатель преуспевает тогда, когда проповедник наставляет более строго» (*Max. Taur. Sermon. 80.1*); «лучше исправлять грех, порицая грешника, нежели поддерживать прегрешения, храня о нем (грешнике. – *B. T.*) молчание» (*Max. Taur. Sermon. 92 extr. 1*). Схожий набор методик общения наставника и слушателей может быть обнаружен и у других проповедников. Так, авторы жития Цезария Арелатского пишут, что этот епи-

¹ Нельзя не согласиться с тем, что «обучение, наставление, воспитание через проповедь в храме являлось... отдельным, вполне устойчивым способом христианского образования» (*Безрогов В. Г.* Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., 2008. С. 357). См. также: *Auerbach E.* Literary Language and its Public in Late Latin Antiquity and in the Middle Ages. N. Y., 1965. P. 93.

² О Максиме Туринском и о его проповеднической деятельности см. нашу статью: *Тюленев В. М.* Максим Туринский: проповедник и его паства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 82–88.

³ Сноски на проповеди Максима Туринского даются по изданию: *Maximus episcopus Taurinensis. Collectio sermonum antiqua nonnullis sermonibus extravagantibus adiectis* / Ed. A. Mutzenbecher. CCSL 23. Turnhout, 1962.

скоп, «рассуждая о тщетности настоящего и убеждая в вечности блаженства, одних побуждал сладостной речью, других устрашал более резкими [словами], одних направлял угрозой, других – лаской, одних отвращал от грехов посредством нежности, других – строгости; одних он увещевал главным образом с помощью поговорок, других порицал более сурово и обращаясь к божественным свидетельствам» (*Vita Caes. I.17*)¹.

Проповедь епископа могла преследовать несколько целей. Если говорить и далее о Максиме Туринском, то он считал своим долгом прежде всего определить для слушателей границы Церкви, противопоставив истинных ее служителей внешним силам в лице язычников, еретиков и иудеев. Эта цель проповедника для настоящей статьи не столь важна. Более важным было то, что проповедь формировала в сознании прихожан новый ритм жизни. Произнося проповеди, посвященные тем или иным событиям новозаветной истории (например, «О Рождестве», «О дне святого Богоявления», «О Пасхе», «О Пятидесятнице») или поминовению святых (в частности, Иоанна Крестителя, апостолов Петра и Павла, Евсевия Верчельского), епископ неизбежно закладывал в сознание своих прихожан новый календарь, не связанный с традиционным римским календарем, а где-то – ему противостоящий.

Кроме того, проповедник стремился наставить прихожан в Священном Писании, знание которого в ту пору могло быть весьма разным, и уже через это сформировать у паствы новые, собственно христианские практики (принципы христианской любви, помощи сиротам, вдовам, принципы нестяжательства и пр.). Читая гомилии, разъясняя в них конкретные высказывания Спасителя, пророков или апостолов, епископ, если не учил прихожан аллегорическому истолкованию Священного Писания, то, по крайней мере, давал им опыт подобной герменевтики. Даже говоря, казалось бы, о повседневных вещах, близких и понятных каждому пришедшему в церковь на службу, епископ, наполняя

¹ Сноски на текст «Жития» даются по изданию: *Vitae Caesarii episcopi Arelatensis libri duo* / Ed. B. Krusch // *MGH SS rer. Merov. 4*. Hannover, 1896.

проповедь цитатами из Священного Писания, превращал фразы и положения пророков, апостолов, евангелистов в часть привычного его прихожанам языка, через который по-новому должен был пониматься и восприниматься мир. По существу, давая пояснения некоторым отрывкам из Священного Писания с опорой на примеры из повседневной жизни или просто «к месту» цитируя его текст, Максим обеспечивал живое присутствие Библии в аудитории; текст ее неизбежно вступал в контакт с прихожанами. По сути, христиане через проповедь Максима должны были увидеть, что на их глазах происходило то, что было заповедано в Писании, или то, отчего оно предостерегало. Именно в этом состоял смысл христианской педагогики проповедника: изучать Евангелие не для того, чтобы обрести знания о Христе или помнить о нем, но, чтобы «встретиться» с ним, получить от него живые наставления.

Однако не только проповедь в храме или разговор священнослужителя с прихожанами на улице обеспечивали обмен знаниями об основах христианства. Если верить сообщению жития Цезария, то его герой, став епископом в Арелате, заставлял мирян учить наизусть псалмы и петь их, подобно клирикам: «Он также внушал и побуждал, чтобы миряне (*laicorum popularitas*) учили наизусть псалмы и гимны и пели прозаические антифоны высоким и мелодичным голосом подобно клирикам: одни по-гречески, другие по-латыни, с тем чтобы не имели они времени для разговоров в церкви» (*Vita Caes. I.19*). Завершающее цитату замечание, конечно, свидетельствует о тех сложностях, с которыми сталкивался проповедник, наставляя слушателей в вопросах, которые, возможно, не воспринимались ими как значимые. Но обращает на себя внимание сам дидактический прием, найденный епископом Арелата. В результате такого заучивая текстов язык Библии переставал быть языком лишь проповедника, внешним по отношению к пастве, но мало-помалу становился языком самих прихожан. Что касается пения псалмов на греческом языке, то, думается, не следует преувеличивать важность этого замечания агиографов. Вряд ли оно свидетельствует о целенаправленном обучении прихожан греческой грамматике, скорее всего, по-гречески псалмы пели те миряне, которые при-

надлежали к осевшим в Южной Галлии греческим переселенцам, купцам, для кого этот язык был родным. Но само стремление, чтобы в латинской по преимуществу аудитории звучал живой язык Септуагинты и Евангелий, крайне показательно. Как показательно и то, что пришедший в Церковь аристократ Цезарий привносит в нее интеллектуальные традиции своего круга, заставляя простых горожан чувствовать греческий язык, к тому времени уже ставших элементов элитарной культуры.

Все приведенные выше примеры, так или иначе отражающие дидактическую деятельность священнослужителей на Западе в V – начале VI в., еще не свидетельствуют о существовании христианской школы как таковой, то есть школы, как некоего института, подобного традиционной (языческой) школе. Несмотря на политический кризис (внутреннюю нестабильность и внешние неурядицы), в городах Италии и Галлии продолжали существовать возникшие за десятилетия, а то и столетия до рассматриваемых событий муниципальные школы¹, как не прекращалась деятельность и частных преподавателей. И хотя среди учителей вполне могли оказаться христиане, число которых должно было неумолимо расти (наиболее яркие учителя-христиане рубежа V–VI вв. – Юлиан Померий, Девтерий Медиоланский), программа этих школ по-прежнему была ориентирована на чтение и толкование языческих авторов². Первое же наставление в христианской религии человек получал по преимуществу в семье³ или в храме, а мирянин, желающий всту-

¹ Richŭ P. Op. cit. P. 62–78.

² В этой связи можно вспомнить знаменитый рассказ из жития Цезария Арелатского о том, как юный Цезарий во время сна, подложив под голову книгу, данную учителем, увидел, как змея кусает его за руку, которая опиралась на кодекс; проснувшись, Цезарий покался, что предпочел мирскую мудрость свету небесного учения (Vita Caes. I.9). Между тем известно, что эту книгу, символизирующую «мирскую тщету» дал Цезарию известный церковный писатель Юлиан Померий, наставлявший его в грамматике.

³ Безрогов В. Г. Указ. соч. С. 378.

пить в клир, постигал премудрости Священного Писания уже в ходе своего служения¹.

И тем не менее, несмотря на отказ исследователей видеть на Западе христианского мира в V в. существование собственно церковных школ, источники свидетельствуют о том, что в ряде городов Южной Галлии и Северной Италии складывается практика публичного преподавания основ христианской религии. Речь идет не только о школах при монастырях, многие из которых уже в V в. стали местом, где можно было не только обрести опыт аскетической жизни, но и получить необходимые знания в Священном Писании и святоотеческой литературе².

В частности, мы можем допустить существование в Тицине (совр. Павия) V в. школы, так или иначе связанной с церковью. О Тицине того времени нам известно благодаря в первую очередь сочинениям Эннодия, в том числе житию епископа Епифания. Судя по всему, Тицин на исходе Античности представлял из себя небольшой городок, находящийся в тени расположенного неподалеку Медиолана. У нас нет серьезных оснований говорить о наличии в нем муниципальной или частной грамматической школы, хотя и полностью отрицать такую возможность нельзя³. Известно, что во времена диаконского служения Эннодия (начало VI в.) молодежь Лигурии и Прованса для получения грамматического образования устремлялась не в Тицин, а прежде всего в Медиолан в школу Девтерия, а для дальнейшего обучения – в Рим. С учетом этого тем более удивительно, что, касаясь молодых лет Епифания, Эннодий пишет, что примерно в восемь лет тот стал чтецом в церкви и «в короткое время» преуспел «в искусстве сокращения при письме и применения различных символов, выражающих множество слов», и был включен в число секретарей епископа (*Ennod. Vita Epirh.* 8–9). Этот пример из жития еще не свидетельствует, что стенографии, требующей грамматического образования, Епифа-

¹ Там же.

² *Richi P.* Op. cit. P. 140–141.

³ *Gasti F.* Cultura e scuola a Pavia nell'eta di Ennodio e Boezio // *Almum Studium Papiense. Storia dell'Universita di Pavia. Vol. 1 / A cura di D. Mantovani.* Milano, 2012. P. 110.

ний учился под опекой епископа, а не у местного и не известного нам грамматика. Но чуть ниже Эннодий упоминает среди священников, прославивших в V в. тицинскую церковь, архи-диакона Сильвестра и говорит о нем как о человеке, «опытнейшем в многолетнем наставлении дисциплинам» (*Ennod. Vita Eriph.* 35). Контекст, в который помещена эта характеристика, заставляет допустить, что Сильвестр был учителем, уже являясь архидиаконом, то есть речь идет не о диаконе, пришедшем в церковь из грамматиков или риториков и, возможно, порвавшим со своим грамматическим прошлым, а о диаконе, занимавшемся преподаванием в рамках священнического служения. Что же касается «дисциплин», то остается только гадать, о чем могла идти речь. Вполне возможно, что Сильвестр наставлял в основах веры и христианского поведения катахуменов, готовящихся принять крещение. Но в текстах Эннодия существительное *disciplina* чаще всего встречается в рамках словосочетания *liberales disciplinae* и обозначает науку, область знаний, являясь синонимом *ars*¹. Поэтому вряд ли следует безоговорочно отрицать, что Сильвестр мог выступать учителем латинской грамматики.

Очевидно, что потребности церкви (прежде всего, епископской администрации) требовали людей, образованных и в светских науках. Судя по всему, у епископа даже такого сравнительно небольшого города, как Тицин, было несколько секретарей. Эту кадровую проблему, конечно, могла решить традиционная школа: свое место в церкви часто находили люди уже освоившие тот или иной уровень образования. Например, Эннодий начал свое служение в качестве секретаря у Епифания, получив предварительно грамматическое, а может быть и риторическое образование. Но постепенно и сама церковь неизбежно должна была принимать на себя заботу о своих кадрах, особенно в том случае, если город не располагал собственной школой или практикующими частным порядком учителями.

¹ См. в частности: *Ennod.* Ep. III.15.6; Ep. V.9.1; Dict. 10.4. Также *disciplina* и *ars* выступают понятиями одного ряда у Кассиодора: *artes et disciplinae saecularium litterarum* (*Cassiod. Inst.* I.21.2).

Из написанного Эннодием «Жития Епифания» и из других сочинений нельзя понять, продолжалось ли обучение при церкви в Тицине после Сильвестра. Эннодий ничего не пишет о том, чтобы подобная практика существовала в период епископства Епифания. Но это молчание текста, для автора которого было важно создать образ скорее епископа-дипломата, нежели епископа-проповедника и учителя, не показательно. Фабио Гости, исходя из активности Эннодия, направленной на попечение о молодых людях и их образовании, допускает, что церковная школа (*scuola religiosa*) существовала на протяжении всего служения Епифания и продолжала действовать в начале VI в.¹

Нет никаких сомнений, что некое подобие церковной школы, где упор делался на изучении духовной литературы, существовало в Арелате². В отличие от Тицина Арелат был крупным городом, столицей префектуры. В нем, вне всякого сомнения, в V в. функционировала муниципальная школа³, а также могли вести частную практику грамматики, подобно Юлиану Померию, который некоторое время обучал Цезария, будущего епископа города. Сложно сказать, к какому времени следует относить рождение церковной школы в Арелате. Возможно, какие-то попытки по организации обучения христианской истине были сделаны еще Иларием (епископ с 429 по 449 г.). Однако из написанного метафорическим языком жития Илария, составленного Гоноратом Массилийским, сделать заключение о просветительской деятельности этого арелатского епископа за пределами храма довольно сложно. Более же поздний текст – житие Цезария – не оставляет сомнений относительно существования в городе в конце V в. своеобразной общины, сложившейся вокруг епископа, где практиковалось чтение и толкование священных

¹ *Gasti F.* Op. cit. P. 110.

² *Haarhoff T. J.* Schools of Gaul. A Study of Pagan and Christian Education in the Last Century of Western Empire. Oxford University Press, 1920. P. 178. Т. Хаархофф называет школу, действующую уже во времена Илария Арелатского, епископской (*episcopal school*).

³ *Richü P.* Op. cit. P. 70–71.

текстов¹, а также, по всей видимости, и обучение грамоте. Из письма аббата Флориана, некогда получившего крещение от Эннодия, мы узнаем, что он был наставлен в латинской грамматике Цезарием Арелатским². Вполне возможно, что епископ сам обучал грамоте в своей школе. Считается, что подобного рода община – *domus ecclesiae* – стала прообразом епископской школы для последующих времен³.

Насколько популярна была школа при епископском доме в Арелате, сказать сложно. Сам Эннодий, родившийся в Арелате, получил вполне традиционное образование (естественно, еще до служения Цезария) вне Церкви. Это юношеское стремление к мирскому знанию стало впоследствии для него причиной глубоких душевных переживаний⁴. Уже в период епископства Цезария, как известно, некоторые родственники Эннодия для получения грамматического образования стремились перебраться в Медиолан, что может свидетельствовать либо о высоком авторитете Девтерия Медиоланского по сравнению с арелатскими учителями, так и о стремлении родителей выбирать для своего чада учителя в городе, где будет надежный покровитель в лице влиятельного родича.

Если о принципах, лежащих в основе педагогических опытов Сильвестра, архидиакона Тицина, нам остается только предполагать, то о просветительской деятельности в общине

¹ Richū P. Op. cit. P. 166–167; Hanson R. P. C. The Reaction of the Church to the Collapse of the Western Roman Empire in the Fifth Century // *Vigiliae Christianae*. Vol. 26. № 4. 1972. P. 281.

² Florianus. Ep. ad Nicetium // *MGH Epist.* III. P. 116–117.

³ Richū P. Op. cit. P. 166; Kaster R. A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Los Angeles, London, 1988. P. 93.

⁴ Ennod. Opusc. 5. См. наш перевод: Эннодий. Благодарение за свою жизнь // Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания. Панегирик Теодориху Великому. Житие блаженного монаха Антония. Благодарение за свою жизнь / Пер. с лат., вступит. ст., коммент., указ. В. М. Тюленева. СПб., 2013. С. 163–171. Впрочем, известно, что Эннодий рано осиротел и вместе с тетушкой покинул Арелат, поэтому образование мог получить и за пределами Прованса.

Цезария Арелатского вполне определенно можно сказать, что она связана с традициями Леринского монастыря, чтение и изучение Священного Писания и святоотеческой литературы в котором было неотъемлемой частью жизни насельников¹. Практику чтения во время трапезы ввел в Арелате еще Иларий (*Honorat. Vita Hilar. 15*). Коллективное чтение в ходе трапезы, как и чтение индивидуальное практиковалось и в общине Цезария. Если исходить из того, что в Леринском монастыре помимо Писания читали правила восточных отцов и, уж конечно, «Собеседования» Иоанна Кассиана, то и в сам Арелат должны были прийти из монастырской традиции особые способы чтения и толкования священных текстов. Важным было не буквальное прочтение Писания, но поиск в нем дополнительных смыслов. Известно, что в XIV книге «Собеседований» Иоанн Кассиан объясняет, что в Священном Писании помимо исторического смысла есть смысл тропологический, аллегорический и анагогический: история охватывает знание видимых вещей, аллегория оперирует прообразами, анагога (как разновидность аллегии) поднимает от духовных тайн к чему более высокому, тропология – есть нравственное истолкование, относящееся к улучшению жизни и деятельному обучению (*Cass. Conl. XIV.8*). Поэтому кроме чтения Библии, заучивания псалмов, в таких общинах клирики должны были читать комментарии Отцов и Учителей Церкви к Писанию².

Говоря о деятельности церковных школ (или квазишкол) в V в., необходимо, конечно, учитывать еще одно немаловажное обстоятельство. Речь идет о библиотеках. У нас нет достаточных сведений о том, насколько богатым книжным собранием обладал епископ того или иного города в V столетии. Думается,

¹ Ср.: *Vita Caes. I.6*.

² Если исходить из того, что за полвека вряд ли произошли кардинальные изменения в системе духовного образования, то можно обратиться к Кассиодору, который в первой книге своих «Установлений об изучении наук...» (ок. 553 г.) знакомит насельников Вивария прежде всего с экзегетической традицией, последовательно перечисляя, кого из Отцов следует прочесть, чтобы разобраться в Восьмикнижии, кого – для понимания пророков, Псалтыри, книг Соломона и т. д.

что все зависело от целого ряда условий: от наличия у епископа (в большинстве своем они были выходцами из аристократических семей), фамильной библиотеки, от коммуникации между епархиями и монастырями, частью которой был и обмен книгами. К тому же в крупных городах книгу можно было просто приобрести у торговца. Так, Сидоний Аполлинарий в одном из писем сообщает, что получил от книготорговца (*bybliopola*) Семикнижие и Пророков¹.

Единственное церковное книжное собрание раннесредневековой Западной Европы, состав которого можно в достаточной степени реконструировать, – это библиотека Вивария². Но она вряд ли может служить типичным примером. Кассиодор был особой фигурой. Будучи представителем славного и богатого семейства, важнейшей фигурой Остготской Италии, он имел гораздо большие возможности для пополнения библиотеки, нежели простой епископ небольшого города. И даже его судьба позволяет увидеть те сложности, с которыми неизбежно должны были сталкиваться и проповедники, и организаторы школ. Кассиодор признается, что многие тексты из тех, что ему были известны, он так и не смог найти, чтобы обеспечить ими насельников Вивария: «Говорят, что также святой Иероним дал на него (Иеремию. – *V. T.*) комментарий в 20 книгах, из которых я смог найти только 6, остальные же мы все еще продолжаем с Господней помощью искать» (*Cassiod. Inst. I.3.3*)³; «говорят также, что и святой Амвросий составил со свойственным ему сладостным красноречием комментарии на Пророков, однако я до сих так и не смог их найти. Я оставляю вам с великой ревностью искать их, чтобы приумноженное толкование сведущих [мужей] подарило вам богатое знание и счастливое спасение души» (*Cassiod. Inst. I.3.6*).

¹ См. *Sidon. Apoll.* Ep. V.2.1. Впрочем, судя по этому письму Сидония, качество переписки книги нередко оставляло желать лучшего.

² Опыт этой реконструкции см.: *Vutkovič M. The Library of Vivarium: Cassiodorus and the Classics.* Budapest, 2007. P. 68–81.

³ Ссылки на Кассиодора даются по изданию: *Cassiodori Senatoris Institutiones* / Ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1963.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо еще раз обратить внимание на то, что утверждение христианства на латинском Западе и распространение его влияния в широких кругах неоднородного в этническом, социальном, культурном плане местного населения сопровождалось активной работой руководителей христианских общин. Не последнее место в этой деятельности занимало формирование у паствы через проповедь и живое общение с прихожанами нового языка, который в течение нескольких десятилетий христианизации стал обыденным языком христианизированной части населения Западной Европы. Практически одновременно с этим шел процесс институализации христианской педагогической деятельности в рамках церковных школ, ставших в V в. совершенно новым явлением в западной части Римской империи. По принципам организации, по содержанию процесса обучения эти школы (при всем внимании со стороны церковных учителей к латинской грамматике и, может быть, другим свободным искусствам) заметно отличаются не только от муниципальных школ, но и от частной практики учителей-христиан. В таких организованных епископами школах труды великих язычников, традиционно используемые для обучения грамматике и риторике, оказываются лишь тем пособием, которое призвано помочь верно читать, воспринимать и постигать мудрость, разлитую на страницах Писания.

CHRISTIAN PEDAGOGY IN THE LATIN WEST OF THE 5th CENTURY: FROM THE SERMON TO THE CHURCH SCHOOL

Vladimir M. Tyulenev

The paper analyses the development of the Christian pedagogy in the Latin West of the 5th century. The author shows the role of the Church homily in the formation of a new language and worldview of the flock. The first Church schools in Southern Gaul and Northern Italy of the 5th century are also discussed.

Key words: Late Antiquity, Church, Homily, Episcopal School, Ennodius, Caesarius of Arles.

Н. Ю. Гвоздецкая
(Москва)

ПОРТРЕТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕСТНЫХ ЕПИСКОПОВ В ИСЛАНДСКОЙ ХРОНИКЕ XIII ВЕКА «ПРОБУЖДАЮЩАЯ [ДУХОВНЫЙ] ГОЛОД» (К ПРОБЛЕМЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

На материале исландской хроники XIII века «Пробуждающая [духовный] голод» рассматриваются способы изображения человека в «портретных» характеристиках первых пяти исландских епископов, отражающих мировосприятие средневековых исландцев. Показано, что епископ воспринимался как глава местного клана со всеми его социальными и гендерными особенностями, сложившимися в эпоху викингов. Духовные черты, связанные с христианскими добродетелями, акцентируются в «портрете» Торлака сына Рунольва, который может трактоваться как прообраз Торлака сына Торхалля, первого канонизированного национального святого Исландии.

Ключевые слова: древнеисландская литература, саги о епископах, христианизация Исландии, поэтика саги, эпоха викингов.

Проблема изображения человека в западноевропейской средневековой литературе разработана преимущественно в рамках романо-германского мира эпохи классического средневековья и Возрождения¹. Менее изучены представления о человеке и способы их воплощения в литературе тех стран, которые, как Исландия, долгое время сохраняли черты раннесредневековых варварских сообществ, довольно поздно приобщившихся в позднеантичной христианской цивилизации.

© Гвоздецкая Н. Ю., 2017

¹ Значительным вкладом в изучение этой проблемы стали исследования Нины Викторовны Ревякиной, в их числе монография: *Ревякина Н. В.* Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000.

«Пробуждающая [духовный] голод» (Hungrvaka) – уникальное произведение древнеисландской литературы XIII века, повествующее о возникновении епископских кафедр в Исландии XI–XII вв. В центре рассказа, который ведется в хронологической последовательности (с указанием дат от Рождества Христова), находятся жизнеописания первых пяти исландских епископов местного происхождения, живших на хуторе Скалахольт. В жанровом отношении это произведение (аналог ему трудно найти в средневековой литературе), представляет своеобразное сочетание хроники, жития и родовой саги¹, согласно чему строятся и “портретные” характеристики его главных персонажей.

Произведение открывается чем-то вроде пролога, где анонимный автор обозначает свою цель – рассказать “о том, какими выдающимися людьми были жившие здесь [в Скалахольте] епископы” (hverir merkismenn юeir hafa verit biskuparnir, er hйr hafa verit, глава 1)². Акцент на особых качествах этих людей, нередко отвечающих идеалу святости, не заслоняет, однако, чисто бытовых, реалистических черт в их поведении и образе жизни, отображающих уклад средневекового исландского общества.

¹ Подробнее об этом произведении см. в работах: *Basset C. Hungrvaka / Transl., introd., bibliogr., index by C. / Ritgerp til MA-pryfs. Hбskyli Islands, Hugvnsindavip, 2013. URL: <http://docplayer.net/7371660-Hugvisindasvid-hungrvaka-translation-by-camilla-basset-ritgerd-til-ma-profs-camilla-basset.html> (дата обращения: 31.10.2016); *Глазырина Г. В. «Как церковь в Скальхольте стала сильной и могущественной» // Восточная Европа в древности и средневековье: Государственная территория как фактор политогенеза / XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. / Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 71–76; *Гвоздецкая Н. Ю. История и сага: «Жажда знаний» в средневековой Исландии // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. № 8. Иваново, 2016. С. 86–94.***

² Здесь и далее текст хроники цитируется в переводе автора статьи с указанием номера главы по изданию: *Kristni saga. Юбttir Юorvalds ens vnrpцrла. Юбttir Hsleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka. Herausgegeben von B. Kahle. Altnordische Saga-Bibliothek, 11. Halle, 1905.*

Почти половина произведения посвящена первым двум епископам Скалахольта – Ислейву и Гицуру, потомкам первопоселенцев Кетильбьёрна Старого и его сына Гицура Белого, который впервые построил церковь в Скалахольте и содействовал принятию христианства на альтинге (999/1000 г.). Детализация их родословной призвана подчеркнуть смену иноземных епископов наиболее уважаемыми представителями местной знати, что обеспечивало исландской Церкви самостоятельность и независимость.

Рассказ о каждом епископе сопровождается чем-то вроде “портретной” характеристики, которая всегда предшествует его избранию на альтинге и дальнейшему посвящению за рубежом. Смысл ее заключался в том, чтобы показать, насколько пригоден был претендент к возведению в высокий сан. Данные характеристики строятся, как правило, по единому образцу, аналогичному таковым в родовых сагах, и отражают не столько духовные, сколько внешние, социальные стереотипы восприятия человека в средневековой Исландии, которые выражаются через определенный, ограниченный набор фраз и лексем.

Наиболее обширны характеристики Торлака сына Рунольва и Магнуса сына Эйнара – именно тех епископов, чья жизнь более соответствует средневековым житийным образцам. Первый из них, Торлак сын Рунольва, уже с юности обнаруживший рвение к молитве, служит прообразом Торлака сына Торхалля, первого канонизированного национального святого, о котором сложены отдельные саги¹ (с. 55–56). Второй, Магнус сын Эйнара, преемник Торлака сына Рунольва, не проявил столь же высокой духовности при жизни, но остался в памяти потомков как мученик, безропотно претерпевший свою кончину во время пожара. Наиболее лапидарны характеристики Ислейва и Кленга, в описании которых превалируют светские черты. Вообще говоря, любой из “портретов” отмечает, прежде всего, те особенности

¹ *Хьяульмарссон Й. Р.* История Исландии. М., 2003. Новейшее издание саг о св. Торлаке см. в: Hslenzk Fornrit. XVI bindi. Biskupa sǫgur II. Reykjavnk, 2002. S. 45–294.

внешности и характера человека, которые замечались и ценились окружающими в повседневном общении.

Описания Ислейва, Магнуса и Кленга начинаются клишированным выражением [hann] var vjnn marg at bliti “[он] был приятен с виду”¹, которым отмечается необходимость для епископа привлекательной внешности. Данный риторический прием вполне соответствует поэтике родовой саги, где говорится только о том, чему могли быть свидетели: саговый “портрет” всегда предполагает внешних наблюдателей². Чаще всего упоминается рост и взгляд человека, которые почти всегда присутствуют и в описаниях епископов Скалахольта. Так, не уточняется рост Ислейва, однако о сыне его Гицуре сказано, что он был mikill marg vexti ok vel bolsvexti “высокого роста и хорошо сложен”; посредством той же словесной формулы отмечается высокий или средний рост остальных епископов (heldr hbr marg vexti – о Магнусе, meralmarg vexti – о Торлаке, meralmarg at vexti – о Кленге). Отмечено также хорошее сложение Магнуса (vel limarg), физическая сила (rammr at afli) и благородная осанка (tnguligr и yfirbragri) Гицура. Ни разу не упомянут малый рост или несоразмерное сложение. Это показывает, что претендент на звание епископа должен был вполне соответствовать некоему образцу физического облика человека или даже превосходить его, как показывает фраза ‘Magnъs var... allra manna skrautligastr и цllu yfirbragri ok lbtgцri «Магнус... выделялся среди всех (букв. «был великолепнейшим из всех людей») и внешностью, и поведением».

Данное представление отвечает не только саговому, но и героико-эпическому идеалу человека, проявляющемуся, например, в величальных эпитетах, которыми наделяется Сигурд в причитаниях Гудрун, горюющей об умершем муже. Ср. «Таким

¹ «Портретные» характеристики епископов содержатся в следующих главах хроники (согласно нумерации указанного издания): Ислейв – глава 2, Гицур – глава 5, Торлак – главы 10-11, Магнус – глава 13, Кленг – глава 17, откуда и заимствуется цитируемый исландский текст.

² Здесь и далее автор статьи следует взгляду на поэтику саги, изложенному в работе: *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. М., 1971.

был Сигурд / пред Гьюки сынами, / как стебель лука, / из трав встающий» (Вторая Песнь о Гудрун, строфа 2)¹. Внешнее превосходство над другими людьми – частый мотив в описаниях легендарных норвежских правителей древних времен. Ср. Sigurpr hjútrr er nefndr konungr б Hringarñki, meiri ok sterkari en hverr maðr annarra; allra manna var hann ok fr̥nþastr synum «Сигурд Олень звался конунг в Хрингарники, был он крупнее и сильнее, чем любой из людей, и самый прекрасный из всех на вид» (Сага о Хальвдане Черном, глава 5)².

Другой важной внешней чертой человека считался его взгляд, отмечавший харизматического лидера. Так, дед упомянутого Сигурда Оленя носил прозвище Ogm̥r-n-auga «Змей-в-Глазу», указывавшее на его острый взгляд: глаза его искрились, как змеиная кожа³. Интересно отметить в этой связи переключку эпитетов, которыми наделяют друг друга Сигурд и его противник дракон Фафнир в «Речах Фафнира». Сигурд величает Фафнира inn fr̥bni omm̥r (строфа 19) «сверкающий змей», а Фафнир обращается к нему inn fr̥bneygi sveinn (строфа 5) «остроглазый (букв. «сверкающе-глазый») парнишка»⁴. В обоих случаях эпитет показывает, что противники достойны друг друга.

По сходной словообразовательной модели строятся эпитеты, отмечающие взгляд двух из пяти епископов Скалахольта, ср. bjarteuðgr ok ðykkut orineuðgr (о Гицуре) «с ясным и открытым взором (букв. «глазами»: «ясно-, открытоглазый»), fageuðgr (о Магнусе) «ясноглазый» (букв. «прекрасноглазый»). Хотя некоторые из этих эпитетов можно истолковать в чисто бытовом, описательном плане (у Гицура, видимо, глаза были несколько навыкате, а у Магнуса были красивые глаза),

¹ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 302.

² Heimskringla Snorra Sturlusonar. Konungasögur. I bindi. Reykjavík, 1946. S. 53. Перевод автора статьи.

³ Ibid.

⁴ Edda. Die Lieder des Codex Regius / Hrsg. G. Neckel. I. Text. 3 Auflage von H. Kuhn. Heidelberg, 1962. S. 181, 183. Перевод автора статьи.

тем не менее, в их основе лежат, возможно, и более древние верования дохристианских времен, связывающие пронзительный взгляд с магическим воздействием на окружающих. Отметим в этой связи, что и прилагательное *fagr* «красивый, прекрасный» имеет выраженные коннотации света и блеска. С живым блеском глаз может ассоциироваться и энергичный, живой характер, отмечаемый эпитетом *kvikligr* (букв. «живой») у епископа Кленга.

Интересно, что прочие детали внешнего вида не играли, по-видимому, столь большой роли во впечатлении, которое производил человек на окружающих. Так, Торлак сын Рунольва был длиннолиц и светловолос (*langleitr ok ljysjarpr б hbr*), но не считался ни имеющим приятную внешность, ни выдающимся в каком-либо отношении (*enn kallapr ekki vjnnn mapr af alюэрunni, nй allskцrungr at bvarpi velflestramanna*). Характерна в данном случае типичная для родовой саги отсылка к чужому мнению, молве (*kallapr ekki... af alюэрunni* “не назывался [видным человеком] всем народом”, *at bvarpi velflestramanna* “по мнению подавляющего большинства людей”). Тем самым создавался повод для распространения слухов, что “видно, мал был выбор мужей в стране, и казался он [Торлак] неподходящим для такой чести [для избрания в епископы]” (*at lntit mundi mannval vera б landinu, ok юeim sэндiz hann ysendiligr til slnkrar tgnar*).

В данной характеристике Торлака сына Рунольва обращает на себя внимание слово (*all*)*skцrungr*, букв. «(во всем) кочерга», метафорическое наименование дельного человека, способного найти выход в трудной ситуации столь же легко, как разгребают кочерга горячие угли, – каковым, по мнению окружающих, Торлак как раз и не являлся. Однокорневое существительное *skцrungskar*, трудно переводимое на современные языки, в характеристике епископа Магнуса обозначает высочайшую степень его достоинства и уважения к нему людей. А однокорневое прилагательное *skцruligr* встречается в качестве похвального эпитета в характеристике епископа Кленга, ср. ...*skцruligr ok allgцrr at sйr ok ritari gypr, ok enn mesti lжrdymsmapr. Hann var mbлsnjallr ok цruggr at vinfesti, ok et mesta skblд* “...дельный и во всем умелец, и писарь добрый, и человек

величайшей учености. Он был красноречив и надежен в дружбе, и величайший скальд”. В данном примере более всего акцентируются интеллектуальные способности и словесные искусства (среди них столь характерное для древнеисландского общества занятие, как сочинение скальдических стихов, а также искусство письма, которое предполагало и писательский дар). Однако последующий эпитет *allgǫtt at sýr*, ближайший синоним прилагательного *skǫruligr*, используется также в характеристике Гицура сына Ислейва, где предполагает иные качества, ср. *Gizurr var algǫtt at sýr um alla hluti*, юб *er karlmaþr þtí at sýr at hafa; hann var farmaþr mikill enn fyrra hlut jfí sinnar*, меран *Hsleifr lifi* «Гицур был умел во всех делах, какими должен отличаться мужчина; ранее, пока был жив Ислейв [то есть пока его отец исполнял обязанности епископа] он был великий мореход». Поскольку далее идет речь о том, что за границей Гицур заслужил признание знатных людей, то его страсть к мореплаванию следует, скорее всего, понимать как участие в викингских походах или торговых поездках, что служило показателем мужского достоинства в средневековой Исландии. Эти занятия предполагали как физическую силу, так и смекалку, на что намекают, по-видимому, предшествующие данной характеристике эпитеты Гицура – *rannr at afli ok forvit*, букв. «крепкий силой и очень умный».

В обществе, где было мало распространено денежное обращение, весьма ценились радушие и гостеприимство. В нарративных частях источника на это намекают описания пиров, которые задавали епископы даже при достаточно скромном доходе. В портретных характеристиках об этом свидетельствуют такие эпитеты, как *gǫcfull ok gurgjarn* “щедрый и радушный” (об Ислейве), *alla manna gurgjarnastr* “самый благожелательный из всех людей” (о Гицуре). Прилагательное *gǫcfull*, однокорневое к глаголу *gefa* «давать, дарить», намекает на обычай одаривать гостей при прощании. Однако и второй эпитет (*gurgjarn*) букв. “блага желающий” может быть понят не только в моральном, но и в буквальном смысле, как указывающий на желание поделиться материальным добром. Данный обычай не имеет здесь христианской подоплеки – милосердное отношение к

беднякам могло сочетаться с некоторой “прижимистостью”, которая вызывала удивление в той среде, где епископ воспринимался как аналог главы родового клана. Ср. характеристику Торлака сына Рунольва: “К бедным он был милостив, хотя и слыл прижимистым в народе, но никогда не скупился деньгами на то, в чем действительно была нужда”.

В эпоху исландского «народоправства», когда еще не сложились специальные институты наказания и исправительные учреждения, особенно ценились те качества, которые способствовали урегулированию отношений между людьми и разрешению конфликтов; они упоминаются и в “портретах” первых епископов. Ср. юоккагурр «обходителен» (о Торлаке), юэргр ок юеккилигр “дружелюбен и приветлив”, Ыѳгр вѳр алла “любезен со всеми” (о Магнусе). Причем речь идет именно о качествах, необходимых в светском общении, без какого-либо оттенка христианского милосердия – так, в характере Магнуса приветливость вполне уживалась с твердым нравом (stapfastr n skapi). Подчеркиваются также такие черты, как честность и справедливость (gíttlþtr ок гбрвандр, об Ислейве). Указанные термины, возможно, отсылают к нормам обычного права, которые оглашались на альтинге. Особенно ценилась способность поддерживать хорошие отношения с родней, а также приобретать друзей. Отсюда повторение таких характеристик, как frjndrúckinn “ласков с родными” (о Торлаке и Магнусе), vinsjll «удачлив в друзьях» (об Ислейве и Гицуре) – эпитетов, не имеющих отношения к духовному сану. А относительно епископа Магнуса даже особо отмечается, что «был он потому счастливее в друзьях, чем большинство других людей, и много приложил к тому усилий» (var hann af ювн vinsjlli en flestir menn aprir, ок hafpi юар marga styra hluti til юess gurt).

Обретение епископом Магнусом множества друзей отнесено в рассказе за счет простоты его обхождения с людьми, ср. Hann helt enu sцmu Intilljti snnu вѳр алюэру sem брг, юу hann вжги biskup “Он по-прежнему просто обходился с народом, хоть и был епископом”. Эта черта упомянута дважды – в “портретах” Торлака и Магнуса, но получает, на наш взгляд, разный смысл в зависимости от контекстуального окружения. Ср. описание

Торлака: *Вцnahaldsmapr mikill var hann юegar б unga aldri ok skjytr n skilningum ok var lagpr til kennimannsskapar. Linr var hann ok Intillbtr ok yafskiptasamr..., mjьklbtr ok miskunsamr vip юб, er юess юourftu vip “С юности был он человеком великой молитвы и скорым на разумение, и предназначен к церковному служению. Мягок он был, смиренен и незлобив..., кроток и милосерден с нуждающимися”.* Указанные однокорневые слова (*Intilljkti – Intillbtr*) широко встречаются вне религиозного контекста, обозначая скромность, непритязательность (от *Intill* “малый” и *lbt* “поведение”). Таковым и воспринимается качество Магнуса, поскольку подается в сравнении с его предыдущим светским статусом. Иначе звучит эпитет в характеристике Торлака, где он выступает в окружении слов, обозначающих христианские добродетели епископа, и потому принимает оттенок “смиранный”.

Упоминание христианских добродетелей почти что отсутствует в “портретных” характеристиках большинства епископов, хотя рассказ о каждом из них содержит некоторые житийные топосы (чудеса, милосердие, аскеза и т.п.). Разительный контраст составляет на фоне остальных “портрет” Торлака сына Рунольва, в котором преобладают духовные, а не светские черты. Однако его “портрет” делится на две части, первая из которых превозносит Торлака за духовные заслуги, а вторая, следующая стереотипу описания героев родовых саг (внешность, репутация в обществе и т.д.), наоборот, лишает его всяких светских достоинств, чтобы ярче высветить в нем черты будущего святого Торлака сына Торхалля, прославившегося своей аскезой, которая не нашла поддержки в современном тому исландском обществе, но впоследствии обеспечила почитание в народе.

Таким образом, “портретные” характеристики первых пяти епископов Скалахольта – хутора, на котором впервые образовалась епископская кафедра в Исландии, выдержаны в традиционном стиле исландских родовых саг, ориентированных на воспроизведение ценностей, сложившихся еще в дохристианскую эпоху. В хронике “Пробуждающая голод” епископ рисуется как глава местного клана, отвечающий

образцу человека, наделенного социальными и гендерными чертами эпохи викингов. Этим, очевидно, обеспечивалось ему уважение народа, который выбирал в епископы своего наиболее достойного в светском плане представителя. Данный “портрет” отвечал историческим реалиям своего времени; в нем отразился также демократический характер ранней исландской Церкви, которая отстаивала интересы страны, стремясь оградить ее от подчинения норвежской короне. Вместе с тем, связь исландской Церкви с политическими интересами местных кланов была чревата ее секуляризацией, реакцией на которую и послужила в дальнейшем борьба святого Торлака сына Торхалля с местными хёвдингами, которые не желали следовать христианским заповедям. Значение духовного начала в церковной жизни подчеркивает “портрет” Торлака сына Рунольва, прообраз будущего первого национального исландского святого.

**PORTRAIT CHARACTERISTICS OF THE LOCAL BISHOPS
IN HUNGRVAKA, THE ICELANDIC CHRONICLE OF THE 13th c.
(ON THE PROBLEM OF REPRESENTING PERSON
IN MEDIEVAL LITERATURE)**

Natalya Yu. Gvozdetskaya

The paper deals with various ways of representing a person in the ‘portrait’ characteristics of the first five Icelandic bishops described in Hungrvaka, a XIII c. chronicle, which reflects the worldview of medieval Icelanders. The author shows that ‘bishop’ was perceived as head of the local community with its specific social and gender traits many of which can be traced back to the Viking Age. Spiritual qualities associated with Christian virtues are emphasized in the ‘portrait’ of Юорлбкр Рьнуйлфссон who can be regarded as a prototype of Юорлбкр Юырхаллссон, the first national canonized saint of Iceland.

Key words: Old Icelandic literature, biskupasögur, Christianization of Iceland, poetics of the saga, the Viking Age.

И. А. Краснова
(Ставрополь)

КУЛЬТУРНЫЕ РЕФЛЕКСИИ О ЗНАТНОСТИ РОДА И БЛАГОРОДСТВЕ ЛИЧНОСТИ ВО ФЛОРЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIII–XIV вв.

В статье предпринимается попытка проследить связь между социально-политическими процессами во Флоренции второй половины XIII – первой половины XIV в. и распространенными у философов-моралистов, правоведов, хронистов дискурсами о соотношении знатности по крови и личной доблести. На примере произведений Брунетто Латини, поэтов-стильновистов Данте и Чекко д'Асколи, хрониста Дино Компаньи, юриста Лапо да Кастильонкьо показаны аргументы в пользу превосходства личного достоинства и благородства над знатностью от рождения. В связи с этим высказывается предположение, что указанный тезис являлся ответом на духовные и культурные запросы пополанства (народа), возвышающегося над знатью в обществе Флоренции.

Ключевые слова: *знатность, личная доблесть, благородство, социальная иерархия, городское общество, коммунальное народоправство, Установления справедливости.*

Во второй половине XIII и до середины XIV в. в городской культуре Флоренции ярко выражен интерес к проблеме соотношения знатности рода и личной доблести. Дискурсы о сопоставлении благородства личности и знатности от рождения встречаются у авторов, произведения которых на итальянском языке, то есть воспринимаемые широким кругом читателей, относились к различным жанрам: у моралистов схоластического толка (Боно Джамбони, род. около 1244 – ум. после 1292), у юристов (Брунетто Латини, 1220–1294), Бартоло Сассоферрато (1313/1314–1357), хронистов (Дино Компаньи¹, 1255–1324), наконец, у поэтов «нового сладостного стиля» –

© Краснова И. А., 2017

¹ *Compagni D. Amor mi sforza e mi sprona valere // Rimatori del Trecento / A cura di G. Corsi. Torino, 1969.*

Данте Алигьери и Чекко д'Асколи. Все они, согласно античным образцам, начиная с древнегреческих авторов, но прежде всего следуя высказываниям Цицерона, имели в виду классический набор таких добродетелей, как «Благоразумие» (*Prudentia*), «Справедливость» (*Giustizia*), «Мужество» (*Fortezza*), «Умеренность» (*Temperanza*)¹.

Брунетто Латини в своем трактате «Сокровище», в 9-й главе, названной «Об управлении городами» (*Dou government des cites*)², согласно культурным веяниям своего времени полагал, что личные доблести выше достоинства крови, но тем не менее, хотя и утверждал, что принадлежность доблестного правителя к знатному и древнему роду предпочтительнее, нежели добродетель без знатности: «Не должно принимать во внимание влияние его самого и его рода, но лишь благородство его сердца и достоинство его обычаев и образа жизни, равно как и доблесть поступков, которые он совершал как в своем доме, так и в других синьориях. Ибо дом должен быть славен своим господином, а не господин своим богатым домом. Но если благородству сердца соответствует знатный род, то это, конечно, лучше всего остального»³. Указанную главу трактата Латини не напрасно называли «учебником для подеста»⁴, ибо в ней раскрываются качества идеального иноземного правителя, которого призывали города-коммуны Италии. В период XIII–XIV вв. подеста обязательно должен был происходить из рода нобилей.

Но более всего интерес современников и последующих поколений проявлялся к рассуждениям о знатности по рождению и достоинстве личности в произведениях Данте Алигьери «Божественная Комедия» и (реже) «Пир». В этой связи стоит

¹ *Giamboni B.* Il trattato di virtù e di vizi // *Giamboni B.* Il libro de' vizi e delle virtù e il trattato di virtù e di vizi / Ed. C. Segre. Torino, 1968. P. 123–156.

² *Latini B.* Li livres dou Tresor de Brunetto Latini. Berkeley. Los Angeles. 1948.

³ *Ibid.* LXXV.3. P. 393; LXXIX.1. P. 398–399.

⁴ *Sapegno M. S.* Il trattato politico e utopico. Retorica e cronaca // Letteratura italiana / A cura di Asor Rosa. Torino. 1982. Vol. III. Parte II – Le forme del testo. La prosa. Torino, 1982. P. 951.

рассмотреть его высказывания в трактате «Пир», в котором этой теме отведено особое место, в сопоставлении с поэмой его современника, поэта-стильновиста Чекко д'Асколи (Франческо Стабили ди Симеоне, *Ancarano*, 1269? – Флоренция, 1327) *Acerba* («Суровость»¹), также посвященной проблемам соотношений категорий «знатность (*nobilta*) и «благородство» (*gentilezza*), которое не закладывается от природы (то есть от рождения). Ключевыми для произведений Данте и Чекко д'Асколи являлись термины *gentilezza* и *gentiluomini*. Оба автора также заявляли о несовместимости «благородства» с «богатством» («Богатство благородству не причина, а подлая личина»), и о том, что «благородство» и «знатность» не исчерпываются изящными нравами, но «их следует выводить из добродетельных поступков»².

Указанную поэму Чекко некоторые современные исследователи считают своего рода дополнением дантовского «Пира»³. В этом произведении, как и у Данте, «Благородство» (*Gentilezza*, *Nobilta*), «Добродетель» (*Virtu*) и «Любовь» (*Amor*), в том числе любовь Господа к творению составляли единое целое. Чекко также полагал, что благородство не зависит от богатства и древности рода, но есть лишь форма доблести, которая исходит от небес⁴ к

¹ Предлагаемый автором статьи вариант перевод названия поэмы.

² Данте Алигьери. Пир. // Данте Алигьери. Малые произведения / Изд. подг. И. Н. Голенищев-Кутузов; отв. ред. М. П. Алексеев и И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968. Трактат IV. Канцона III.

³ Partini A. M., Nestler V. Cecco d'Ascoli poeta occultista medievale. Roma, 2006. P. 135. Эти авторы доказывали свое несогласие с давно устоявшейся концепцией о том, что Чекко д'Асколи «завидовал» славе Данте и поэтому ненавидел великого поэта и отвергал его суждения в области моральной философии. См.: Carducci G. Delle rime e della varia fortuna di Dante / Ed. M. Pelaez. Bologna, 1913.

⁴ Данте Алигьери. Пир. Трактат IV. Канцона III: «Скажу, что благородство нам дарует / Лишь Бог. И тот ликует, / Дары приняв, кто низость превозмог. / Но семена бросает Божество / Лишь в гармоническое существо». О том же: Cecco d'Ascoli. L'Acerba / A cura di A. Crespi. Cesari, Ascoli Piceno, 1927. Cap. XII, 14: «Che nel soggetto disposto s'aspetta / Quando il ciel fa di qualitati l'orma».

персоне, предназначенной ее получить¹. Данте Алигьери и Асколанец полагали, что «знатность» – даруемое небесными силами качество, – позволяет вести жизнь, в которой все способности личности устремляются к красоте и истине, но это выявляется только в поступках индивида, не завися от богатства и древности рода². Данте и Чекко понимали под «знатностью» прежде всего особую тягу отдельной души к совершенству, которой наделяет ее Господь, и в этом, по их мнению, состояла главная составляющая понятия «знатность».

По-своему откликнулся на происходящие в городском обществе процессы хронист Дино Компаньи в своей канцоне «О достоинстве»³ или «Амур побуждает меня...», в которой он «образцово резюмировал чаяния целого поколения интеллектуалов, к которому принадлежал и Данте»⁴. Дино Компаньи характеризовал основные сословия, обладающие достоинством, которые включали «людей благородных и добродетельных по обычаю», но не по крови. Доблесть каждого сословия в понимании Компаньи состояла в совершенном исполнении своих обязанностей, налагаемых местом в обществе.

На первом месте находились императоры, если они «защищают нашу веру и церковь, поддерживают мир и устанавливают справедливые законы, и обязываются отправиться в крестовый поход». Далее следовали короли с их комплексом доблестей: «за-

¹ Данте Алигьери. Пир: «Иной же благородство утверждает / Не в добром поведенье, / А только в прадедов приобретение – / В нем благородства нет!» *Cecco d'Ascoli*. L'Acerba. Cap. XII,85: «Gentil di sangue figliuol d'uomo tengo. / Gentile d' anima й figliuol di Deo...» («Благородство по крови удел сына человека, благородство духа – Божьего Сына»).

² *Cecco d'Ascoli*. L'Acerba. Cap. XII,20: «Gentile creatura, / che per volere all'opera s'adduce».

³ *Compagni D*. Amor mi sforza e mi sprona valere // *Rimatori del Trecento* / A cura di G. Corsi. Torino, 1969. P. 629–637. Комментарии и анализ указанного произведения см: *Il Trecento. Dalla ctisi dell'etб comunale all'umanesimo* / Ed. C. Muschetta, A. Tartaro. Vol. II. T. 2. Bari, 1972. Cap. VIII, § 86. P. 370–377.

⁴ Одно из названий поэмы Дино Компаньи. См.: *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм. М., 1977. С. 48.

воевывать и удерживать земли, щедро вознаграждает того, кто служит им в деле войны; быть справедливыми ко всем своим подданным; содержать богатый двор с куртуазными нравами, которые «не имеют изъяна», людей принимать гостеприимно; предоставлять добрые полномочия своим викариям, но и уметь предохраняться от их обманов, не впадать в заблуждение, отклоняя искренний совет. У баронов свой набор добродетелей: верность своему синьору; довольствование землей и рентами согласно обычаю, наличие разумной и добронравной свиты; щедрость, проявляемая при роскошном дворе, демонстрация храбрости «на свободной войне», справедливость в уплате долгов¹.

Затем следовал слой чужеземных правителей (*Rettore*), под ними во времена Компаньи в городах-коммунах прежде всего имелись в виду подеста, капитаны народа, капитаны войны. Им предписывалось неукоснительно исполнять собственные обязанности; строго следовать законам и духу, утверждаемому городскими статутами правосудия, искоренять зло; содержать вооруженных людей, добрых легистов и нотариюв при своем дворе², день и ночь осуществлять правосудие, были беспристрастными к друзьям и врагам, дороже всего ценя честь, иметь ученую степень и состоять в корпорации (т. е. в цехе судей и нотариюв).

Свои обязанности, составляющие его достоинство, имеет и рыцарь, который должен отдавать меч служению правому делу; защищать вдов и сирот; сам он был обязан оставаться доблестным, но разумным и всегда преисполненным куртуазии, защищая правого и наказывая злодея; содержать лошадей и солдат, одевая их красиво и широко одаривая. В его обязанности также входила готовность сражаться со всякой таинственной и волшебной силой³.

¹ *Compagni D. Amor mi sforza e mi sprona valere*. P. 15–50. Л. М. Брагина анализировала данный фрагмент (*Брагина Л. М.* Указ. соч. С. 48).

² Все призываемые на посты чужеземных ректоров должны были являться в города со своими свитами, обязательно включающими судей, нотариюв, вооруженных рыцарей и стражников, булавоносцев.

³ *Compagni D. Amor mi sforza e mi sprona valere*. P. 65–85.

Интеллектуальные профессии были представлены легистами и медиками. Сфера доблестей легистов, добивающихся доброй славы, охватывала ряд качеств: им необходимо научиться судить правильно, говорить красиво, выявляя заблуждения и определяя главные вопросы; честно и смело приводить доводы; усердно, быстро и хорошо судить, разумно приводя доказательства; умело применять справедливые законы, а не пересматривать их; иметь при себе Кодекс, Дигесты, и другие книги. Автор не забывал и о нотариях, желающих снискать добрую славу и высокую репутацию. Для этого они должны ясно составлять акты и красиво писать, регистрируя документы; хорошо знать грамматику, уметь считать и ловко составлять контракты, уважая мнения доброго легиста; компилировать акты на добром вольгаре, никогда противозаконно не изменяя записи; быть проницательными, мудрыми и находчивыми¹.

Наконец, достоинства медика заключались в следующем: он должен честно выполнять свою работу, ласково говорить с больным и не лгать, быть умудренным в медицинском познании так, чтобы представлять устройство тела, делать различные операции на практике, имея познания в теории, неустанно учиться и читать Гиппократ, Галена, Авиценну и других мудрецов².

Добродетель купца предусматривала обладание привычкой всегда действовать по закону, быть очень предусмотрительным, доставляя то, чего недостает, иметь прекрасные манеры, соответствующие его честной профессии; по меньшей цене покупать и с выгодой продавать, посещать церковь и подавать Господу, продавать товар без лишних слов ради наращивания цены (то есть без рекламы), но ростовщичества избегать пуще всего³.

Ремесленные профессии были представлены ювелиром. Желающий доброй славы ювелир должен быть знатоком золота, серебра, камней, и их цены по принятому курсу. Надлежит ему искусно работать, применяя соответствующие формы и лигату-

¹ Ibid. P. 90–100.

² Ibid. P. 115–125.

³ Ibid. P. 130–140 ; *Брагина Л. М.* Указ. соч. С. 49.

ры (сплавы), не золотить и не серебрить медь с целью обмана, уметь хорошо рисовать и резать по камню (гравировать), красиво вставлять камень в перстень; не выдавать стекло за дорогой жемчуг, потому что достоинство его ремесла не заключается только в молотке¹.

Канцона, называемая также «Pregio», не имеет точной датировки, но, по мнению комментаторов, «накладывается на коммунальную реальность». Представленная автором картина социального устройства мира отмечена урбанизмом: в ней присутствуют монархи, бароны и рыцари, но видное место занимают люди «городских профессий» – иноземные правители, легисты, нотариусы, медики и ремесленники. В основу иерархии, представленной Компаньи, положен не столько сословный, сколько профессиональный принцип. В этой градации выборные правители стоят наравне с баронами, а правоведы – впереди рыцарей. Дино всячески подчеркивал, что истинное благородство и достоинство «не достается по наследству, ни по древности рода», а приобретает лишь честным исполнением долга, к которому обязывает положение в обществе или профессия. Вместе с тем, его картина выглядит традиционной, не выходя за рамки предписаний церкви, высказываемых устами проповедников и теологов. Этико-политическая проблематика Компаньи была направлена на утверждение ценностей, символизирующих гвельфизм: защита церкви и необходимость Крестового похода. Вместе с тем, в канцоне прокламировались идеи купеческого здравомыслия и рационального сознания².

Обращаясь к дискурсам правоведов, стоит рассмотреть письмо-трактат флорентийского гражданина, юриста Лапо да Кастильонкьо, первая часть которого посвящена сопоставлению знатности по крови и знатности, достигнутой доблестью и личными заслугами индивида. Отправными точками трактата в «Эпистоле» Лапо являются воззрения двух величайших в его глазах авторитетов – Данте и Бартоло да Сассофerratо, которые он пытался сопоставлять. Рассуждения Лапо отличались от фи-

¹ *Compagni D. Amor mi sforza e mi sprona valere. P. 145–155.*

² *Il Trecento. Cap. VIII, § 86. P. 377.*

лософско-схоластических строф поэтов-стильновистов на рубеже XIII–XIV столетий. Во-первых, он сознательно абстрагировался от темы вмешательства небесных сил, наделяющих человека благородством. Флорентийский легист выделял три категории знатности. Признавая, что существует, во-первых, «знатность теологическая и сверхприродная», он отказался о ней судить: «Эту знатность мы оставим Теологам». Его интерес сосредотачивался на двух других категориях знатности: Вторая – знатность натуральная или «прирожденная», данная от происхождения. Третья – знатность политическая и гражданская¹.

Третья категория особенно занимала сознание Лапо. Обращаясь к опыту разных городов, сопоставляя, в частности, помимо Флоренции, законодательные статуты Перуджи и Венеции, флорентийский юрист констатировал, что знатность или достоинство могут проистекать от статутов и обычаев города. Воля городского сообщества имеет непосредственное отношение к определению знатности: «она может достоинство от происхождения, если решения побуждаемы общим разумом, не принимать [во внимание] как знатность... Городские статуты регулируют и умеряют дерзость знатных, а народ, видя их многие привилегии, подавляет иных, отстраняя нобилей от должностей, высылая лиц высокого положения из городов»². Кастильонкьо, обитая во Флоренции в первой половине XIV в. после принятия «Установлений справедливости» 1293 г. в полной мере осознавал изменение иерархии городского сообщества, в котором народ возвысился над знатью: «В городах, которые управляются народом, те, кто зовутся нобилиями, менее признаны, как это показывают налагаемые на них наказания, из которых ясно, что нобиль карается сильнее, чем незнатный. Это проявляется также и в допуске ко многим должностям, из которого нобили исключены. И поэтому ясно, что они не могут называться нобилиями по той причине, что они признаны не более народа,

¹ Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccellentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753. P. 18–19, 26–27.

² *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 24.

а даже менее. И согласно этому... дефиниция знатности не относится к ним»¹. Юрист, постоянно действующий в городской среде, толковал понятие о знатности в неразрывной связи от коллективной воли граждан и законов коммунального общества. Третью категорию знатности он толковал, как состояние, которым наделяет человека общество сограждан, оценивающих его доблестные поступки. Подвижность статусов в городском обществе вынуждает автора констатировать неопределенность самой дефиниции: «... Города по своим законам устанавливают, что никто не является нобилем просто, то есть изначально... и теперь само понятие «знатность» становится бесформенным...». Но городские статуы точно также наделяют пополана высоким статусом: «Знатность состоит в признании за кем-то обладания (*tribuire*) достоинством; поэтому тот пополан, который имеет должность по достоинству... и тогда этого без сомнения достаточно, чтобы можно было считать его знатным... как то законами подтверждается»².

Лапо да Кастильонкьо, представитель очень древнего и знатного, сравнительно давно урбанизированного рода, будучи гражданином Флоренции и одним из руководящих лидеров партии гвельфов, отдавал явное предпочтение «гражданской знатности» перед другими видами: для него не было сомнений в том, что «возведение в достоинство Приората делает Нобилем, как не делает этого собственное происхождение»³. Он начал свое письмо с рассуждения о том, что родиться плебеем⁴ – более полезно, чем грандом⁵. Далее он приводил аргументы с морально-философской точки зрения, ибо «избрание добродетельного пути тем более светло, чем из большей темноты выходят». И в этом выборе «ничем не помогут ни родственники, ни деды, ни прадеды, ни советчики, ни учителя: только поступая хорошо, ты обре-

¹ Ibid. P. 15, 26.

² Ibid. P. 26–28.

³ Ibid. P. 10–11.

⁴ Лапо чаще использовал латинские дефиниции «нобили» и «плебеи», хотя употреблял и их аналоги на «вольгаре»: «гранды» и «пополаны».

⁵ Ibid. P. 4. Со ссылкой на Саллюстия.

тешь добрую репутацию... и будешь прославлен, назван отцом и основателем своего рода». Правовед разбирал случаи, когда «плебею дается возможность приобрести новую славу, самому стать нобилем и предоставить знатность потомкам, «не отбирая ее у других»: «Намного лучше самому основать знатность, нежели получить ее уже основанной другими». Эту сентенцию Лапо да Кастильонкьо заключал следующим выводом: «Отсюда следует, что, если я, рожденный плебеем, обрел доблесть, став знатным... то такая знатность более достойна хвалы... получается поэтому, что лучше родиться доблестным плебеем, чем доблестным нобилем»¹. Для Лапо да Кастильонкьо несомненно превосходство личного благородства и доблести над знатностью происхождения: «Благородство обычаев и незапятнанность жизни ни единым пятном спасают даже от памяти о низком происхождении... Поэтому, сын мой, следи не за тем, чтобы быть нобилем, а за тем, чтобы тебе не скорбеть из-за своей низкой и подлой души». Текучая динамика взаимных переходов состояний знати и народа представляла большой интерес для Лапо да Кастильонкьо, которого волновал вопрос о том, при каких условиях плебеи могут стать нобилиями, а знатные, деградируя, утратить свой статус: «Очень большое число происходящих из грубых плебеев становились знатными и известными благодаря своим доблестям более, чем рожденные от нобилей или имеющие знатное происхождение»². Подводя итог, отметим, что наряду с философско-схоластическими сюжетами о знатности и доблести, в большей степени свойственными Данте и Чекко д'Асколи, в дискурсах флорентийцев первой половины XIV в. появились рассуждения, связанные с реалиями городского общества Торговцам, правоведам и ремесленникам отводились достойные места в сословной иерархии; городское законодательство становилось источником получения статуса нобилия и рыцаря, признание коммунального сообщества – важной предпосылкой возвышения индивида, независимо от его происхождения.

¹ *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 4–5.

² *Ibid.* P. 6, 8.

Можно ли утверждать, что появляющиеся в разных социально-культурных сферах рассуждения и диалоги о соотношении знатности по крови и знатности, полученной благодаря достоинствам личности, отвечали на вызовы определенных социально-политических процессов, протекавших в городах-коммунах, и особенно во Флоренции?

Если обратиться к немногим нарративным источникам, дошедшим до нас до середины XIII в., то может сложиться впечатление, что пополанов в этом не существовало. Единственными действующими лицами, фигурирующими в городских хрониках и анналах до 1350-х гг., выступали нобили, которые владели замками и землями за пределами городских стен, укрепленными палаццо и башнями внутри их. Они управляли городам, поскольку только из их сословия избирались консулы – главные правители города до 1207 г. (с этого времени большая часть властных прерогатив перешла в руки чужеземных должностных лиц – Подеста, затем Капитанов народа). Нобили возглавляли ополчение и составляли рыцарскую часть городского войска.

Эти данные коррелируют с информацией, передаваемой немногочисленными и фрагментарными документальными источниками, в которых только с 30-х гг. XIII в. начинают иногда упоминаться пополаны. Современная исследовательница Даниэлла де Роза указывала, что «до 1250 г. коммуна оставалась в руках крупных семейных земельных собственников, тесно связанных с местами своего первоначального обитания в контадо, которые в то же время основывали кавалерию в коммунальном войске»¹. В аннотациях анналов и хроник термин *popolo* («народ») почти не встречался до 1125 г., но и тогда употреблялся не в связи с обозначением социального расслоения в городе, а только как часть городского ополчения². Лишь в описаниях событий, относящихся к 1230-м гг., термины «народ» и «коммуна» упоминаются вместе, как нечто единое целое. Народ как неотъ-

¹ De Rosa D. Alle origini della repubblica fiorentina dai consoli al “Primo popolo” (1172–1260). Firenze, 1995. P. 9–31.

² Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Dugento e dei primi del Trecento / Ed. A. Schiaffini. Firenze, 1954. P. 97, 125.

емлемая часть коммунального сообщества начинал фигурировать лишь в сведениях, относящихся к 50-м гг. XIII в.¹ Виллани очень редко упоминал пополанские фамилии до этой же даты, но и со второй половины XIII в., когда в его хронике роль пополанов значительно усилилась, гранды оставались для этого хрониста на первых ролях и выступали в первых рядах, пополаны же выглядели статистами, «следующими за ними». Немногочисленные сведения из сохранившихся документов XIII в., проанализированные Д. де Роза, в целом коррелируют с данными хронистов.

Но в то же время шли процессы урбанизации многих знатных родов, обосновавшихся в городе, консолидации и роста экономического могущества цехов, предопределившие стремление пополанов к повышению социально-политического статуса посредством участия в коммунальном управлении. Богатство и сплоченность народа, организованного как по профессионально-корпоративному принципу (цехи), так и по территориально-административному (гонфалоны²), позволили ему добиться преобладания в системе социальной иерархии и борьбе за власть. В 1250 г. были приняты статуты, тогда же названные «Primo popolo» – «первое народное правление», закрепленное новыми политическими структурами – вооруженными гонфалонами народа, Советом народа и Капитаном народа³. Действия народного правления видоизменили городское пространство, существенно ограничив возможности развязывания гражданских вооруженных конфликтов: сократилась высота башен до 50 м, были снесены многие их укрепления, устроены прямые и широкие улицы, ведущие к центру и обеспечивающие быструю переброску контингентов организованной по гонфалонам милиции. Новое правительство вело успешную политику по усилению влияния Флоренции в Тоскане и экспансии, направленной на расширение тер-

¹ *Pieri P. Cronaca di Paolino Pieri fiorentino delle cose d'Italia dall'anno 1080 fino all'anno 1305 / A cura di A. F. Adami. Roma, 1755. P. 25, 27.*

² *Виллани Джованни. Новая хроника или история Флоренции / Пер., статья и примечания М. А. Юсима. М., 1997. VII.13. С. 207–208; VII.14. С. 209; Pieri P. Cronaca. P. 32.*

³ *Najemy J. M. Storia di Firenze 1200–1575. Torino, 2014. P. 78.*

ритории контадо, захватив Поджибонси и Вольтерру; оно вынудило пизанцев предоставить флорентийским купцам торговые привилегии и льготы в пошлинах и налогах, не напрасно Виллани, прозвал 1254 г. «годом победоносным»¹. Символом экономического процветания Флоренции под эгидой *Primo popolo* явилась чеканка флорина – собственной золотой монеты².

Следующий этап формирования пополанской коммуны начался в 1282 г. с создания новой структуры управления – Приората цехов³ – зародыша Синьории, будущего правительства коммуны, тогда же началось формирование антимагнатского законодательства. В 1293 г. народ добился окончательной победы, утвержденной принятием антимагнатского законодательства и лишавшей нобилей права быть избранными в высшие органы коммунальной власти. Во вновь принятых статутах, получивших название «Установления справедливости» декларировалась верховенство в коммунальном обществе ассоциации, состоящей из 21-го цеха, которая отождествлялась с *res publica*, то есть, с коммуной. Кандидаты на должности приоров должны были обязательно принадлежать к одному из 21-го цеха и активно заниматься ремеслом и торговлей, предписанными их корпорациями, этим же документом вводилась должность гонфалоньера справедливости, как главы приората⁴. Это законодательство усиливало карательные законы против магнатов, особенно в тех случаях, когда они оказывались виновными в насилиях и ущербах по отношению к пополанам. При этом вводилась ответственность всей фамилии за одного из своих членов: «будет призван к суду один консорт за другого»⁵. К территориально-административной осно-

¹ Villani G. Nuova Cronica / Edizione critica a cura di Giovanni Porta. Ugo Guanda Editore. Parma, 1991. Libro VII, 58.

² Najemy J. M. Storia di Firenze. P. 82–83. C. 208.

³ Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne'tempi suoi. Con prefazione di I. Del Lungo. Milano, 1913. I.4. P. 35–36. Этот хронист наиболее подробно сообщал о создании Приората.

⁴ Compagni D. Cronica. I,12. P. 47–48; Виллани Дж. Новая хроника. VIII,1. C. 224.

⁵ Bruni F. La città divisa. Le parti e il bene comunale da Dante a Guicciardini. Bologna, 2003. P. 79. Франческа Бруни оценивала данный пункт «Установлений справедливости» с юридической точки зрения,

ве коммунального народовластия, утвержденной реформой «Примо пополо», преобразования 1282 и 1293 гг. добавили корпоративно-цеховую организацию, не только усилив политический режим, в котором преобладал народ, но и изменив социальную иерархию флорентийского общества.

Думается, есть основания предположить, что дискурсы о сравнении знатности от рождения и личной доблести явились своего рода ответом, на духовные и культурные запросы, рождающиеся в ходе постепенного превращения города башен в коммунальный центр с относительно широкой системой народовластия, сравнительно быстрой эскалации в обществе популанских фамилий и упадка семей, имеющих знатное происхождение и древние корни.

CULTURAL REFLECTION ON THE NOBILITY BY BIRTH AND PERSONAL NOBILITY IN FLORENCE AT THE TURN OF 13–14 CENTURIES

Irina Al. Krasnova

This article attempts to trace the relationship between socio-political processes in Florence (second half of 13 – first half of 14 century) and discourses on the interrelation between the nobility by birth and personal virtue, which were common among the philosophers-moralists, lawyers and chroniclers of that time. The author shows the arguments presented by Brunetto Latini, Dante and Cecco d'Ascoli, Dino of the Compagnia, Lapo da Castiglionchio in favor of the superiority of personal nobility and dignity over the nobility by birth. The author suggests that these arguments can be considered to be a response to the spiritual and cultural needs of 'papalanto', i.e. ordinary people who were trying to defend their interests before the nobles.

Key words: nobility, personal virtue and generosity, social hierarchy, urban society, communal democracy, Ordinamenti della giustizi.

видя в нем замену принципа индивидуальной ответственности, предусматриваемого римским правом, критерием германского права.

С. В. Соловьев
(Москва)

**ЛОРЕНЦО ВАЛЛА В РАЮ:
ЭСТЕТИКА ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ
И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ XV ВЕКА**

Диалог итальянского гуманиста Лоренцо Валлы (1407–1457) «Об истинном и ложном благе» содержит развернутое описание Рая и райских наслаждений. На основе образов и мотивов трактата предпринимается попытка представить оригинальную эстетическую концепцию гуманиста, определить ее историческую специфику и актуальность. Райский экфрасис Валлы соотносится с такими философскими категориями как возвышенное и трансцендентное. Вместе с тем, гуманистический рай обогащен мировоззренческими новациями новой культуры Ренессанса.

Ключевые слова: Ренессанс, гуманизм, Лоренцо Валла, экфрасис, Рай, эстетика, религия, наслаждение, мировоззрение.

Пространный диалог Лоренцо Валлы «Об истинном и ложном благе» (1431–1449) завершается пафосной речью христианина. Намереваясь опровергнуть первого собеседника (стойка Катона) и лишь отчасти поддержать второго (эпикурейца Веджо), христианский оратор, выведенный под именем Антонио да Ро, говорит об «истинном наслаждении»¹. После чего он живописует место, где только и возможна реализация истинного наслаждения и блага – пространство Рая.

Картины райских удовольствий, описываемые Валлой, нередко воспринимались как дань католической доктрине; они, якобы, призваны завуалировать радикальный посыл эпикурей-

© Соловьев С. В., 2017

¹ *Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Пер. с лат. и коммент. Н. В. Ревякиной. М., 1989. Далее ссылки на сочинение даются в тексте с указанием книги, номера главы и абзаца.*

ской апологии в главной части книги. Как самоценное и нетривиальное явление философской мысли эта часть диалога почти не обсуждалась. Исключение составляют исследования, посвященные эволюции идеи Рая в эпоху Ренессанса, где диалог Лоренцо Валлы попадает в общий ряд риторических сочинений, призванных утвердить тот факт, что круг проблем ранее относящейся к теме наслаждения, теперь переносится с небес на землю¹. Попробуем взглянуть на эту часть диалога заново, оценив ее оригинальность и новизну.

Примечательно, что свою речь христианин Антонио ведет среди эпикурейских садов, «на зеленеющем травяном ложе, под листвой великолепных и благоухающих деревьев, дающих тень». И одним фактом этого антуража опровергается заявление «стойка» об изначальной порочности человека и природы («любовь к порокам мы впитали с молоком матери», «природа являет к человеческому роду одну лишь суровость»). Стоическая ожесточенная борьба с природой за нравственное совершенство отвергается изначалью. Антонио да Ро не составляет особого труда разбить ригоризм поборника «добродетели ради добродетели». Стоит просто указать на относительность морального закона: между щедростью и скупостью столько же градаций, сколько, например, между трусостью и мужеством. Как установить меру добродетельного поступка? Можно ли создать единые правила доблестной жизни? Насаждение благочестия, как известно, приводит прямо к противоположным результатам – ведь каждый моральный императив определяется обстоятельствами. Иными словами, «тысячу раз в течение часа я могу поступать правильно и наоборот» (Кн. 3; IV, 9).

Сложнее обстоят дела в споре христианина с «эпикурейской» позицией, когда истинное благо видится уже не в нравст-

¹ Среди последних отметим: *Casey J. After Lives: A Guide to Heaven, Hell, and Purgatory*. Oxford, 2009 (особо см.: Part III, § 13: Celestial Pleasures: Renaissance and Reformation Heavens. P. 293–320); *Minnis A. Creations of Paradise in the Later Middle Ages*. University of Pennsylvania Press, 2016.

венности, а в наслаждении, стремление к которому заложено в человеке природой¹. В этом случае на помощь также приходит диалектика: но уже не морального, а эстетического порядка. По сути, христианин у Валлы заимствует чисто эпикурейский тезис об относительности наслаждения². Там, где у последователей Эпикура истинного мудреца ждало вечное удовлетворение в отрешенности от страданий, Антонио предлагает свой вариант блага, к которому только и следует стремиться. Вместо эпикуровских «интермундий» (место, где блаженные боги пребывают в отрешенном бездействии) возникает образ Рая как награды за земные добродетели. Благо здесь сливается с наслаждением, рождая блаженство.

В перспективе вечного блаженства видится принципиальное отличие эсхатологии Валлы от канонических средневековых учений. В трактате гуманиста – и это первое, на что обращаешь внимание – категорически отсутствует привычная оппозиция Рая и Ада. Как известно, образ Ада с его топографией и градацией мучений, гениально обрисованными Данте в «Божественной комедии», сформировался одновременно со схоластикой и всей системой моральных императивов, освещенных церковью в XIII веке³. Лоренцо Валла словно бы забывает о посмертных муках, сосредотачиваясь на будущих наслаждениях. Рай у него – принципиально новый уровень бытия для всех и каждого. В таком позитивном и оптимистичном взгляде на жизнь вечную гуманистический оратор очень близок раннехристианским авторам (Св. Августин, Св. Амвросий). Они также рассуждали об

¹ Тот факт, что Валла перелагает античные доктрины далеко не в «чистом» виде, без попытки рассмотреть два этих учения во всей глубине и многообразии, заставляет нас брать эпитеты «эпикуреец» и «стойк» и даже «христианин» в кавычки.

² *Шахнович М. М.* Мифологемы «остров блаженных» и «золотой век» в римском эпикуреизме // *Образ рая: от мифа к утопии.* Сер.: Symposium. СПб., 2003. Вып. 31. С. 61–75.

³ *Аверинцев С. С.* Ад. // *София-Логос. Словарь.* Киев, 2001. С. 22–25.

идее всеобщего спасения и почти не касались мотивов загробного воздаяния и искупления грехов.

Как только дихотомия «Рай-Ад» потеряла свою устрашающую силу, загробная жизнь приобрела отчетливо эпикурейский характер. Тот Рай, который красноречиво описывается Антонио да Ро – не что иное, как еще одна вариация эдемской земли, куда отправляются для поиска наслаждения в его подлинном смысле. Стоит заметить, что путешествие по местам неизъяснимых удовольствий становятся в XIV–XV веках основой огромного пласта мистической беллетристики, в которой хождения переплетается с видением. И в том и в другом случае зачином повествования служит метафора пути: душа праведника, которая пренебрегла земными радостями, отправляется в фантастическое странствие. «Итак ты вознесешься с тем неисчислимым и великолепнейшим ангельским воинством, с той прекраснейшей и славнейшей свитой небесных граждан, затем вступишь в те огромные и прозрачные сферы и услышишь их звучание, в котором столько сладости, сколько света в солнце» (Кн. 3; XXIV, 1).

Немаловажно, что из трех образов Рая, которые христианская эсхатология вывела из более древней традиции – цветущий Сад, сияющий Город и запредельные Небеса – гуманисту ближе всего именно Небесный Град¹. Здесь все устроено по образу и подобию земного царства. С одним существенным отличием: Рай – это место истинного блага, которое устанавливается не человеком, но Творцом. А значит здесь, по определению невозможны грех и отступление от истины.

Валла настойчиво подчеркивает этимологию слова Эдем от древнееврейского *e'den* – «наслаждение». «Кто будет сомневаться или кто сможет лучше назвать это блаженство, нежели “наслаждение”, чьим именем я нахожу названные даже, например, в книге “Бытия” “Рай наслаждения” и в книге пророка Ие-

¹ Алексеев А. И. Представления о рае в период Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии... С.195–198.

зекииля “Плоды и древо наслаждения”» (Кн. III; 9, 3). Апология божественных удовольствий строится, прежде всего, на многочисленных аллюзиях, почерпнутых из книг Ветхого Завета. В псалмах неоднократно упоминаются «потoki наслаждений» (Пс. 35:9), «радость в Господе» (Пс. 36:4) и блаженство от «пребывания в доме господнем» (Пс. 53:5)¹. Градации чувственного экстаза запечатлены также в Песне Песней. Ее парафраз звучит у Валлы тогда, когда праведная душа встречается с Богородицею (Кн. 3; XXV, 20).

Впрочем, в диалоге упоминаются еще два автора, которые более, чем кто-либо другой, повлияли на гуманистическую эсхатологию. За античный взгляд отвечает Цицерон – в первой книге его «Тускуланских бесед» развивается тема небесного воспарения души после смерти. Выдержка из Цицерона используются Валлой, для того, чтобы разграничить два понятия – «благо» и «счастье» (Кн. 3; XII, 5). Особого внимания со стороны гуманиста удостоивается блаженный Августин: его картина ангельского града, где древние боги выступают в роли ангелов, служит фундаментом для выстраивания более сложной системы общения. (Кн. 3; VII, 7). Райское блаженство, по Августину, – это совпадение субъекта и объекта, растворение души в вечном созерцании Бога. В описании райского бытия автор «Града Божьего» склоняется к духовному бездействию и безмолвию. На вопрос, чем же будут заняты святые в сфере божественной благодати, он признается: «Но сказать по правде я не знаю, каково будет это занятие, или лучше покой и досуг»². Единственное и главное занятие, которое Августин находит во времена «вечной субботы» – восхваление Бога: «Тогда мы освободимся и увидим, увидим и возлюбим, возлюбим и восхвалим. Вот чем будем мы без конца!»

¹ В русском синодальном переводе соответственно «потoki сладости» и «утешение Господом».

² *Августин*. О Граде Божиим. XXII. 29 «О свойствах того видения, которым святые в будущем будут зреть Бога»; XXII. 30 «О вечном блаженстве Града Божия и вечной субботе». Цит. по: *Блаженный Августин*. О Граде Божиим: в 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 391–404.

Отсутствие ссылок на теологические трактаты или поэтические сочинения зрелого или позднего Средневековья, конечно, не означает, что Лоренцо Валла не знал богатую традицию райского экфрасиса. Но в споре с двумя античными вероучениями – стоицизмом и эпикурейством – гуманист полемизирует с помощью метафор и ассоциаций, рожденных ранним (римским) христианством. Приходится признать, что Новый Завет (как и сочинения первых отцов церкви) оказывается не слишком богатым источником для живописания Рая. Исключение составляют лишь «Первое послание Св. Павла коринфянам» с проповедью о воскрешении из мертвых (1 Кор. 15), а также «Откровение Иоанна Богослова» с мистической картиной Небесного Иерусалима (Откр. 21:11– 27). У раннехристианских мыслителей отсутствует не только разработанная картина загробной жизни, но даже интерес к ней: Августину, как видим, достаточно одной идеи, что праведная душа соединяется с Богом, источником всех благ.

К середине XV века веского утверждения Св. Павла о «тление, которое не наследует тления» уже недостаточно. Человеческий мир новой эпохи требует детальности, фактурности, образности. Не случайно описания райских кущ в различных вариациях – это один из самых популярных мотивов в литературе Позднего и Раннего Возрождения. Она напрямую наследует эпикурейскому символу – «островов блаженных» - некоего места, где счастье непреходяще, где люди мудры, чисты и практически бессмертны. Не исключение и древнерусская литература этого времени. В сочинениях древнерусских авторов XIV–XV веков метаморфозы «островов блаженных» оказались не менее яркими и плодотворными, нежели в западной словесности: от «Послание Архиепископа Новгородского Василия ко владыке Тверскому Федору» до необычайно популярной «Александрии»¹. В первом

¹ Послание Василия Новгородского Федору Тверскому о рае / Пер. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 42–50. Александрия / Пер. Е. И. Ванеевой // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1981. С. 22–174.

случае описываются некие земли за горами, где сияет нетварный свет и слышится ангельское пение (большого сказать о них невозможно, так как все из путешественников, кто попытался на них взглянуть, не желали возвращаться обратно). В «Александрии» ведется повествование о «Макаринских островах», где живут «нагомудрецы», пребывающие в блаженном состоянии на лоне дружеской природы.

Лоренцо Валла во многом суммирует и развивает богатейшую традицию поиска райских удовольствий на земле. Прежде чем непосредственно перейти к картинам Рая, он дает пространственный обзор «милости Создателя» с описания земного устройства. «Если ты бы пожелал созерцать их (неба, моря, земли) величие, либо красоту, либо мудрость, разве не изумился бы душой, разве не стыдно было бы за свои дела, разве не счел бы себя недостойным такого дара, когда бы рассмотрел это?» (Кн. 3; XVII, 1). Риторические восхваления благоустройстве земного круга в XV веке служили веским контраргументом в споре со средневековой аскетизмом и ригоризмом. Божественная благодать словно бы растворяется в окружающем пейзаже, над которым возвышается фигура человека.

Восторженные описания земных красот не отменяют, а, наоборот, предполагает форсированную эстетизацию предельного Рая¹. В этом контексте Рай – это предельно воплощенные и сбывшиеся возможности земли. Красота земли, в свою очередь, отражает небесные дары. Самый яркий и общеизвестный пример такого рода взаимопроникновения земного и небесного – трактат Джаноццо Манетти «О достоинстве и превосходстве человека» (1452)². Райские наслаждения описываются Манетти на последних страницах трактата, иллюстрируя тезис о

¹ Соколов М. Н. Принцип рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М., 2011. С. 113–115.

² Далее выдержки из трактата даются по изданию: Манетти Джаноццо. О достоинстве и превосходстве человека / Сост. и пер. с лат. Н. В. Ревякиной. М., 2014.

количественном и качественном превосходстве удовольствий над страданиями. Вот лишь некоторые фрагменты эдемических картин, которые отражают земные: «Блаженные будут созерцать... зрелище всех человеческих и божественных дел, и столько будет радости в этом, так сказать, блаженном видении, что нельзя ни высказать, ни помыслить»¹. «Когда не будут они (праведники) отягощены никаким весом материи, когда не будут искажены никаким уродством, когда, наконец, не будут ослаблены никакой болезнью, когда, сверх того, увидят бесконечное множество поющих праведников и великое множество святых друзей, то весьма возрадуются»². Праведные наслаждения у Манетти тем более интенсивней, что они происходят на фоне страданий грешников: «Наконец, когда увидят они, что останутся блаженными в вечной радости, а осужденные будут обречены на вечные мучения, то преисполнятся величайшего и бесконечного ликования»³.

У Валлы, как отмечалось ранее, нет мучений, оттеняющих вечные радости. Но в чем они совершенно схожи с Манетти – в интенсивности визуальных переживания. «Видит», «увидит», «узрит» – вот самые частые выражения, представляющие бытие праведников. С первых моментов узнавания блаженного края происходит зрительная мистерия: «Освобожденная от телесных членов душа тотчас же увидит некий, так сказать, воздух, сияющий не отраженным, а своим естественным светом, и более лучезарным, более сильным, более восхитительным, чем этот наш, который мы видим» (Кн. 3; XXI, 2). Уже в этом свете душа испытывает «безмерное наслаждение от самой свободы видеть вдаль и вширь». Райские места, преподносимые Антонио да Ро – это целая череда визуальных аттракционов, где одна завораживающая картина сменяет другую: от обзора всей земной перспективы, растилающейся перед взором летящего над лесами и

¹ Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека... С. 131.

² Там же. С. 132.

³ Там же.

полями, до видения всех семи небесных сфер и Града блаженных жителей.

Впрочем, другие чувства также не обойдены вниманием: слух, обоняние, вкус... «Также и уши будут наслаждаться приятнейшими голосами, беседами, пением» (Кн. 3; XXIV, 10). «Что сказать об обонянии? Если цветы, травы и другие неодушевленные вещи благоухают так сильно, неужели мы сомневаемся, насколько больше подобных вещей окажется там?» (Кн. 3; XXIV, 10). «Пища и питье будут столь сладостны, что в этом ощущении, можно сказать превзойдут прочие (чувства)... Эта приятность так распространится по всему телу вплоть до мозга костей, что, если прочего не доставало бы, ты мог бы удовлетвориться этим» (Кн. 3; XXIV, 11).

По версии гуманиста, все человеческие чувства в Раю подлежат своего рода перестройке: «нам будут подарены другие чувства, гораздо лучшие» (Кн. 3; XXIV, 5). Только тогда обновленное тело будет способно воспринимать угощенные ему наслаждения. Речь идет не только о привычных нам способностях, но и о тех, что откроются с обретением новых телесных качеств. Например, в умении летать или свободно плавать под водой: «Потому что там будет некий другой вид утех, который здесь можно только пожелать... Воистину кто отказался бы летать, как птицы, на быстрых крыльях и играть с крылатыми собратьями то в небесном просторе, то среди долин, то близ высоких гор, то под водой?» (Кн. 3; XXIV, 13).

В перечислении радостных полетов, хождении по облакам, парения над полями и подводными прогулками выражается еще одно существенное свойство Рая в экфрасисе Валлы: это место активного действия, постоянной смены интересов и состояний. И как апофеоз гуманистической «заряженности» небесного бытия возникает чрезвычайно характерный пассаж: «Если ты считаешь, что достиг чего-то высокого, и так радуешься и ликуешь, что присоединяешь к знанию латыни знание греческого, ты не представляешь себе, что будет, когда в небесном Иерусалиме поймешь все языки, на всех языках будешь говорить, овладеешь любой наукой, любым знанием, любым искус-

ством без заблуждения, без сомнения, без двусмысленности» (Кн. 3; XXIV, 17) Лучшего и представить нельзя – гуманиста ждет в лучшем из миров полная лингвистическая, а значит и научная состоятельность.

Постепенно из перечисления райских красот, духовных и физических потенций собирается ренессансный образ идеального места. Один из самых ярких эпизодов в движении к идеалу связан с картинами городского устройства. В определенный момент праведник поднимается по ступеням небес на самый высокий свод. Земной пейзаж исчезает и открывается вид на град блаженных – небесный Иерусалим. Отталкиваясь от символики Апокалипсиса, Валла передает уже не мистическое видение, но картину полноценного, реального города, где главное – родственное, любовное общежитие граждан. Тут же возникает основная метафора, связанная с небесным Иерусалимом – возвращение странника (воина) на родину после долгих боев и страданий. С этим возвращением связан также почет и уважение, воздаваемые победителю: на улицах собирается народ, мужчины и женщины приветствуют вновь обретенного соотечественника. Радостная встреча «родственников» постепенно превращается в панорамную картину триумфа: «Но этот вид радости, который происходит из стечения и обозрения народа, больше познается тем, кто получает триумф» (Кн. 3; XXV, 9). Перед нами разворачивается торжественное шествие «победителя» на античный манер: на сверкающей колеснице, под восхищенные возгласы собравшихся и пение ангельских хоров. Триумфальный путь лежит к Храму, откуда навстречу гостю выходит Богоматерь и прижимает новую душу к своей груди (Кн. 3; XXV, 21). Апофеозом действия становится выход Христа – он, «словно нетерпеливейший отец... собирается принять сына после долгого странствия» (Кн. 3; XXV, 22).

Не трудно догадаться, что этот триумфальный въезд в Рай для гуманиста символизирует одну из главных жизненных ценностей – обретение славы. Начиная с Петрарки, жажда славы – отнюдь не грех, но добродетель гражданина, стремящегося к

высоким идеалам¹. И то, что этот вид удовольствия – почитание современников и потомков – становится главным мотивом райских наслаждений – чрезвычайно важная и характерная черта нового мироощущения.

Обнаружить в раю Валлы гуманистические идеалы совсем не трудно. Это чрезвычайно деятельный настрой блаженных граждан, склонных к наукам и искусствам. Изощренные эстетические удовольствия (усиление и утончение всех органов чувств) сочетаются здесь со страстью к познанию (особенно это касается языков). Пребывание в социальной гармонии предусматривает, однако, сохранения разности талантов, достижений и воздаяния за них («каждый будет одарен тем более высоким почетом, чем более благочестивым проявит себя в жизни»). Единство не отменяет разнообразия, а духовные потребности подкреплены безгрешными физическими удовольствиями.

Вместе с тем, перечисление всех этих, несомненно, интересных черт райского блаженства, не дает ответа на главный вопрос: зачем в апологию эпикурейства (а Валла, без всякого сомнения, пытался изменить взгляд на это учение) вводит христианский образ чаемых удовольствий. Как уже отмечалось, самым поверхностным ответом служит заявление, будто католический рай потребовался гуманисту для снятия слишком революционного, «языческого» звучания трактата. Но, зная бескомпромиссность Лоренцо Валлы, с таким ответом сложно согласиться. Как представляется, причины глубже и они лежат в сложной эстетической системе, развернутой в сочинении. Валла наглядно показывает парадоксальность, амбивалентность любого удовольствия. Какие бы изощренные наслаждения ни испытывал человек в жизни, горизонт их интенсивности и насыщенности всегда отодвинут за грань обыденного. «Многие (а, может, и все) прекрасно понимают, что мир не ограничивается

¹ В «Триумфе славы» Петрарка так описывает шествие небесных победителей: «Во всеоружье доблестный народ, / Как будто вновь на древний Капитолий, / Куда священный путь, как встарь, ведет, / Шел строем, удостоен славной доли». Цит. по: *Петрарка Франческо. Триумфы* / Пер. с итал. В. Микушевича. М., 2000. С. 75.

лишь тем, что доступно органам чувств. Существует более глубокая реальность, и с ней то мы и хотим вступить в контакт»¹. Отсюда и увлеченность наукой и искусством, граничащая с самопожертвованием, отсюда и сам феномен героизма как отложенного наслаждения, отсюда же – столь важная роль воображения в выборе и получении любого удовольствия. Это удовольствие становится тем интенсивней, чем больше в нем заложено духовных ожиданий.

Примечательно, что христианский оратор у Валлы нигде не ставит условий достижения райских блаженств: они пока никак не связаны с какими-то моральными или ритуальными предписаниями. Для гуманиста Рай – продолжение земных наслаждений, но на более высоком, почти недостижимом для понимания или описания уровне. И здесь вновь сочинение Лоренцо Валлы смыкается с современными размышлениями об одной и самых сложных эстетических категорий – о возвышенном. По мнению современного психолога и культуролога Пола Блума, путь к возвышенному лежит через «благоговение»: «Опыт трансцендентного может быть связан с поразительной (и недостаточно осмысленной) эмоцией – благоговением... Со временем ученые начали рассматривать эту эмоцию в контексте другого опыта, не связанного с божественным. В 1757 году Эдмунд Берк говорил о возвышенном – благоговейной реакции, испытываемой при звуках грома, созерцании произведений искусства и прослушивании симфонии. Для него ингредиенты возвышенного – сила (*power*) и неясность (*obscurity*). В наши времена эта сфера расширяется»².

Если принять диалог Валлы в его диалектическом развитии, стоит сказать о глубокой и интересной разработке всех стадий чувства наслаждения: от физических к высоко духовным, к трансцендентному благоговению. В этом контексте Рай понадобился гуманисту не для того, чтобы защититься от нападков – он

¹ Блум П. Наука удовольствия. Почему мы любим то, что любим. М., 2014. С. 242.

² Там же. С. 246–247.

стал логической ступенью к рассмотрению таких сложных психологических категорий как идеал и возвышенное, которые нередко кардинально меняют отношения к обыденным (приземленным) вещам. Траклат Валлы оказывается не только гуманистическим по внешним признакам – знания античной философии сочетаются с грамматическими штудиями и риторическими эксфрасисами – но по своей сути, захватывая самые сложные моменты «науки о человеке» – опыт чувственного и сверхчувственного.

**LORENZO VALLA IN PARADISE:
THE AESTHETICS OF ETERNAL PLEASURES
AND HUMANISTIC SENSIBILITY OF THE 15th CENTURY**

Sergey Vl. Solovyev

Lorenzo Valla's dialogue De Voluptate contains a picturesque description of celestial Paradise and its pleasures. The author analyses Valla's images and motifs and attempts to present the original aesthetic concept of the humanist in order to determine its historical specifics and relevance. Valla's ekphrasis of Paradise is related to such philosophical categories as the sublime and the transcendental. Besides, the humanistic Eden is enriched by ideological innovations of the new Renaissance culture.

Key words: Renaissance, Humanism, Lorenzo Valla, Ekphrasis, Paradise, Aesthetics, Religion, Pleasures, Ideology.

ТЕМА ПРИРОДЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГУМАНИЗМА XVI в.

Статья посвящена теме природы в гуманистических образовательных книгах – диалогах Эразма Роттердамского (Colloquia familiaria, в русском переводе – «Разговоры запросто») и Хуана Луиса Вивеса (Exercitatio linguae latinae, в русском переводе – «Практика латинского языка»). В статье рассмотрены на примерах из природы природные склонности и пристрастия, природа как источник наслаждения, природа в живописи, и показано значение этих тем в процессе воспитания.

Ключевые слова: природа, гуманизм, диалоги, наслаждение, природное влечение, живопись.

В педагогической литературе итальянских гуманистов XV в. тема природы занимает важное место. С помощью природы объясняются обоюдное воспитание души и тела и физическое воспитание, особенности детского возраста и разнообразие характеров детей, различие склонностей и способностей в обучении и др. Говоря о заботе родителей о детях, гуманисты приводят примеры для подражания из животного мира; обращают внимание на трудолюбие животных.

Однако в педагогических трудах гуманистов XVI в. в этой теме появляются некоторые новые подходы и аспекты, хотя связь с предшественниками сохраняется. Так, Эразм в своем педагогическом трактате «О воспитании» во многом продолжает традиции итальянских теоретиков воспитания. Он говорит о природных свойствах и указывающих на них признаках, о природных склонностях, облегчающих обучение («легче обучение тому, к чему нас влечет природная склонность»¹), признает об-

© Ревякина Н. В., 2017

¹ Эразм Роттердамский. О воспитании детей // Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности / Сост. и вступ. ст. Н. В. Ревякиной, О. Ф. Кудрявцева. М., СПб., 2015. С. 257.

щую природу, например, для человека пользоваться разумом, и особую природу того или иного человека: одни рождаются для математических наук, другие для теологии, иные для риторики и поэзии¹. Он признает и определение врожденных свойств на основе внешних очертаний и облика лица и остальных частей тела, ссылаясь на «Физиогномику» Аристотеля².

Но к этим его рассуждениям, показывающим связь с предшественниками, добавляются новые, отсутствующие у итальянских гуманистов. Наряду с традиционными идеями о природных склонностях он ставит сразу несколько важных для воспитания и здоровья детей вопросов: о пользе обучения у диких животных исцелению от отравлений и болезней, о «ремеслах», которым можно обучиться у животных, о выполнении природной обязанности, о долге по отношению к детям.

Опираясь на Плиния, который в XVI в. стал более популярен у гуманистов, чем в XV в. (он был напечатан у Фробена в 1525 г.), Эразм говорит о том, что уже в прошлом от животных человеческий род узнал «много благотворного». И далее он приводит много примеров того, как исцеляются животные и как пример их исцеления полезен человеческому роду. Кровопускание показал гиппопотам, обычай промывания желудка птица чибис; от оленей люди узнали об успешном действии дикого бадьяна при извлечении ран и о том, что поедание раков служит целительным средством против укусов фаланг. Ласточки указали на чистотел, (отсюда и название травы – хелидония – ласточка), черепаха показала, что против укусов змей полезен коровий чаберник, ласка рекомендовала нам руту как целебное свойство, аист – душицу, от змей стало известно, что остроте зрения помогает укроп³.

А из «ремесел» Эразм упоминает о ласточках, научивших тому, как строить глинобитные стены, и о том, как вспахивать поле, – свиньях.

¹ Эразм Роттердамский. О воспитании детей. С. 256.

² Там же С. 257.

³ Там же. С. 250–251.

Кроме того, «почти нет ничего полезного в человеческой жизни, образец чего природа не показала бы нам на диких животных, чтобы с их помощью побудить к выполнению своих обязанностей...»¹. Каждое животное не только рождает и воспитывает своих детей, но и приучает их к выполнению собственной природной обязанности. Птиц, рожденных для полета, наставляют и воспитывают родители; кошки обучают котят охоте за мышами и птичками, служащими им пищей; новорожденных оленят родители упражняют в беге, ведут к крутым обрывам и показывают, как прыгать; своего рода педагогическая наука есть у слонов и дельфинов, у соловьев, в пении которых можно наблюдать обучающего и обучаемого. И если собака рождается для охоты, птица – для полета, лошадь – для бега, бык – для пахоты, то человек – для философии и честных деяний, и он, как и все животные, которые учатся тому, к чему рождены, «без малейшего труда воспринимает науку добродетели и чести, для которой могучая природа насадила в нас как бы сильные семена, лишь бы к природной склонности присоединилось усердие воспитателя»². Но человек, в отличие от животных, лишенных разума, однако знающих и помнящих о своем долге по отношению к детям, не знает, хотя и обладает привилегией разума, «чем он обязан природе, чем – любви, чем – Богу»³. Упреки в адрес родителей не редки у Эразма, упрекая, он наставляет родителей ради блага детей.

В отличие от Эразма Монтень в опыте «О воспитании» отмечает слабое и неотчетливое проявление склонностей детей, обманчивость и неопределенность задатков, отчего составить определенное впечатление о ребенке трудно⁴. Это отнюдь не означает, что природа его не интересует. Свидетельство глубокого и заинтересованного отношения – один из его опытов «Апология Раймунда Себундского», где он говорит о месте человека в мире природы, о родстве людей и животных и ставит

¹ Там же. С. 251.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Монтень Мишель*. *Опыты*. Гл. XXVI. О воспитании детей // Мишель Монтень. *Опыты* : в 3 кн. М., 1979. Кн. 2. С. 139.

под вопрос привилегированное положение человека в мире живой природы. Но речь у нас идет о педагогической литературе.

Педагогические трактаты гуманистов, как правило, посвящены родителям и написаны для них. Но в XVI в. появляются разного рода книги (учебники по грамматике, излагающие синтаксис с примерами из классических авторов, словари, национальные грамматики, беседы, или диалоги), которые использовались в учебном процессе. Наибольший интерес для нас представляют беседы, или диалоги (*colloquia*). Эти книги использовались для изучения латинского языка; но они были также увлекательным чтением для молодежи. В них гуманисты умело и доступно излагали свои идеи, которые несомненно влияли на молодых читателей. В 1516 г. вышло первое издание *Colloquia familiaria* Эразма Роттердамского (в русском переводе «Домашние беседы» или «Разговоры запросто»). Улучшенный вариант бесед появился в 1523 г. Работа Эразма широко использовалась, к ней другие авторы добавляли новые беседы и параллельные тексты на вольгаре. Среди подобных работ были «Образцы детских бесед» (*Formulae puerilium colloquiorum*) Сейбальдуса Хейдена, вышедшие в 1530 г. В 1539 г. появилась «Практика латинского языка» (*Exercitatio linguae latinae*) Хуана Луиса Вивеса. В 1564 г. под влиянием работы Вивеса вышли «Избранные беседы» (*Colloquia selecta*) Матюрена Кордье (Mathurinus Corderius), широко используемые и вышедшие только в 1564 г.¹

Было бы интересно в этих своеобразных учебниках эпохи проследить тему природы. Наиболее интересными в этом отношении являются диалоги Эразма «Разговоры запросто» и Вивеса «Практика латинского языка».

О главной цели диалога Эразма «Дружество» сказано в самом конце его. Один из участников диалога формулирует ее так: уклоняться от того образа жизни, к которому внушает отвращение природное чувство, и стремиться к тому, что тебя привлекает; избегать общества тех людей, «чей гений твоему

¹ Boven J. Storia dell'educazione occidentale. Vol. 2. Milano, 1979. P. 459–463.

несроден», и соединиться с теми, к кому испытываешь природную симпатию – в этом, а не в ожидании счастья от магических искусств или от звезд, состоит путь к счастью¹. И в сущности, цель диалога заключается в рассмотрении значения и роли природных устремлений человека (в выборе образа жизни и, видимо, занятий, а также друзей).

Эту цель Эразм иллюстрирует примерами из мира природы. Он рассматривает многочисленные примеры дружбы или вражды между животными (враждебных друг другу змеи и ящерицы, лошади и медведя, пантеры и гиены, лебедя и орла и других, и, напротив, дружественных отношений павлинов и голубей, ворон и цапель и др.), их дружественного или враждебного отношения к человеку (дружба с человеком ящериц, дельфинов, слонов и враждебное отношение к нему змей, пантер, аспидов, крокодилов).

Помимо примеров, взятых из античной литературы (Плиния Старшего и др.), участники диалога ссылаются на собственный опыт («видел собственными глазами»). Это случаи с обезьянами. Приятель Эразма в Риме положил на голову слуги черепаху, прикрыв ее шапкой, и подвел его к обезьяне, животное радостно вспрыгнуло на плечи, готовясь поискать в голове, но сбросив шляпу обнаружило черепаху и отскочило в ужасе, озираясь, не гонится ли за ней черепаха. А обезьяна с привязанной к ее цепи черепахой чуть не издохла с перепугу².

Другой случай, тоже увиденный собственными глазами, произошел в доме Томаса Мора, у которого была большая обезьяна. На краю сада сидели в клетке кролики, а возле клетки бежала ласка, надеясь поживиться. Обезьяна, гулявшая по саду, смотрела на это спокойно, видя, что кроликам ничего не угрожает. Но ласке удалось отодвинуть клетку от стены, и теперь кроликов уже ничего не защищало, и они могли стать добычей хищницы. Обезьяна подбежала, взобралась на помост и поставила клетку на прежнее место. «Отсюда очевидно, что этот род

¹ Эразм Роттердамский. Разговоры запросто / Пер. с лат. С. Маркиша. М., 1969. С. 608

² Эразм Роттердамский. Дружество // Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. С. 602.

животных мил обезьянам. Сами кролики опасности не понимали, но через решетку целовались со своим врагом. Обезьяна помогла простодушью, оказавшемуся под угрозой»¹.

Множество примеров удивительного отношения животных друг к другу заставляет Эразма задаваться вопросами о причинах этой любви или ненависти. Почему существует раздор у вороны и совы, у угря и мурены, отгрызающих друг у друга хвосты, почему китам показывает дорогу крохотная рыба мышонок? И подобных вопросов много. На некоторые Эразм пытается ответить. Крокодил подставляет разинутую пасть крохотной птичке трохилу, так как ему приятно, что ему очищают зубы, а птичка выклеивает остатки рыбы, застрявшие между зубами. На сходных условиях разъезжает ворон верхом на свинье. А щегол ненавидит осла, потому что тот любит почесаться о колючки и поедает цветы чертополоха, у щеглов же там гнезда.

К приведенным примерам из животного мира Эразм добавляет еще интересные факты симпатий и антипатий «в вещах, лишенных души или, по крайней мере, чувства». Он говорит о деревьях, овощах, цветах, их дружестве (лилия и чеснок) или вражде (дуб и грецкий орех, виноград и капуста), о жидкостях, минералах, ветрах, звездах. «Словом сказать, нет в природе ничего, что, через эти согласия и разногласия, не доставляло бы людям и вред, и средства защиты»².

Любопытны примеры беспричинной любви и ненависти в пределах одной породы. Эразм приводит случаи, сообщаемые конюхами и волопасами: на одном выгоне или в одной конюшне вол радуется соседству одного вола и не переносит другого, равно и кони. И у людей, которых Эразм включает в естественный круговорот, это проявляется яснее всего. Так Катулл говорит о своем чувстве к Волузию:

Нет, не люблю я тебя, Волузий, за что – сам не знаю.

Только одно скажу: нет, не люблю я тебя»³.

¹ Там же. С. 604.

² Там же. С. 606–607.

³ Там же. С. 607.

И если взрослые, возможно, и разгадают причины, то дети, которые руководствуются природным чувством, как они могут объяснить любовь и неприязнь? Эразм приводит пример такой неприязни из собственного опыта.

Все эти диковинные случаи и примеры, а также поставленные вопросы, на которые Эразм пока не находит ответа и сообщает об этом читателям, как бы побуждая их искать ответ, не могли не вызвать интереса у школьной молодежи к природе, к естествознанию. С другой стороны, они побуждали юношу задуматься над своими природными влечениями и пристрастиями, что было важно для правильного выбора жизненного пути и друзей.

Еще один аспект отношения к природе в диалогах касается наслаждения красотами природы. В диалоге Эразма «Благочестивое застолье» пришедшие к Евсевию друзья восхищаются садом в его загородном доме с «ключом прекрасной, целительной воды», с душистыми травами, каждой породе которых отведено свое место. «Верно, говорит Евсевий, тут все служит наслаждению, но наслаждению достойному – радуется взор, освежает ноздри, ободряет душу»¹.

Травы только душистые и лишь самые отборные. И каждому сорту трав отведено свое место. У каждого стоит стяг с надписью (у майорана: «прочь, свинья, не для тебя мое благоуханье» – оттого, что свиньи не могут терпеть запаха майорана). И в ответ на слова гостя, что здесь и травы не безмолвствуют, Евсевий говорит: «Правильно. У других дома богатые, а у меня – говорливый, чтобы мне никогда не чувствовать одиночества»². Он пытается еще и акклиматизировать чужеземные фруктовые деревья, приучая их исподволь к своему климату.

И птичник Евсевия приносит много удовольствия – здесь разные обличия, разные говоры, разные нравы – одни птицы питают приязнь друг к другу, меж другими непримиримая вражда (тема эта интересовала Эразма и в «Дружестве»). Но в отноше-

¹ Эразм Роттердамский. Благочестивое застолье // Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. С. 79.

² Там же.

нии к человеку все они «смирные и привычные». Порой залетают в открытое окно, слетают на стол и берут пищу из рук. А когда хозяин в саду и беседует с кем-то из друзей, они садятся рядом и слушают разговор, даже на плечи садятся, – «до такой степени отвыкли они бояться, зная, что никто их не обижает»¹.

Подобные примеры и описания у Эразма не могли не способствовать развитию чувства любви к природе и ее обитателям.

Природа как источник наслаждения неоднократно обсуждается и в диалогах Вивеса из «Практики латинского языка». В диалоге «Одежда и утренняя прогулка» говорится об удовольствии от прогулки. Молодые люди намерены гулять медленно и спокойно, чтобы созерцать столь достойную красоту. Ведь нет никакого ощущения, говорит один из участников диалога Иоанн, которое не испытывало бы от этого наслаждения. Прежде всего глаза: «какое разнообразие света, какие одежды земли и деревьев!» С этим не могут сравниться живописные полотна. Ведь первое – все природное и истинное, а второе мнимое и ненастоящее. Далее – уши, воспринимающие пение птиц. Добавь к этим ощущениям аромат (благоухание), веющий повсюду – с лугов, с нив, от деревьев, даже с полей под паром и невозделанных. Вкус – от всего, что подносят к устам, даже от самого воздуха, который словно первый и нежнейший мед. Осязание – от ветерка, повсюду дующего и целебным дуновением проникающего в вены и во все тело. Иоанн даже вспоминает и исполняет стихи Вергилия о весне, извиняясь за свой голос, не лебединый, говорит он, а гусиный, хотя именно последний он предпочитает, так как лебедь сладостно поет не иначе как перед смертью².

Но особо говорит Иоанн о слухе и о пении соловья. Видимо, это любимая птица Вивеса, о ней он вспоминает и в других диалогах «Практики». Кажется, рассказ о соловье, не списан с какой-то книги, но соловей услышан самим автором. И он учит читателя слушать это пение. Последи тщательно, говорит Иоанн, и замети разнообразие всего звучания: то соловей не делает

¹ Там же. С. 85.

² *Linguae latinae exercitatio Ioan. Lodo. Vivis Valentini. Parisiis, 1540. P. 50.*

остановки, но не переводя дыхания надолго, (поет) ровно, без изменения, то понижает (меняет) голос, поет уже проще и короче, то вибрирует и как бы завивает (кудрявит) голос, то расширяет (напрягает) (его), то теперь возвращается (к прежнему), то поет длинные стихи (мелодии?), словно героические, то короткие как сафические, иногда очень короткие как адонические.

Далее Иоанн говорит, что соловьи имеют как бы училища и школы музыки, где упражняются более молодые, они слушают мелодии, которым подражают, усваивают их. Ученик слушает с большим вниманием (о если бы наши наставники, сетует он, получали равное внимание от нас!), повторяет и (затем они) попеременно молчат, воспринимаются исправление и некая критика наставника¹.

В другом диалоге «Практики» – «Болтовня» один из мальчиков предлагает послушать соловушку, сидящего на ближайшей ветке и поющего пылко, не прерываясь. Второй замечает, что соловью непозволительно петь горестно, третий, согласный с этим, объясняет, что соловей родом из Аттики, а там даже морские волны ритмично ударяют о берег. Второй ссылается на Плиния, заметившего, что в присутствии людей соловей поет продолжительнее и старательнее. И он объясняет это, ссылаясь на басню. Соловей и кукушка поют в одно и то же время, весной с середины апреля до конца мая. Эти две птицы соревновались в сладости звучания. Нашелся судья; поскольку спор был о звуке, самым пригодным в знании его оказался осел, который по сравнению с прочими животными имел большие уши. Осел отверг соловья, гармонию песни которого он не мог понять, и присудил победу кукушке. Тогда соловей обратился к человеку, сообщив ему о своем деле, и пел так старательно, чтобы доказать, что осел допустил несправедливость, которую нужно исправить².

Тема природы как источника красоты и наслаждения возникает и в диалоге Вивеса о путешествии на лошадях. Доехавшие на лошадях до Парижа юноши любят красоту природы в его окрестностях: «Посмотри, как медленно скользит та речка

¹ Ibid. P. 50–51.

² Ibid. P. 26–27.

с водой почти хрустальной среди золотистых острых камней, как приятно журчит! Слышишь соловушку и щегла? В самом деле, эта парижская земля восхитительна»¹. Юноши замечают также и спокойное течение Сены, и луг, одетый с удивительным искусством и испускающий сладостный аромат.

Разговоры участников диалогов Вивеса о красоте земли, имели своей целью воспитание у молодежи чувства красоты окружающего мира природы, учили этому. Но в книгах для чтения, по крайней мере у Эразма, появилась еще одна тема, связанная с природой – природа в искусстве (в частности, в живописи). В педагогических трактатах эта тема не развивалась. В XV в. об этом можно говорить с большой долей вероятности только в школе Гуарино да Верона. Учитель был чувствителен к красоте. Его письма содержат описание красот природы и творений человеческих рук (изображений на чернильнице, бокалов и др.), а его поэма «Пизанец» дает эстетическую оценку творчеству художника Пизанелло. Приобщение к искусству происходило в школе, видимо, через беседы, дискуссии, личное общение. И неудивительно, что питомцы Гуарино, начиная с его главного ученика Леонелло д'Эсте, любили искусство, спорили о нем, оставили ряд работ по искусству². Посмотрим теперь, как обстоит дело в диалогах XVI в.

В «Благочестивом застолье» Эразма у известного нам Евсевия, к которому пришли в гости друзья, три галереи заполнены живописными изображениями деревьев («и каждое написано в подражание натуре с немалым искусством»), трав, озер и рек, а также животных, птиц, рыб. И каждое из живых существ, замечают гости, чем-то занято – кто делом, кто разговором. Вот укрывшаяся в ветвях сова советует, чтобы сперва подумали, а после действовали, вот орел когтит зайца, ласточка несет в клюве ласточкину траву, возвращающую зрение слепым птенцам, ящерица борется с гадюкой, а здесь целое государство муравьев,

¹ Ibid. P. 35.

² *Ревякина Н. В.* Итальянский гуманизм XV в. и эстетическое воспитание (Школа Гуарино да Верона) // *Возрождение: Гуманизм, образование, искусство.* Иваново, 1994. С. 33–47.

в Ниле дельфин сражается с крокодилом, и рядом с флейтистом пляшет верблюд¹.

И если у Вивеса прямо заявлено о превосходстве живой природы с ее красотами над живописными творениями, то у Эразма ведется спор, в котором хозяин отстаивает ценность живописных изображений. «Вдвойне приятно, когда видишь, как нарисованные цветы состязаются с живыми. В одних мы дивимся мастерству природы, в других дарованию художника, и в обоих – доброте Бога, который щедро дарует все это нам на пользу, любым свои даром внушая столько же восхищения, сколько любви. И, наконец, не всегда зеленеет сад, цветочки живут не всегда. А этот сад зелен и радует нас даже в середине зимы»². Евсевий отвечает на возражения гостей. Читатель диалога как бы призывается к размышлению.

«Тимофей: Но запаха / сад/ не дает никакого.

Евсевий: Зато и в уходе не нуждается.

Тимофей: Он только питает взор.

Евсевий: Верно. Но уж это – постоянно.

Тимофей: И для картины приходит старость.

Евсевий: Конечно, но картина долговечнее человека, а кроме того, ей возраст добавляет прелести, у нас же – отнимает.

Тимофей: Как ни грустно, а возразить нечего»³.

Природа в искусстве – это замечательное новшество, которое появляется в педагогической литературе гуманизма. И если в XV в. в школе Гуарино да Верона воспитывается чувство прекрасного, эстетическое отношение к искусству на практике – в беседах с учениками, в диспутах, в XVI в. оно находит отражение, и весьма своеобразное, в учебных книгах.

Трудно переоценить влияние диалогов на молодежь. Тема природы изложена в них увлекательно, доступно для восприятия детей. Поставленные вопросы заставляли задумываться, развивали воображение. Природа представляла как своеобразная книга жизни. Из нее можно было узнать много интересного, ка-

¹ Эразм Роттердамский. Благочестивое застолье // Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. С. 81.

² Там же.

³ Там же.

сающегося взаимоотношений в мире живых существ и не только живых, все это развивало у учащихся интерес к естествознанию. Но диалоги заставляли их думать и над самими собой, включенными в мир живой природы, над своими природными влечениями и пристрастиями. Природа, ее красоты показаны в диалогах и как источник наслаждения, а обсуждение того, как изображается природа на полотнах, в живописи, служило формированию эстетического отношения к искусству. И главное, диалоги, обсуждающие тему живой природы, учили относиться к ней с любовью.

NATURE AS THE SUBJECT OF HUMANIST PEDAGOGICAL LITERATURE OF the 16th CENTURY

Nina V. Revyakina

The present paper deals with the theme of nature in humanistic educational books – in the dialogues of Erasmus of Rotterdam (Colloquia familiaria) and of Juan Luis Vives (Exercitatio linguae latinae). The author discusses natural inclinations and predilections, nature as the source of enjoyment, nature in painting and shows the significance of these subjects in educational process.

Key words: Erasmus of Rotterdam, Juan Luis Vives, nature, humanism, dialogues, enjoyment, natural inclination, painting.

АНГЛИЙСКИЕ ГУМАНИСТЫ О ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ: ОБЩИЕ РАССУЖДЕНИЯ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ

В статье рассматриваются взгляды английских гуманистов на физическое воспитание. Отмечено, что, хотя заальпийские гуманисты в целом меньше уделяли внимание этим вопросам, по сравнению с итальянцами, английские авторы были исключением. Лишь «оксфордцы» (гуманисты круга Колета-Мора) не уделяли большого внимания физическому воспитанию. А гуманисты последних двух третей XVI века (Элиот, Эшем, Малкастер) были большими энтузиастами физических упражнений в системе воспитания джентльмена как в теории, так и в практической педагогической работе. Отличительной особенностью их рассуждений было сочетание философского обоснования необходимости физического совершенствования человека с медицинским.

Ключевые слова: история физической культуры, английское Возрождение, педагогические идеи в английском гуманизме, Томас Элиот, Роджер Эшем, Ричард Малкастер.

Внимание гуманистов эпохи Возрождения к вопросам физического совершенства человека и физического воспитания подрастающего поколения традиционно и практически повсеместно, ибо вызвано самой сутью гуманистического учения о гармоничном развитии личности. В самом деле, знаменитый древнегреческий тезис о необходимости уметь «и читать, и плавать» был воспринят педагогами эпохи Возрождения, как была ими воспринята, вообще, античная педагогика в её основных идеях и принципах¹.

© Руюткина Т. М., 2017

¹ О нюансах большего или меньшего внимания физическому воспитанию в разные периоды самой античной эпохи и восприятия этого гуманистами см.: *Ревакина Н. В.* Античные источники итальянской гуманистической педагогики XV в. // *Античное наследие в культуре Возрождения.* М., 1984 С. 72–75; *Ревакина Н. В.* Гуманистическое

С другой стороны, средневековая традиция физической подготовки и военного воспитания рыцарства также не могла просто исчезнуть, не оставив никакого следа.

В общих чертах позиция гуманистов вытекала из их представлений о тесном взаимодействии духовного и телесного в человеке. Физическое воспитание – это совершенствование тела, но поскольку человек есть гармоническое соединение души и тела, влияющих друг на друга, то оно имеет значение для развития личности вообще. Кроме того, физические упражнения и игры рассматривались как совершенно необходимый отдых, без которого невозможно сохранять бодрость при длительных занятиях науками. Физическое воспитание включало в себя как непосредственно спортивные упражнения разного рода, так и то, что сегодня принято называть здоровым образом жизни (рациональное питание, забота о здоровье, режим дня и т.д.). С другой стороны, забота гуманистов о физической закалке вытекала из их представлений о предназначении человека. Только физически здоровый, закаленный, сильный, мужественный человек может стать достойным гражданином и защитником своего отечества.

Другое дело, что у разных гуманистов в разных странах вопросам физического воспитания отводилось неодинаковое место, а те из них, кто придавал физическому совершенствованию большое значение, расходились в конкретных установках по этому поводу.

Интересно рассмотреть это на английском материале, где можно обнаружить больших энтузиастов пропаганды физического воспитания, несмотря на то, что, в целом, заальпийские гуманисты были к этому вопросу менее внимательны, по сравнению с итальянцами.

Надо признать, что и у англичан круга Мора-Колета-Эразма, безусловно, ратовавших за гармоничное развитие чело-

воспитание в Италии XIV–XV веков. Иваново, 1993. С. 170; *Ревякина Н. В.* Физическое воспитание в итальянской гуманистической педагогике // *Средневековый город: Вопросы социально-экономической истории, права, идейного и культурного развития западноевропейских городов XI–XVII вв.* Саратов, 1987. Вып. 8. С. 66–73.

века, проблема физического воспитания самостоятельного звучания не получила. Во многом, это объяснялось синтезом античных идеалов с традиционно христианскими ценностями¹. И всё же «утопичцы» Томаса Мора признавали физическое здоровье «величайшим удовольствием», «основанием и опорой всего», полагали, что истощать тело постом, причинять вред здоровью и отвергать прочие благодеяния природы неблагодарно². Да и физический труд рассматривался Мором не только как основа идеального общественного устройства, но и как необходимое и полезное средство физического воспитания. Поэтому простейшие навыки сельскохозяйственного труда у него приобретали и будущие учёные, и будущие правители, получая таким образом физическую закалку и упражняя тело³.

Наибольшее внимание вопросам физического здоровья, и отчасти обоснованию полезности физических упражнений, уделил Томас Линакр, также входивший в оксфордский кружок гуманистов и бывший в то же время личным врачом Генриха VIII. Сделанный им перевод с греческого трактата Галена «О сохранении здоровья» оказал значительное влияние на все последующие сочинения, так или иначе затрагивавшие физическое воспитание⁴.

В знаменитой школе Святого Павла, основанной Джоном Колетом, физическим упражнениям внимания не уделялось. Исследователь истории развития физкультуры в Англии XVI века Брайлсфорд объяснял это опять же тем, что в английской педагогике и школьном деле влияние немецкого гуманизма, особенно Эразма, относительно равнодушного к спортивным занятиям,

¹ См. об этом подробнее: *Осиновский И. Н.* Эразм Роттердамский и Томас Мор. Из истории ренессансного христианского гуманизма. М., 2006. С. 79–105.

² *Мор Т.* Утопия. М., 1973. С. 224.

³ Там же. С. 182–188.

⁴ *Brailsford D.* Sport and Society: Elizabeth to Anne. London, 1969. P. 15. См. также: *Кронштадтская-Карева Л. А.* Линэкр Томас // Культура Возрождения: Энциклопедия: в 2 т. / Под ред. О. Ф. Кудрявцева. М., 2011. Т. 2, кн. 1. С. 88–90; *O'Malley C. D.* English Medical Humanists: Thomas Linacre and John Caius. Lawrence, 1965.

было намного больше, чем влияние итальянских энтузиастов спорта¹. Однако упрекнуть Колета в невнимании к физическому здоровью явно нельзя. Известно, что его школе подъём был перенесён с традиционных пяти часов утра на семь, явно из соображения облегчения учебного труда мальчиков, запрещались физические наказания². Правда, здесь устанавливался запрет и на «спорт», хотя под таковым понимались не спортивные упражнения, а спортивный азарт – петушинные бои и скачки³.

А, в общем, ждать от университетского «оксфордского» кружка гуманистов какой-то особой спортивной активности было бы даже странно. Другое дело, когда центр гуманистической культуры переместился из университетов ко двору. Вот тут-то гуманистические представления о гармоничном развитии личности, предполагавшем физическое совершенство, встретились с рыцарскими традициями военного воспитания – и физические упражнения и спортивные занятия стали процветать.

Прежде всего, это относится к гуманистической программе воспитания, созданной Т. Элиотом в его трактате «Правитель». В её формировании он, в значительной степени, следовал за итальянцами (Кастильоне, Пикколомини, Патрици), в свою очередь, опиравшимися на богатейшую теорию и практику античности⁴. С другой стороны, Элиот опирался и на опыт рыцарского воспитания, по меткому замечанию исследователя Ф. Каспари, соединив «рыцарские традиции, которые ещё были живы в Англии, с гуманистическим идеалом»⁵. Это означает, что английские педагоги гуманисты не игнорировали и не от-

¹ *Brailsford D.* Op. cit. P. 34–35.

² The English Historical Documents. Vol. V (1485–1558) / Ed. by C. H. Williams. London, 1967. P. 1043. См. также: *Софронова Л. В.* Грамматическая школа св. Павла: гуманистические принципы организации образования // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени / Под ред. К. И. Салимовой, В. Г. Безрогова. М., 1991. С. 265–266.

³ *Софронова Л. В.* Указ. соч. С. 267.

⁴ См. об этом: *Brailsford D.* Op. cit. P. 12–14

⁵ *Caspari F.* Humanism and the social order in Tudor England. Chicago, 1954. P. 14, 82–83.

вергали военную функцию дворянства, а, следовательно, и подготовку к её осуществлению как одну из целей образования. Однако они исходили из того, что джентльмен не имеет столь специфических обязанностей в обществе как рыцарь, а играет более широкую роль. В то же время «джентльмен» Элиота отличается и от «придворного» Кастильоне, несмотря на всё сходство позиций этих гуманистов¹. Джентльмен, обрисованный английским гуманистом, это правитель – государь или представитель правящей верхушки – лицо более самостоятельное и имеющее более широкие функции, по сравнению с придворным.

Физические упражнения, в представлении Т. Элиота – это воспитание тела и души, поскольку человек представляет собой телесно-духовное единство, составные части которого влияют друг на друга, и закаливание тела сказывается на психическом состоянии, настроении и душевном здоровье человека². Поскольку постоянная учеба истощает живой дух, ведет к болезням, систематические физические занятия особенно необходимы, так как укрепляют здоровье, пробуждают аппетит, делают человека сильнее и выносливее³. Физические упражнения, включая танцы, по мнению автора «Правителя», являются также прекрасным видом отдыха, отвлекающим человека от праздности и вредных увлечений, делающим его более красивым⁴. И, конечно, физические тренировки готовят к военному делу, что тоже очень важно для джентльмена. При этом спортивные

¹ Трактат Кастильоне появился в Италии раньше, нежели был написан «Правитель» Элиота (1531), но в Англии он был переведён только в 1561 году. Однако заимствования Элиота столь очевидны, что позволили предположить возможность его ознакомления с итальянским трактатом, предположительно, в библиотеке Томаса Кромвеля, известного коллекционера книг. См.: *Warren L. S. Humanistic Doctrines of the Prince from Petrarch to Elyot*. Chicago, 1939. P. 112–114.

² *Elyot T. The boke named the Governour* / Ed. by F. Watson. London, 1907. P. 72–73, 276.

³ *Ibid.* См также: *Elyot T. The Castel of Helth // English humanism: Wyat to Cowley*. London, 1985. P. 293–297.

⁴ *Elyot T. The boke named the Governour*. P. 85

упражнения могут доставлять удовольствие и просто считаться модными¹.

В условиях войны, по словам гуманиста, могут пригодиться борьба, бег, фехтование и плавание на длинные дистанции. Борьба даёт человеку силу, бег развивает скорость, способность проплыть большое расстояние – умение довольно редкое и очень нужное в жизни. Полезной для будущего правителя считал Элиот верховую езду как занятие, приличествующее дворянскому званию, потому что она «придает величественность и внушает страх подчиненным»². Из других занятий он настойчиво рекомендовал охоту (в противоположность Мору и Эразму). Для большей убедительности гуманист приводил в пример греков, римлян и персов, развлекавшихся подобным образом. Элиот исходил из того, что охота подобна сражению, она способствует развитию ловкости, силы, учит обращаться с оружием, переносить холод, голод, жару³. Он описал различные виды охоты, сравнив их с точки зрения большей или меньшей полезности для развития тех или иных качеств охотника. Это выманивание добычи с использованием подсадного оленя, просто стрельба из лука, охота с борзыми собаками и пр. Интересно, что последний вид он рекомендовал для начинающих и для дам, «которые не боятся, что солнце и ветер повредят их красоту»⁴. Об охоте с ястребом Элиот высказывался осторожно, отчасти не найдя одобрения этого вида охоты у античных авторов, выступавших для него в роли авторитетов, отчасти из опасения сокращения численности птиц⁵. Надо отметить, что для XVI века само упоминание заботы о природе и её повреждении в результате деятельности человека заслуживает внимания. Для развития же фи-

¹ В этом тезисе особенно чувствуется влияние Кастильоне, для которого идеальный придворный – спортсмен-любитель. См.: *Кастильоне Б. О придворном // Образ человека в зеркале гуманизма: Мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XV вв.)*. М., 1999. С. 230–238; *Brailsford D. Op. cit.* P. 14–15.

² *Elyot T. The boke named the Governour.* P. 73–79.

³ *Ibid.* P. 79–83.

⁴ *Ibid.* P. 82–83.

⁵ *Ibid.* P. 84.

зических качеств охотника ястребиную охоту Элиот считал допустимой.

Прекрасным, хотя и простонародным, занятием он считал стрельбу из лука, так как она гармонически развивает всё тело и позволяет заниматься одному. Призыв к занятиям этим видом спорта, гуманист обратился к истории своей страны, вспомнив славные победы, одержанные лучниками Генриха V¹. Думается, в этих исторических экскурсах проявился патриотизм автора «Правителя», желавшего возродить в отечестве все лучшее, что было утрачено.

Игровые виды спорта Элиот не жаловал. Достойной джентльмена и полезной для молодёжи игрой считал только теннис². Футбол и игру в кегли не одобрял, полагая, что это занятия для простолюдинов³.

Заметным отличием взглядов Элиота на физическое воспитание от Кастильоне и других итальянцев стала его попытка обосновать все свои рассуждения с точки зрения физиологии, а не только ренессансной философии⁴. Поэтому Элиот советовал родителям и учителям по этим вопросам обращаться к таким авторитетам как упомянутые выше Гален и Линакр⁵. Неслучайно, кроме политических и педагогических сочинений, английский гуманист написал сугубо медицинский трактат «Замок здоровья». Это сочинение пользовалось большой популярностью и с 1536 до 1610 года выдержало 18 изданий⁶. Важнейшим

¹ Ibid. P. 111–115.

² Ibid. P. 112–113.

³ Ibid. P. 78.

⁴ См. об этом: *Brailsford D.* Op. cit. P. 20–22.

⁵ *Elyot T.* The boke named the Governour. P. 73.

⁶ Число изданий, по разным сведениям, не совпадает. Цифру 18 назвал М. Райден. В различных справочниках названы следующие издания: 1539, 1541 – дважды, 1544 (?), 1545 (?), 1547, 1548–9 (?), 1559 (?), 1560 (?), 1561, 1572, 1580, 1580 (?), 1587, 1595, 1610. См.: *Baugh A. C.* A literary history of England: In 4 vols. London, 1980. Vol. 2. The Renaissance. Vol. 2. P. 332; *The Cambridge bibliography of English literature* / Ed. by F. W. Bateson: In 5 vols. 1940–1957. Vol. 1. 600–1660. P. 670; *Kelso R.* The doctrine of the English Gentleman in the 16th Centure:

античным источником трактата были работы всё того же Галена, а из современников, бесспорно влияние на Элиота оказал Линакр. Предположительно представители старшего и младшего поколения гуманистов встречались в доме Томаса Мора¹. Как долго они общались неизвестно, но кульминацией интереса Элиота к медицине стал «Замок здоровья». Трактат вызвал бурю протеста у профессиональных медиков, полагавших, что автор вторгся в сферу знания, в которой ничего не понимал, и возражавших против написания медицинских книг на английском языке². Сам же автор в предисловии ко второму изданию подчеркнул, что он намеренно использовал английский язык и простой стиль, поскольку считал свою работу справочником для начинающих и неспециалистов³. Так Элиот своеобразно решал задачу санитарного просвещения и популяризации медицинских знаний.

Идеи Элиота, касавшиеся физического воспитания, были отчасти подхвачены как в анонимном сочинении 1555 года «О воспитании джентльмена», так и в трактате протестантского богослова Лоренса Хамфри «О дворянстве» (1563), однако, как отмечалось исследователем Д. Брайлсфордом, с гораздо меньшим энтузиазмом⁴. Л. Хамфри призывал к сдержанности в одежде и еде, но, в то же время, и к умеренности в спортивных занятиях, которые пуританином, вероятно, воспринимались как развлечение. В анонимном трактате подчёркивался социальный момент – физические упражнения нужны, потому что джентль-

with a bibliography list of treatises on the gentleman. Urbana, 1929. P. 204; *Ryden M.* Relative constructions in early sixteenth century English // *Acta universitatis upsaliensis. Studia Anglistica upsaliensia.* 1966. Vol. 3. P. XV–XXXV.

¹ *Lehmberg S.* Sir Thomas Elyot: Tudor humanist. New York, 1969. P. 20–21.

² *Ruoff J. E.* Macmillan's handbook of Elizabethan and Stuart literature. London, 1975. P. 131–132.

³ Elyot's Prologues. The Castel of Helth. 1539 // *Studies in philology: Texts and studies.* 1976. Vol. 73. № 5. P. 55–56.

⁴ *Brailsford D.* Op. cit. P. 23.

мен должен служить государству не только своими моральными добродетелями и знаниями, но и физической активностью¹.

Кто действительно подхватил и развил взгляды Элиота на физическое воспитание, так это Роджер Эшем, автор педагогического трактата «Школьный учитель» и специального сочинения о стрельбе из лука (*Toxophilus*)². Исходя из принципа полезности всех занятий, этот английский педагог подчеркивал, что физические упражнения нужны и в мирное время для тренировки и отдыха, и для подготовки к войне³. В принципе, Эшем повторял тот перечень спортивных занятий, которые предлагал Элиот, однако добавлял к этому стрельбу из огнестрельного оружия. Вероятно, свою роль в этом сыграли те три десятилетия, которые легли между выходом трактатов этих двух гуманистов⁴. Наиболее же подходящими видами спорта Эшем считал верховую езду и стрельбу из лука. «Из всех видимых достоинств, – писал он, – умение красиво ездить верхом – наиболее привлекательное для (молодого джентльмена), необходимое для служения отчизне, достойное знатного человека, вызывающее похвалу, и в этом отношении оно превосходит все другие». Свои слова гуманист подтвердил примерами из истории персов, которые поучали молодых людей: «Всегда говори правду, будь мастером верховой езды и хорошо стреляй»⁵.

Что касается стрельбы из лука, то Эшем, вдохновившись похвальными отзывами об этом занятии автора «Правителя», в

¹ *Pearson L. E. Elizabethans at Home. Stanford, 1957. P. 140–142.*

² Специалисты, изучающие творчество Элиота и Эшема, единодушны в своих утверждениях как о том, что Эшем – наиболее верный последователь Элиота в педагогических воззрениях, так и о том, что среди этих воззрений, он лучше всего воспринял и передал именно идеи физического воспитания. См.: *Hogrefe P. The Sir Thomas More circle: A program of ideas and their impact on secular drama. Urbana, 1959. P. 42–43; Kelso R. Op. cit. P. 127–128; Ryan L. V. Roger Ascham: The man and his work. London, 1963. P. 61.; Ryden M. Op. cit. P. XXIII.*

³ *Ascham R. The Scholemaster / Ed. by E. Arber. London, 1923. P. 64.*

⁴ См. об этом: *Brailsford D. Op. cit. P. 24.*

⁵ *Ascham R. The Scholemaster. P. 44.*

своем трактате «Стрелок из лука» пропел настоящую осанну этому виду спорта. Это самый ранний из его трактатов, написанный в 1545 году и полностью посвященный проблемам физического совершенствования человека¹. Трактат состоит из двух книг и написан в виде диалога между Филологом (*Philologus*), любителем книжной науки, и Токсофилом (*Toxophilus*), страстно увлеченным стрельбой из лука. По общему мнению исследователей, их прототипами стали Дж. Чик, известный гуманист, воспитатель принца, будущего короля Эдуарда VI, и сам Роджер Эшем². Первая книга – это «апология охоты и стрельбы из лука», вторая – «описание снаряжения и техники спорта». Трактат содержит множество примеров из истории, свидетельствовавших, что лучники не раз приносили славу Англии на поле брани и в мирных состязаниях. Автор отмечал, что стрельба из лука – это лучший способ времяпрепровождения, достойный дворянина, отвлекающий его от вредного увлечения азартными играми, и, кроме того, прекрасное упражнение, способствующее физическому совершенствованию, обеспечивающее полноценный отдых между умственными занятиями³. Произведение Эшема о стрельбе из лука было очень популярно и неоднократно переиздавалось (1545, 1571, 1589, 1788, 1821, 1865, 1868, 1902)⁴. Трактат пользуется популярностью в кругах английских спортсменов и охотников до сей поры. Именем Эшема до сих пор называют клубы стрелков-лучников, ларцы для хранения снаряжения. В клубах устанавливают статуи гуманиста, к сожалению, не подлинные, так как его настоящего изображения не сохранилось⁵.

¹ *Ascham R. Toxophilus // The whole works of Roger Ascham: In 3 vols. London, 1864–1865. Vol. 2. 1864. P. 1–165.*

² *Ascham Roger // The dictionary of National biography. London, 1885–1900. Vol. 1. 1885. P. 624–625.*

³ *Ascham R. Toxophilus. P. 73–79.*

⁴ *The dictionary of National biography. Vol. 1. P. 630; Kelso R. Op. cit. P. 172–173; Lewis C. S. English literature in the sixteenth century excluding drama. Oxford, 1954. P. 626.*

⁵ *Ryan L. V. Op. cit. P. 2.*

В то же время Эшем строго осуждал почему-то акробатику, а также игру в мяч, кости, другие азартные игры и "недостойные и низменные виды спорта", особенно связанные с денежным мошенничеством¹. Однако сам гуманист, как гласит предание, был как раз человеком азартным, что отличало его от большинства единомышленников. Многие исследователи указывали на его пристрастие к петушиным боям, намерение написать трактат по этому поводу и видели источник его бедности, на которую он постоянно сетовал, именно в этом пристрастии². Как знать, возможно, это обстоятельство и позволило Эшему осуждать подобное растранивание денег со знанием дела.

Как же развитие идей спортивного воспитания середины XVI века отразилось на школьном образовании в последующий период? Школьные статуты, протоколы и прочие документы доелизаветинского периода ничего не сообщают по этому поводу³. Однако некоторые историки образования в Англии высказали предположение о широком распространении спортивных занятий, в частности игр, среди учащейся придворной молодёжи⁴. Школьные документы конца века стали упоминать о выделении специального времени для игр и стрельбы из лука в некоторых школах⁵. Университеты же продолжали относиться к спортивным занятиям в лучшем случае равнодушно, а чаще неодобрительно, в частности к футболу и плаванию⁶.

Среди практиковавших школьных учителей того времени настоящим энтузиастом физического воспитания был Ричард Малкастер. Один из педагогов-новаторов елизаветинской эпохи, он пытался обосновать и воплотить в жизнь гуманистические идеалы просвещения на посту главы крупнейшей в Лондоне школы, основанной ремесленной и торговой компанией «Мер-

¹ *Ascham R.* Toxophilus. P. 49.

² The dictionary of National biography. Vol. 1. P. 629; *Rowse A. L.* The England of Elizabeth. London, 1953. P. 589.

³ *Brailsford D.* Op. cit. P. 41.

⁴ См., напр.: *Fink D. P. J.* Queen Mary's Grammar School. Walsall, 1954. P. 86.

⁵ *Brailsford D.* Op. cit. P. 42.

⁶ *Ibid.* P. 43.

чант Тейлорз» (*Merchant Taylors*), а затем уже упоминавшейся лондонской же школы св. Павла, некогда созданной Джоном Колетом. Трактат Малкастера «Положения, касающиеся воспитания детей» стал, пожалуй, наиболее всеобъемлющем педагогическим сочинением в Англии XVI в.¹ В нем он выступал за гармоничное развитие личности, исследовал вопрос о том, как, чему и с какого возраста следует учить детей, проводил идеи всеобщего элементарного образования, обучения девочек, специальной подготовки учителей.

Хотя Малкастеру не принадлежала пальма первенства в признании необходимости не только здорового духа, но и здорового тела, в похвале спортивным занятиям он преуспел как никто другой – в его трактате вопросам здоровья, активного образа жизни и разного рода физических упражнений отведено 30 глав. Он отмечал явную связь между спортивной активностью человека и его здоровьем, говорил, что избежать докторов можно только занимаясь спортом². Как практиковавший педагог он замечал, что детское тело, как и детская душа и ум, наиболее податливы и поэтому легко изменяются под воздействием полезных занятий. Он рекомендовал бег, прыжки, плавание, верховую езду, охоту, стрельбу из лука и различные игры. Явным новшеством было признание пользы спортивных игр, в частности, футбола³, который его предшественники, рекомендовавшие такие «дворянские» виды спорта, как верховая езда и стрельба из лука, не считали занятием, достойным джентльмена. Благодаря последнему обстоятельству, имя Малкастера по сей день пользуется большой популярностью у историков и ценителей футбола.

А вот другой известный учитель этого периода В. Кемп, автор трактата «Образование детей путём обучения» (1588)⁴, физическое воспитание полностью игнорировал, хотя и заимствовал

¹ *Mulcaster R.* Positions Concerning the Training Up of Children. Toronto, 1994.

² *Ibid.* P. 51–59.

³ *Ibid.* P. 109–113.

⁴ *Kempe W.* The education of Children Learning // Four Tudor books on education. Florida, 1966. P. 181–240.

многие другие педагогические идеи у Томаса Элиота. Сам он уверял, что написал инструкцию для обучения мальчиков-сыновей купцов, ремесленников и крестьян. Таким образом, если вспомнить, что Элиот говорил о воспитании государя, а Кемп о воспитании простолоудина, которому физической нагрузки хватало и в жизни, то такая позиция становится вполне понятной.

Итак, что же можно сказать об общих взглядах на физическое воспитание в ренессансной Англии и предпочтениях отдельных гуманистов? Безусловно, англичанами была полостью воспринята идея античных и итальянских авторов относительно гармоничного развития человека, включая его физическое совершенство. По сравнению с другими представителями Северного Возрождения, англичане явно больше интересовались спортивными занятиями, особенно начиная с 30-х годов XVI века. Обращает на себя внимание тот факт, что все авторы исходили из истории своей страны и поэтому, как истинные «внуки Робин Гуда», не могли не высказаться, в основном, с одобрением, о стрельбе из лука. Что касается конкретных предпочтений, то здесь своё влияние оказывали самые разные аспекты. Принадлежность к католической или протестантской церкви порождала размышления о том, не является ли спорт излишеством и ненужным развлечением, или он только полезный инструмент для поддержания здоровья. Свой отпечаток накладывал временной аспект: от начала к концу века отношение к спортивным занятиям становилось всё более позитивным. Явно заметно, что большинство гуманистов, близких ко двору, в большей степени интересовались физическим воспитанием, нежели школьные, за исключением Малкастера, и особенно университетские педагоги. Социальная адресность трудов также накладывала свой отпечаток – понятно, что спорт был скорее дворянским занятием, и труды, обращенные к третьему сословию, этот вопрос обходили. Предлагаемый перечень спортивных дисциплин менялся и по мере технического прогресса – так в нём появилась пулевая стрельба. Наконец, явно прослеживаются просто личные предпочтения и обыкновенные человеческие пристрастия, вытекавшие из собственного жизненного опыта, вкусов и убеждений. Так Эшем, проматывавший деньги на петушиных боях,

на всякий случай, осуждал все игровые виды спорта, связанные с азартом. Явно личные предпочтения заставили его написать целый трактат о стрельбе из лука, как они же побудили Малкастера пропеть осанну футболу. В целом, история физических упражнений в Англии интересна как с точки зрения развития гуманистических педагогических идей, так и как зарисовка своеобразной части повседневной жизни.

ENGLISH HUMANISTS ON PHYSICAL EDUCATION: GENERAL CONSIDERATIONS AND PREFERENCES

Tatyana M. Ruyatkina

The article focuses on the opinions of English humanists upon the problem of physical education. It is noted that though the humanists living beyond the Alps paid less attention to these issues compared to the Italians the English writers were an exception. It is only the 'oxfords' (the Colet-More circle humanists) that didn't pay much attention to physical education. Elyot, Ascham, Mulcaster (the humanists of the last two thirds of the sixteenth century) were great enthusiasts for physical exercise in their system of education of a gentleman, both in theory and in practical pedagogical work. A distinctive feature of their reasoning was a combination of philosophical justification of physical perfection of a person with the medical one.

Key words: history of physical education, English Renaissance, pedagogical ideas in English humanism, Thomas Elyot, Roger Ascham, Richard Mulcaster.

ОБОЧИНА ПРОГРЕССА: РУССКИЕ ЗЕМЛИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ИОАННА БОЭМУСА

В статье анализируются сведения о Руси/Московии в сочинении немецкого гуманиста Иоанна Боэмуса «Нравы, законы и обычаи всех народов», которое увидело свет в 1520 г. в Аугсбурге. Показано, что, составляя свою компиляцию, Боэмус в повествовании о России был мало оригинален и зависел от предшественников, прежде всего таких ренессансных космографов, как Пий II, Сабеллико, Матвей Меховский. Тем не менее, именно из труда Боэмуса широко заимствовали данные о Восточной Европе последующие европейские ее писатели.

Ключевые слова: Ренессанс, гуманизм, образ другого, космография, этнография, Московия, Русь, Иоанн Боэмус, Сабеллико, Матвей Меховский.

Рассказ о Руси у Иоанна Боэмуса не отличается особой новизной, он основан на чужих, известных в его время данных, которые этот немецкий гуманист передавал, как правило добросовестно, лишь изредка позволяя себе небольшие вольности.

§ 1. Иоанн Боэмус и его труд

Иоанн Боэмус (Vohemus, Bohemus, в миру – Hans Wütm; в ранней литературе ошибочно отождествлялся со своим старшим современником, гебраистом Иоганном Бехаймом – Johann Behaim) родился около 1485 г. в местечке Ауб (Франкония), от названия которого произошло его прозвище (Aubanus). Первоначально обучался в школе города Галл, дальнейшее образование получал, предположительно, в Лейпциге, Франкфурте-на-Одере и Тюбингене. С 1508 г. он замковый капеллан Тевтонского ордена в Ульме. В 1522 г. орденские власти перевели его в местечко Капфенбург неподалеку от Аалена (Вюртемберг). В дальнейшем Боэмус переехал в Ротенбург, где и скончался в

1535 г. Как неолатинский поэт он был известен в гуманистических кругах Ульма, Аугсбурга и Нюрнберга. Бозмус осуществил перевод «Метаморфоз» Овидия, в 1515 г. выпустил небольшой сборник собственных поэтических сочинений (*Liber heroicus*)¹.

Главным трудом Бозмуса, принесшим ему широкую известность, стала своего рода энциклопедия «Нравы, законы и обычаи всех народов, взятые из сочинений многих прославленных историков» (*Omnium gentium mores, leges, et ritus, ex multis clarissimis rerum scriptoribus... nuper collectos*), созданная в 1517–1520 гг. и первым изданием вышедшая в 1520 г. в Аугсбурге. Многие исследователи видят в нем один из ранних европейских трудов по этнографии²; и это верно, но лишь отчасти, ибо, как и в космографиях Возрождения, у Бозмуса собраны сведения также по широкому спектру иных отраслей знания, в частности, по географии, истории, экономике, политике, религии. В 1536 г., уже после смерти автора, книга вышла в новой, расширенной редакции. В последующие десятилетия она имела огромный читательский успех, издавалась десятки раз (до 1620 г. не менее сорока семи публикаций) как на латыни, так и в переводах на европейские языки – итальянский, французский, английский, немецкий, испанский³.

¹ Об Иоанне Бозмусе см.: *Allgemeine deutsche Biographie*. Leipzig, 1876. Bd. III. S. 30; *Neue deutsche Biographie*. Berlin, 1955. Bd. II. S. 403; *Schmidt E.* *Deutsche Volkskunde im Zeitalter des Humanismus und der Reformation*. Berlin, 1904 (*Historische Studien*. Bd. 47). S. 60–77.

² *Schmidt E.* *Op. cit.* S. 69; *Broc N.* *La géographie de la Renaissance (1420–1620)*. Paris, 1920. P. 82; *Hogden M. T.* *Johann Boemus (fl. 1500): An Early Anthropologist // American Anthropologist*. 1953. Vol. 55. № 2. Pt. 1. P. 284–294; *Mund St.* *Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde „russe“ en Occident à la Renaissance*. Genève, 2003. P. 404, 415.

³ См.: *Hogden M. T.* *Op. cit.* P. 285; *Mund St.* *Op. cit.* P. 468–505; *Schmidt E.* *Op. cit.* S. 146, 147; *Vogel K. A.* *Cultural Variety in a Renaissance Perspective: Johannes Boemus on “The Manners, Laws and Customs of all People” (1520) // Shifting Cultures: Interaction and Discourse in the Expansion of Europe / Ed. by H. Bugge and J. P. Rubies*. Münster, 1995 (P. 1–34). P. 17; *Сынкова И.* *Иоганн Бозмус и его книга «Нравы, законы*

В предисловии к своему труду Боэмус объяснял его появление желанием людские нравы, обычаи, установления, а также места обитания народов, описанные прославленными авторами в разных трудах, собрать и в кратком виде свести воедино; дабы читатели могли в одной книге, содержащей разный материал, легко найти то, что им пришлось бы искать во многих. Он выражал надежду на то, что приведенные им описания нравов и обычаев, как древних, так и новых, наставят тому, каким из них надо следовать, а каких избегать; кроме того позволят познать, насколько лучше и счастливее жизнь сейчас, в его время, нежели примитивное, грубое существование первых людей от их сотворения до великого потопа и дальше в течение многих веков, ибо были рассеяны они по земле, как звери, не зная никакой монеты, никаких товаров, только обмениваясь друг с другом необходимыми для жизни вещами¹. Строго говоря, «русский опыт», как и жизненные устои огромного числа других народов, в передаче Боэмуса, должны являть примеры нравственной дикости и общественной неустроенности, характерные для тех, кто в отличие от европейцев оказались в стороне от прогресса и не могли наслаждаться его добрыми плодами.

Очень редко использует Боэмус в своем труде данные путешественников последнего времени, посещавших те или иные страны. В основном он черпает материал из трудов ученых древности, средних веков и Возрождения – всего более сорока авторов. Часто он цитирует Сабеллико, из сочинения которого он заимствовал очень много. Это справедливо и в отношении сведений о Руси. Кроме него, повествуя о ней, Боэмус использовал еще двух авторов – Пия II и Матвея Меховского.

§ 2. Первый компендиум сведений о Руси, преимущественно Московской

В книге Боэмуса шестая глава третьей книги имеет заглавие: «О Руси, или Рутении, и современных нравах русских» (De

и обычаи всех народов» // Белорусский исторический обзор. 2007. Т. 14. Тетр. 1–2 (С. 187–206). С. 187, 188.

¹ *Boemus J. Omnium gentium mores, leges, et ritus. Augustae, 1520. Fol. IVr.* См. также: *Vogel K. A. Op. cit. P. 29, 34.*

Russia, siue Ruthenia, et recentioribus Rusianorum moribus). В ее начале дано географическое описание страны: «Русь, называемая также Рутенией и Подолией, именуется трояко – Белая, Верхняя и Нижняя»¹. Обозначение Руси латинским именем Рутения – обычное в средние века и эпоху Возрождения, но вот отождествление ее с Подолией, одной из ее частей, показывает, что автор неясно представлял себе предмет, о котором вел речь. Он также не поясняет, где расположены эти три части Руси, и, по-видимому, не понимает, что обозначил на самом деле две ее части, ибо Белой Русью в его время называли Московскую, или Северо-восточную, Русь, которую иначе могли также именовать Верхней (Rossia Alta), тогда как Юго-западную – Нижней (Rossia Bassa)². Уточняется также, что она, Русь, – «часть Сарматии, расположенная перед Польшей»; далее, почти дословно повторяя Сабеллико³, Боэмус очерчивает границы Руси: с севера она замыкается некоей рекой Реусе, с востока – москами (в оригинале вместо Moscus⁴ должно стоять Moschis; ср. у Сабеллико – Mosthis), с запада от нее находятся Ливония и Пруссия, крайние части Германии. Южные рубежи никак не обозначены. Простираются же владения рутенов, или роксоланов (ибо, замечено в скобках, и этим именем их называют), от Танаиса (=Дона) до Северного океана на восемь дней пути, а от Немецкого океана, известного также как Балтийский, до Каспийского моря – на девяносто и более дней пути⁵.

Затем Боэмус вставляет информацию о Руси, заимствованную уже у Матвея Меховского. Правда, в отличие от Сабел-

¹ *Boemus I. Op. cit. III. 6. Fol. XLVIr.*

² См.: *Contarini A. Viaggio in Persia. 1, 2 // Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 188, 189 (С. 210, 211).*

³ *Sabellius. Rapsodiae historicae. X. III // Opera. Basileae, 1560. T. II. Col. 906.*

⁴ Не случайно в переводах этого фрагмента на итальянский язык вместо названия народа – «моски», появляется «река Москва» (“il fiume Mosco”. См.: *Boemo G. I costumi, le leggi, et l’usanze di tutte le genti. Venetia, 1564. P. 112r.*

⁵ *Boemus I. Op. cit. III.6. Fol. XLVIr.*

лико, у которого материал берется, как правило, большими фрагментами почти дословно, польского космографа Бозмус пересказывает свободно, несколько сокращая. Страна эта, то есть Русь, столь плодородна, что даже грубо возделанное поле, засеянное хлебом, три года подряд дает урожай, и нет надобности его ежегодно вспахивать, ибо просыпавшееся при сборе урожая зерно на следующий год всходит само. Трава же вырастает выше сажени (буквально: выше шеста, *perticam transcendat*). Там такое множество пчел, что мед они кладут не только в ульях и дуплах деревьев, но и в углублениях скал и земли. Там производят превосходнейший мед и те огромные круги воска, которые, сказано у Бозмуса, довозят даже до нас, то есть до Германии, ибо у Матвея Меховского такого уточнения нет. У русских рыбу не разводят в прудах и озерах, но, как утверждают, она вырастает сама под влиянием неба. Соль в сухое время года собирают на озере, называемом Качибейским, из-за которого они часто воюют с татарами¹. Следующее сообщение, тоже заимствованное у Матвея Меховского, он преподносит как рассказ о чем-то удивительном, необычном (*mirum est*): говорят, что в Холмской земле срубленные ветви и стволы сосны (хотя у Меховского упомянуты одни ветви), которые два или три года (у Меховского – год или два) лежат на земле, затвердевают, превращаясь в камни (у Меховского – в кремнистые камни); на вопрос, почему Бозмус, если он опирался только на текст Матвея Меховского (а по другому и быть не могло, никто больше на затронутую тему не писал), стал самовольно «поправлять» некоторые детали в источнике, никакого внятного ответа не получается. Там, сказано далее о Руси, много прекрасного мела. В местах поближе к Танаису и Меотийскому болоту (=Азовскому морю) земля изобилует ароматическим тростником и ревенем

¹ Речь идет о Хаджибеевом лимане, у которого была расположена крепость Хаджибей (в районе современной Одессы). По сообщению Матвея Меховского, на возчиков соли, случалось, нападали татары и брали их в плен со всем их товаром (*Mathias de Miechow. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. П.I.1 // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 96, 174*).

(уточнение Меховского о том, что ремень есть также в Литве, пропущено), а еще – многими травами и корнями, в других местах не встречающимися¹.

Весь этот материал, взятый у Матвея Меховского, самим польским автором помещен в разделе «О Руссии...», в котором речь идет о русских землях в составе Польского королевства и Великого Княжества Литовского. Боэмус же его построил в свое повествование, никак не оговаривая деление Руси на польско-литовскую и московскую, о котором не мог не знать.

Далее Боэмус возвращается к тексту Сабеллико, хотя он мог заимствовать более свежие и более конкретные сведения о Москве и Московской Руси того же Матвея Меховского и организовать весь русский материал, как это сделает после него Мюнстер, в двух фрагментах, или разделах, – «О Руси» и «О Московии». Однако Боэмус избегает до поры до времени употреблять название Московия, уже введенное Матвеем Меховским в космографию и имеющее вполне определенное геополитическое содержание.

Итак, следуя Сабеллико, Боэмус сообщает, что «царский город [русских. – *О. К.*] Москва (*Moscovia*), расположенный на Москве реке (*ad Moscum amnem*), в окружности насчитывает четырнадцать тысяч шагов»; и сразу добавляет, допуская существенную подмену, что «серебро здесь [то есть в Москве. – *О. К.*] используют без клейма». Но последнее известие Сабеллико относил к Новгороду, не к Москве. Равным образом описанные этим итальянским гуманистом, основывавшимся на информации Пия II, новгородские порядки² Боэмус представляет опять же как московские: дескать, в Москве посреди площади стоит камень квадратной формы, и кто на него заберется и не дает себя

¹ *Boemus I*. Op. cit. III.6. Fol. XLVIIr. Ср. с тем, как у Матвея Меховского: *Mathias de Miechow*. Op. cit. II.I.1. С. 94–96, 172–174.

² *Sabellius*. Op. cit. X.III. Col. 906. Ср.: *Pius II [Aenea Sylvius Piccolomineus]*. Europa, in qua sui temporis varias historias complectitur. Cap. XXVII // *Opera omnia*. Basileae, 1571 (Р. 387–471). Р. 419. См. также: Кудрявцев О. Ф. Калиф на час: политический быт Новгорода в изображение Пия II (Энея Сильвия Пикколомини) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 4. С. 55–58.

оттуда свергнуть, тот и получает власть в городе; и большая борьба ведется среди горожан за камень, и весьма часто случаются между ними бои по этой причине¹. Итак, вопреки тому, что доносили Пий II, Шедель, Сабеллико, Волатерран, этот диковинный обычай, по Боэмусу, оказывается, принят в Москве, не в Новгороде.

Боэмус отмечает военную мощь русских: основываясь на Сабеллико, он называет цифру в сто двадцать тысяч конницы, которая в предыдущие годы была собрана в царских лагерях (*in regijs castris*) в связи с войной². О другой цифре в триста тысяч конницы, также приводимой итальянским гуманистом³, Боэмус умалчивает. Характеристика вооружения дословно заимствована у Сабеллико: русские используют на войне луки, есть у них и копья длиной в двенадцать шагов, панцирные всадники поверх кольчуги облачаются в стальные доспехи, вместо металлических шлемов носят островерхие меховые шапки. Воюют предпочтительнее конницей, чем пехотой; одна часть пехотинцев применяет устройства, итальянцами именуемые баллистами, другая, — используя пороховой заряд, из медных орудий стреляет свинцовыми ядрами на немецкий манер (*Teutonico more*).

Что касается обычаев государственной жизни, то Боэмус опять почти слово в слово повторяет своего предшественника, выпустив, правда, большой фрагмент о нынешнем правителе страны и его родословной. Итак, имя короля ненавистно народу, и поэтому, кто там властвует охотнее употребляет название герцога (=князя), ибо оно более угодно людям⁴. Далее Боэмус, сле-

¹ *Boemus I. Op. cit. III.6. Fol. XLVIIr.*

² *Ibid.*

³ *Sabellicus. Op. cit. X.III. Col. 907.*

⁴ Что стоит за подобными словами, можно только догадываться.

Скорее всего по своим источникам Сабеллико, которому следовал Боэмус, узнал об ответе, полученном в 1489 г. силезским рыцарем Николаем Поппелем на предложение императора Священной Римской Империи Фридриха III даровать русскому государю титул короля («краалем поставлену быти»), от которого тот с негодованием отказался, ссылаясь на то, что «Мы Божиею милостию государи на своей земле изначяла, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога,

дую Сабеллико, сообщает, что тот, кто повелевает всем народом, внешне мало отличается от других знатных лиц, разве что у него головной убор немного выше¹.

В описании внешнего вида, а равно и нравов русских людей Боэмус повторяет Сабеллико. Они, русские, носят все цвета, кроме черного; мужчины и женщины сверху имеют облачения из тончайшего льна, спускающегося до голеней, украшенные вокруг шеи золотым или красным шелком; одежда их проста, почти ничем не отличается от греческой, которую заимствовали турки, а также все северяне, только у русских более широкие рукава, золотыми позументами украшены грудь и плечи, и вся одежда оторочена мехом выдры.

О траурных обычаях Боэмус, вторя Сабеллико, пишет следующее: лишь жена скорбит о муже, покрывая голову белой тканью, спускающейся до локтей; люди побогаче на сороковой

как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до сего века в том быти, как есмь ныне государи на своей земле, а поставления как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим» (Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Рома, 1989. С. 6; Памятники дипломатических сношений древнейшей России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1. С. 11; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. I. С. 1; *Fiedler N. Nikolaus Poppel, erster Gesandter Oesterreichs in Russland. Historisch-biographische Skizze.* Wien, 1857. S. 21–29; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 273–275; *Кудрявцев О. Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы М., 1997 (С. 6–34). С. 22, 23). Отсюда и могла возникнуть у Сабеллико или его информатора мысль о том, что русский правитель предпочитает свой *природный* титул герцога (=князя) как более привычный и понятный для народа. Речь, похоже, идет о вольной интерпретации материалов дипломатических переговоров русского государя с императором (хотя схожие темы будут затрагиваться и в русско-папских отношениях).

¹ *Boemus I.* Op. cit. III.6. Fol. XLVIIr-v. Cp.: *Sabellicus.* Op. cit. X.III. Col. 907.

день после похорон устраивают в память покойного пир; стесненные в средствах за это время организуют пять застолий (выглядит странным обычаем, предполагающий большие траты на поминки людей, менее обеспеченных; похоже, что в источнике какое-то недоразумение); каждый год отмечают они день смерти пирами, доколе остается в живых хотя бы кто-нибудь из членов семьи; имена умерших записываются, чтобы можно было знать, кого в какой день надо поминать; покойников хоронят с плачем и стенаниями.

Возвращаясь к описанию внешнего вида, Боэмус вслед за Сабеллико замечает, что отеческий обычай позволяет женщинам носить в ушах драгоценные камни и жемчужины; прилично это и мужчинам, но только в юношеском возрасте. Повторно вышедшую замуж женщину считают достаточно целомудренной, но гнушаются как бесстыдной вступающей в брак третий раз. То же правило распространяется и на мужчин. Девушки носят волосы за спиной, состоящие же замужем – тщательно их убирают; мужчины стригутся в кружок выше ушей, и считается постыдным для этого пола всякий уход за волосами¹.

Боэмус воспроизводит данную Сабеллико характеристику русских как людей, расположенных к Венериным утехам и весьма приверженных к пьянству. Он повторяет информацию о том, что русские дают деньги в рост, и это не считается предосудительным даже для священников, а также о рабской зависимости большинства русских, в которую они вступают вполне добровольно, продавая в неволю также и членов своей семьи².

Так же, как и его предшественник, Боэмус отмечает, что русские священники по греческому обычаю одеты в черное, как низший клир и монахи, кои держатся одного устава, предписанного еще святым Антонием. Церковные иерархи облачены в белое; носят они висящей на груди грамотку с записью того, что предписано Божественным законом. В вопросах вероучения, повторяет Боэмус Сабеллико в другом месте, русские едины с

¹ *Boemus I. Op. cit. III.6. Fol. XLVIIv.*

² *Ibid. Cp.: Sabellicus. Op. cit. X.III. Col. 907.*

греками, а также в богослужебных обрядах и почитании сил небесных¹.

У русских свой язык, однако скифский он или какой-то другой, Боэму, вслед за Сабеллико, решать не берется. И это странно, ведь у Матвея Меховского, которого Боэму знал, прямо сказано, что в Московии говорят на языке «русском, или славянском»². Письмо же их немногим отличается от греческого. На греческом русские будто бы изучают музыку и грамматику, пренебрегая всеми другими науками³.

Судебные дела разбирает и решает коллегия из двенадцати мужей, иногда, если дело великой важности, обращаясь к правителю; в иных сомнительных случаях для разрешения спора между тяжущимися сторонами прибегают к поединку, сообщает вслед за Сабеллико Боэму⁴.

Упоминая о хозяйственных занятиях, Боэму отличается от Сабеллико в мелких деталях. Русские, пишет он, усердны в земледелии, пахут они на лошадях; земля у русских весьма плодородна, но не на виноград. Пьют они брагу, сваренную из проса, ячменя и хмеля (о пшенице Боэму в отличие от Сабеллико не упоминает), и это самое пьет почти весь Север (о том же гласит и маргиналия). Далее повторяется информация предшественника о том, что на Руси нет оливковых деревьев и, соответственно, полученного из их плодов масла; его здесь изготовляют из конопли, мака и орехов⁵.

Поначалу Боэму точно воспроизводит слова Сабеллико о том, что на Руси водятся животные разного рода и среди них многие с благородным ценным мехом; а затем, явно ему противореча, замечает, что некоторыми из этих животных древние восхищались, хотя его источник говорит обратное⁶. В согласии с предшественником Боэму сообщает о великом изобилии рыбы в стране, выделяя замечательнейшую сельдь Переяславского

¹ *Boemus I*. Op. cit. III.6. Fol. XLVIIv.

² *Mathias de Miechow*. Op. cit. II.II.1. C. 116, 192.

³ *Boemus I*. Op. cit. III.6. Fol. XLVIIv.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. Cp.: *Sabellius*. Op. cit. X.III. Col. 908.

(=Плещеева) озера, весьма похожую на ту, которую ловят в озере Бенакус (in Venaco)¹.

Знаменитых озер на Руси семь, сообщает Боэмус, но в отличие от Сабеллико названий их не дает. Известных рек – девять и, подобно своему информатору, из них он указывает только Днепр, замечательный своими размерами и свойствами².

Хотя основной материал для очерка о Руси Боэмус, вне сомнения, заимствовал у Сабеллико, иногда его текст немного сокращая или «поправляя», между этими двумя авторами есть одно совсем немаловажное различие: немецкий гуманист ни разу не называет русских скифами, на чем настаивал его итальянский предшественник.

§ 3. Второй компендиум сведений о Руси, исключительно Московской

К описанию Руси, правда, уже только Московской, Боэмус возвращается снова в главе «О Ливонии, Пруссии и рыцарях Девы Марии» (De Liuonia, Prusia, et militibus marianis). Но его источником теперь служит не труд Сабеллико, которого он цитировал, лишь незначительно его меняя, большими кусками, а «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского, используемый им очень вольно: он позволяет себе текст польского историка сокращать, пересказывать своими словами, по своему усмотрению компоновать, меняя части местами. Здесь, в этом фрагменте, Боэмус использует название Московия, отличая ее от Руси.

Разговор о Московии и ее обитателях заходит как бы случайно. Отмечая приверженность литовцев римской церкви, он тут же добавляет, что московиты, обитающие на севере, как и русские, живущие на юге, держатся греческого обряда и подчиняются не римскому, а константинопольскому первосвященнику (pontifici)³.

¹ Venacus – латинское название озера Гарда на севере Италии.

² *Voemus I.* Op. cit. III.6. Fol. XLVIIv-XLVIIIr.

³ *Voemus I.* Op. cit. III.8. Fol. XLIXr. Далее будут цитироваться – Fol. XLIXr-v. Ср.: *Mathias de Miechow.* Op. cit. II.II.1. P. 116, 192. Далее см. также: *Ibid.* P. 112–116, 188–192.

Московия вытянута на север на четыреста миль (цифра взята у Матвея Меховского). Страна, сказано далее, богата серебром и так сильно охраняется стражей, что не только пришельцы, но и тамошние жители без грамоты герцога (=князя) не могут ни войти в нее, ни покинуть ее. Страна эта равнинная, не гористая, лесистая и большей частью болотистая, орошается многими большими реками, а именно – Окой, Волгой, Двиной, Борисфеном и Днепром, уточняет Боэмус, по-видимому, даже не догадываясь, что последние два названия обозначают одну и ту же реку¹. Отчего в Московии водится рыба разных пород, много зверя, как и в Литве, от которой отличается не сильно, разве что холоднее, потому что севернее. Из-за этого и скот там мельче и, как правило, без рогов.

Москва – столица страны; она вдвое больше Праги в Богемии, повторяет Боэмус за Матвеем Меховским; в ней деревянные, как и в других городах, здания, много улиц, довольно разбросанных, между которыми расположены обширные поля. Через город протекает река того же, что и он, названия. В середине города, на равнине находится замок (то есть Кремль), имеющий семнадцать башен и три стрельницы, на диво красивые и крепкие. В нем шестнадцать церквей, из которых только три – Свв. Марии, Михаила и Николая – каменные, уточняет Боэмус вслед за Матвеем Меховским. Также там имеются три огромные здания, предназначенные для придворной знати, и государев дворец, построенный на итальянский манер, весьма красивый, но небольшой.

В стране много славных княжеств, которые в случае войны за два-три дня могут выставить более двухсот тысяч воинов.

Пьют москвиты мед и напиток, приготовленный на закваске, именуемый квас (quassetz – любопытно, что беря эту

¹ “plurimis maximis fluminibus Occa, Volha, Dzuuina, Borysthenesque et Dineper irrigua” (*Boemus I. Op. cit. III.8. Fol. XLIXr*). Этот фрагмент напоминает то место у Матвея Меховского, где говорится о больших реках, вытекающих из Московии, а это – «Двина, Волга и Днепр или Борисфен» (*Mathias de Miechow. Op. cit. II.II.1. С. 115, 191*), однако у него, вне всякого сомнения, Борисфен выступает как еще одно имя Днепра.

информацию у Матвея Меховского, Боэмус дает свою транскрипцию русского слова; у польского историка – *kwassecz*). Борясь с холодом, они употребляют пряности и различные горячительные жидкости; из овса и меда изготавливают горящую воду, или спирт, и также из молока – столь сильный напиток, что им напиваются допьяна. Похоже, что в этом случае, не упомянутом у Матвея Меховского, речь идет о кумысе, который татары делали из кобыльего молока. Вина и растительного масла, продолжает Боэмус, у них нет. Во избежание пьянства государь запретил под страхом смерти употребление любого хмельного напитка, за исключением, однако, двух-трех раз в году.

Менета у них серебряная, повторяет Боэмус Матвея Меховского, большей и меньшей величины, не круглая, но продолговатая, четырехугольная; называется она денга (*dzuuingingis*; транскрипция этого слова у него иная, нежели у польского автора, ср. – *dzingis*). Большой монетой могла называться новгородская денга (новгородка), вдвое превосходившая московскую денгу (московку), которая скорее всего обозначена как меньшая¹.

«Говорят они по-славянски» (*Sclauonica lingua*), – пишет Боэмус несколько обедняя своего информатора, у которого дважды замечено, что речь у московитов русская, или славянская (*sermonem Rutenicum seu Slauonicum*)². Затем он, вслед за польским автором, еще раз говорит то, что им уже было сказано: держатся московиты одной веры и религии с греками. Более того, их епископы подчиняются константинопольскому патриарху и им утверждаются. Они, то есть жители Московии, поклоняются Христу, исключение составляют обитатели Казани (*Kosanenses*), которые вместе с сарацинами чтят Магомета, – делает оговорку Боэмус, забывая добавить замечание Матвея Меховского о том, что говорят они на татарском языке, – а также «некоторые иные скифы на севере», которые говорят на своих языках и по-

¹ См. в этой связи: *Гайдуков П. Г.* Русские полуденги, четвертцы и полушки в XIV–XVII вв. М., 2006. С. 92–94, 115–117; *Бауэр Н. П.* История древнерусских денежных систем. IX – 1535 г. М., 2014. С. 426, 427.

² *Mathias de Miechow.* Op. cit. II.1.1. P. 112, 116, 189, 192.

читают идолов; из них особенно одного, именуемого *Zlota baba*, то есть золотая старуха, его чтят настолько, что всякий, проходя мимо, если даже у него нет ничего другого, в качестве приношения предлагает хотя бы волос, вытянутый из одежды, и простирается перед ним ниц. Пересказ отрывка Матвея Меховского о Золотой бабе не вполне точен, у польского космографа нет последних слов о том, что перед этим идолом простираются ниц.

Возвращаясь к вопросу о языке, немецкий космограф уточнял: хотя он у них, народов Московии, один – на этом настаивал и Матвей Меховский¹, – причем, по Боэмусу, только славянский, однако такой неровный (*impar*), столь в разных местах смешанный с теми или иными чужими ему наречиями, что москвиты, в итоге, не вполне понимают друг друга. А вот об этом у польского космографа не говорится.

Следующая информация ставит в тупик. Во времена идолопоклонства москвиты будто бы имели верховного понтифика, то есть жреца, именуемого Криве, жил он в городе Ромове, название которого производится ими от Рима². Совершенно непонятны мотивы, заставившие Боэмуса связать с москвитами информацию, данную у Матвея Меховского в описании Литвы³, который ее заимствовал, в свою очередь, у Длугоша, повествовавшего, надо заметить, о пруссах⁴.

¹ Ibid. P. 116, 192.

² „Idololatriae tempore pontificem maximum unum habebant, quem Crive nominabant, in ciuitate Romoue (a Roma dicta) habitabat” (*Boemus I. Op. cit. III.8. Fol. XLIXv*).

³ *Mathias de Miechow. Op. cit. II.1.3. P. 108, 185.*

⁴ См. подробнее на эту тему обстоятельный комментарий С. А. Аннинского: *Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях*. С. 253. Прим. 181. Первым сообщал о верховном жреце Криве у пруссов и о месте его проживания под названием Ромов историограф Тевтонского ордена Петр из Дусбурга в «Хронике земли Прусской» (*Chronicon terrae Prussiae*), написанной в 20–30 гг. XIV в. См.: *Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. III.5 / Изд. подг. В. И. Матузова. М., 1997. С. 51, 52. См. также комментарий издателя: Там же. С. 276.*

Наконец, и последний эпизод в подборке материала о Московии Боэмуса представляет собой сокращенный пересказ сообщения Матвея Меховского, у которого, впрочем, подчеркнуто, что изображенный обычай характерен также для Литвы и Татарии¹. Речь идет о продаже, подобно скоту (*ut resoga*), не только рабов (надо думать, в Литве и Московии – холопов), но также своих детей и самих себя, причем покупатели вправе увести их так далеко, как захотят, – и это только ради того, чтобы иметь в достатке пропитание, пусть и самое грубое.

* * *

Невозможно объяснить, почему, посвящая более трети текста главы «О Ливонии, Пруссии и рыцарях Девы Марии» описанию Московии, Боэбус даже не вынес ее имя в приведенное заглавие. И можно только гадать, по какой причине два фрагмента, взятых из разных источников – Сабеллико и Матвея Меховского, – но посвященных одному предмету, Московской Руси, или Московии, Боэбус подает отдельно, в разных частях своего труда и по-разному. Похоже, один фрагмент, в основе которого сочинение Сабеллико, представляет собой более ранний этап работы, когда Боэбус, замыслив свое произведение, из нужных ему источников брал, почти не вторгаясь в их текст, целыми кусками; другой фрагмент – это сокращенный, пересказанный своими словами и переработанный по собственному усмотрению отрывок из только что вышедшего (1517, 1518 гг.), еще «свежего» трактата Матвея Меховского, который Боэбус торопился использовать для готовящейся к печати его книги.

Боэбус, конечно, был мало оригинальным писателем Руси, ничего принципиально нового к сведениям о ней тех авторов, на которых он опирался, – а это Пий II, Матвей Меховский и Сабеллико – он не добавил. Но вышло так, что в большей мере благодаря публикации Боэмуса, чем их трудам, сообщенные им данные о Руси стали известны европейцам XVI в. Ощутимое

¹ *Mathias de Miechow*. Op. cit. II.1.3. С. 112, 188.

влияние Боэмус оказал на последующую космографическую мысль, у него широко заимствовали такие ее представители, как Себастьян Франк, Вилибальд Пиркгеймер, Себастьян Мюнстер¹.

**ON THE MARGINS OF PROGRESS:
RUSSIAN LANDS AS DESCRIBED BY JOHANN BOEMUS**

Oleg F. Kudryavtsev

The paper is devoted to the description of Russia/Muscovy in the work of German humanist Johann Boemus "Omnium gentium mores, leges, et ritus" published in Augsburg in 1520. It is shown that Boemus was not original in his narrative about Russia but wholly depended on his predecessors – the Renaissance cosmographers Pius II, Sabellicus, Mathias de Miechow. Nevertheless, it is the Boemus' treatise that had a strong influence upon the subsequent European authors who wrote about Eastern Europe.

Key words: Renaissance, humanism, l'image d'autre, cosmography, ethnography, Muscovy, Russia, Johann Boemus, Sabellicus, Mathias de Miechow.

¹ См.: *Mund St.* Op. cit. P. 396, 419.

Н. И. Девятайкина
(Москва)

М. С. КОРЕЛИН: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕНЕССАНСА И ЕГО ИСТОРИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРАРКИ)

Автор статьи исследует вклад русского историка рубежа XIX–XX вв. М. С. Корелина в изучение проблем итальянского Ренессанса XIV–XV вв. и его европейской историографии. Анализ показывает, что русский автор критически оценивал достижения этой историографии. Сам он предложил системный метод исследования трудов гуманистов, шагнул далеко вперед в изучении латинских сочинении Петрарки, его выводы имеют большую ценность и для современной науки.

Ключевые слова: М. С. Корелин, «русская историческая школа», Ренессанс, гуманизм, историография, Петрарка.

Отечественные историографы и специалисты по истории науки ставили и продолжают ставить имя М. С. Корелина в первом ряду представителей «русской исторической школы», рамки существования которой обозначаются 1870–1917 гг. (Е. В. Гутнова, Г. П. Мягков, Т. Н. Скворцова, А. К. Матюков и др.)¹. В середине 1980-х гг. вышло единственное, насколько можно судить, монографическое исследование, посвященное проблемам исторической теории в трудах ученого (Б. Д. Сафронов)². Исследователь расценивает творчество М. С. Корелина как связующее звено между гегельянством Герье и позитивистами, ука-

© Девятайкина Н. И., 2017.

¹ Обращаем особое внимание на фундаментальную работу Г. П. Мягкова, который обозначил ключевые проблемы изучения научных школ, к ведущей из которых и относит М. С. Корелина. См.: Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

² Сафронов Б. Д. Вопросы исторической теории в трудах М. С. Корелина. М., 1984.

зывая на подходы экономического материализма как главный объект его критики.

Обстоятельный научный очерк принадлежит перу О. В. Тихомировой, которая добавляет новых красок в оценки и характеристики творчества М. С. Корелина, адресуясь к контексту эпохи, полагая, что историк стоит несколько особняком, опережает время: в частности, обращением к междисциплинарным подходам; главным для него самого, по мнению автора очерка, становится историко-культурный подход¹. Автор использует и некоторые архивные материалы, но делает это только ради уточнения биографических моментов. Это «поле» в исследовательском плане тоже пока почти не возделано, хотя в литературе называются фонды разных архивов и библиотек, где хранятся многие рукописи, дневниковые записи, письма М. Н. Корелина и его жены².

Основательные суждения общего характера по поводу трудов и концепции М. С. Корелина высказывают авторы почти каждой диссертации или монографии, посвященной итальянскому Ренессансу (Н. В. Ревякина, Л. М. Брагина, А. Х. Горфункель, Р. И. Хлодовский, О. Ф. Кудрявцев, И. А. Краснова, а также их ученики)³. Были случаи обратиться к его творчеству и у автора данной статьи (1979, 1980, 1992 и т.д.). Иными словами, уровень внимания к наследию ученого не снижается, но при этом его рассмотрение с обозначенных выше точек зрения пока не стало специальной темой.

¹ Тихомирова О. В. Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и средние века. М., 2004. С. 513–531.

² Указываются следующие места хранения рукописей: ЦИАМ, ф. 2202, оп. 1–5, 199 ед. хр., 1850-е – 1931; ОР РГБ, ф. 70. карт. 45. ед. хран. 14–17; ф. 178, в составе Музейного собрания, 1000 лл., 1870 – 1890-е; НБ МГУ, 8 карт., 1850 – 1890-е гг.

³ Первым о месте в творчестве М. С. Корелина ренессансных проблем начал писать в свое время Н. И. Кареев. См.: *Кареев Н. И. Итальянский гуманизм и его новый исследователь // Вестник Европы, 1893. № 8; Кареев Н. И. М. С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. Вып. 5.*

В качестве историографических источников в статье привлечены труды М. С. Корелина по раннему итальянскому гуманизму. Численно они являются не самой большой частью из того, что ученый успел написать и опубликовать, но ни у кого не вызывает сомнений, что именно эти труды создали ему главную научную славу и что именно в них он сумел выразить свой творческий метод и талант во всей полноте. Напомним, что таких исследований (статей и книг) около двадцати, главное из них – диссертация (монография) «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (1892)¹. Эта книга получила премию митрополита Макария². До выхода монографии М. С. Корелин опубликовал несколько статей по ренессансной тематике, собранных позже в книгу (1896)³. Затем появляется на свет небольшая монография о миросозерцании Петрарки, опубликованная в выпусках журнала «Вопросы философии и психологии» (1897)⁴.

¹ См.: *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Вып. 1. М., 1892. 586 с.; *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Вып. 2. М., 1892. 590 с.

Ныне в ходу второе издание монографии (СПб, 1914), вышедшее в четырех небольших томах; обращаем внимание на характерные добавления к названиям: *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 1 / Вступ. ст. Н. И. Кареева; *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 2. Франческо Петрарка, его критики и биографы; *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 3. Джованни Боккаччо, его критики и биографы; *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 4. Современники, друзья, ученики и последователи первых гуманистов в XIV – и в первой четверти XV столетия.

² *Тихомирова О. В.* Указ. соч. С. 530.

³ См.: *Корелин М. С.* Очерки итальянского Возрождения. М., 1896. 372 с. (2-е изд. 1910).

⁴ См.: *Корелин М. С.* Очерки развития философской мысли в эпоху Возрождения. I. Миросозерцание Франческо Петрарки // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Год VIII, кн. 1 (36). С. 14–53; Год VIII, кн. 2 (37). С. 329–381.

Наконец, за год до ухода ученого из жизни появилась статья о Петрарке как политике¹.

В отдельных моментах мы обращались также к письмам М. С. Корелина к В. И. Герье (1837–1919), профессору Московского университета, его учителю и близкому старшему другу, знакомство с которым началось в 1876 году и продлилось до конца дней. Они позволили понять, как вызревали планы его главной работы и его критический историографический метод².

М. С. Корелин с самого начала рассматривал свою задачу как сугубо историческую. Задолго до создания главной монографии он начинает искать «свою тему». Из письма в письмо обсуждает с В. И. Герье, чем бы стоило заняться³. В 1881 г. М. С. Корелин пишет, что «начинает думать об изложении собственного понимания Возрождения» и загадывает себе «четверть века» для этого⁴. (Судьба, если отсчитывать от даты письма, отпустила ему меньше двадцати лет). Через четыре года, в 1885 г., перед началом своей большой стажировки в Европе, куда он, напомним, был направлен (1885–1887), для сбора материалов к диссертации, он уже четко уясняет для себя, что «гуманизм не изучен *исторически* как процесс, начало и конец которого неодинаковы»⁵.

¹ *Корелин М. С.* Петрарка как политик // Русская мысль. М., 1888. Год IX, кн. 7. С. 83–94; Год IX, кн. 8. С. 46–74.

² Письма М. С. Корелина В. И. Герье / Сост. Д. А. Цыганков. Письма выложены составителем в Интернете 11 октября 2007 г. Он вводит страничную нумерацию, на которую дальше пойдут ссылки. Он уже указывает, что публикуются письма из Отдела рукописей РГБ. Ф. 70. Карт. 45. Ед. хран. 14–17. URL: http://elib.org.ua/rushistory/ua_readme.php?archive=&id=1192095290&start_from=&subaction=showfull&ucat=18.

³ См. об этом специально: *Кирсанова Е. С.* Владимир Иванович Герье // Портреты историков. С. 318–319. Автор указывает, что В. И. Герье назвал поочередно пять тем, и Корелин поочередно же от них отказался, приводя вескую аргументацию.

⁴ Письма М. С. Корелина В. И. Герье. 27 июля 1881. С. 300.

⁵ Там же. 22 июля 1885. С. 338.

Молодой ученый убеждается в этом окончательно при сплошном изучении в библиотеках Германии, Италии, Франции и Англии европейской литературы, впечатления от которой подробно описывает В. И. Герье.

Что касается конкретной темы, то, судя по переписке, первоначально учитель и ученик остановились на Лоренцо Валле, но уже через несколько месяцев работы с литературой и источниками М. С. Корелин начинает понимать, что невозможно исторически подойти к уяснению взглядов этого гуманиста в «отрыве» от его предшественников. «Я хотел написать биографию Валлы, и увидел полную невозможность ограничиться первой половиной XV в. В силу этого надо проследить основные течения гуманизма от Петрарки до половины XV века»¹. Этой труднейшей задачей он и занимался, «выдав» за 5–6 лет поражающий воображение труд в тысячу двести страниц. Они, как известно всем ренессансистам, «населены» именами и трудами 270-и гуманистов и творческих личностей их круга. При этом значительную часть их сочинений и писем М. С. Корелин изучал в архивах, сделав попутно много открытий.

Итак, уже до начала создания своего главного труда, ученый обнаруживает очень критический и взыскательный взгляд на литературу («Почти все, что написано о Возрождении, мне не нравится, и это меня огорчает»²), четко определяет свою задачу как историк, полагает принципиально важным начать с уяснения основных течений гуманизма, т.е. начать с общих вопросов методологического и теоретического характера при одновременной опоре на произведения гуманистов.

Начало следования избранному подходу обнаруживается на первой же странице главного произведения – того тома, который посвящен Петрарке. Исследователь в очень выразительных и энергичных фразах излагает свой первый тезис: что гуманистическое движение выразилось преимущественно в произведе-

¹ Там же. 23 сентября 1886. Монтре. С. 359.

² Там же.

дениях философского, научного и литературного содержания¹. Поэтому сочинения гуманистов – *исторический* источник первостепенной важности. Обратим внимание: латинские тексты самого разного жанра, вышедшие из-под пера гуманистов, предлагается рассматривать *как единую группу источников*, которая в совокупности дает возможность уяснить мировосприятие, мирозерцание новой эпохи.

Такой подход, как признает сам М. С. Корелин, не согласуется с большинством устоявшихся к его времени оценок. Он имел в виду, что долгое время исследователи, по преимуществу *историки литературы или филологи* ставили на первое место *художественные* тексты, поэтические или прозаические, делая именно их меркой новизны позиции ренессансного автора. Это не кажется исследователю исторически продуктивным подходом. Обращаясь к творчеству Петрарки, он, конечно, признает его роль выдающегося национального поэта Италии, занимающего очень значимое место в истории всемирной литературы. Но и поэтические произведения предлагает промерять через их «историческое значение». При этом полагает, что «соединение в одном лице родоначальника культурного движения с крупным художником имеет невыгодные стороны: поэт затмевал мыслителя и нового человека»².

Иными словами, для историка было важно выявить, обнаружил ли себя у Петрарки новое мировоззрение, мирозерцание, как он предпочитает писать, не на уровне поэтического чувства, а на уровне сформировавшихся взглядов, а также стал ли он «новым» как человек? Пожалуй, именно тема «новизны» человека становится для М. С. Корелина самой важной и интересной, проходит сквозным вопросом всей монографии, так же как «сквозным» ренессансным автором его труда становится Петрарка. Понятие «новизны» ренессансного человека станет частью научного словаря т.е. круга основополагающих понятий, которыми М. С. Корелин оперировал как *историк* в своих тру-

¹ Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 2. Франческо Петрарка. С. 1.

² Там же.

дах по раннему ренессансному гуманизму, в первую очередь посвященных Петрарке, зачинателю движения.

В соответствии с заявленной иерархией источников – *филоσοфские-научные-литературные труды* – он начинает рассмотрение взглядов Петрарки с философских произведений, обращаясь к ним тоже в особом порядке. Укажем для контекста, что Петрарка оставил достаточно много латинских сочинений: семь больших трактатов: «Об уединенной жизни» (1346), «О благочестивом досуге» (1347), «Об истинной мудрости» (1347), «О средствах против превратностей судьбы» (1354–1366, далее – «О средствах»), «Моя тайна или о презрении к миру» (1353), «О достопамятных делах» (1337–1374) и «О знаменитых людях» (1338–1374), четыре инвективы (1352–1373), эпическую латинскую поэму «Африка» (1338–1374), путеводитель к Святым местам (1358) и около 600 писем (1326–1374).

М. С. Корелин относит к философским произведениям только первые четыре сочинения и на главное место выставляет трактат «О средствах». Ни до, ни после него никто, кроме его современника, американского исследователя У. Фиска, так не «расставлял» трактаты с точки зрения их важности для понимания Петрарки. Как правило, первое место отдавали и по-прежнему продолжают отдавать, особенно в общих трудах, автобиографическому сочинению «Моя тайна», за ней – трактату «Об уединенной жизни»¹. Только в самом конце XX – начале

¹ В России первым из полностью переведенных (уже после смерти М. С. Корелина, в 1915 г.) латинских трудов Петрарки становится «Моя тайна», хотя уже М. В. Ломоносов включал отдельные диалоги трактата «О средствах против превратностей судьбы» в программу занятий латинским языком. См.: *Петрарка Ф. Моя тайна, или книга бесед о презрении к миру* / Пер. с лат. М. О. Гершензона // Франческо Петрарка. Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты. М., 1974. С. 25–244. Автор предисловия традиционно пишет, что автобиографическая латинская проза Петрарки «подкрепляет» его итальянские сонеты. Иными словами, поэт и здесь «затмевает» в Петрарке гуманиста и мыслителя. Сам М.С. Корелин, кстати, отдавал должное сочинению, считая его важным для характеристики «настроений» Пет-

XXI в. исследователи вновь заговорили об особой содержательности и мировоззренческой весомости трактата «О средствах», чему способствовали в немалой мере его полные переводы (а это- 254 больших диалога в двух книгах) на европейские языки; среди лучших можно назвать фундаментальное двуязычное издание, подготовленное и осуществленное Кр. Карру в канун 700-летия со дня рождения гуманиста¹.

Значимость трактата в глазах М. С. Корелина позволяет рассмотреть его подходы прежде всего на примере его анализа данного произведения.

Начнем с того, что ученый не бросает ни один из своих тезисов без всестороннего обоснования. Так, в случае с трактатом «О средствах» он четко объясняет свои «предпочтения», заявляя, что для изучения Ренессанса наибольшую важность имеют произведения, в которых Петрарка «более или менее систематически излагает свои воззрения». Первое место между ними, на взгляд исследователя, «и по объему, и по значению занимают две книги «О средствах против всякой фортуны» (*De remediis utriusque fortunae libri duo*)². Историк несколько раз возвращается к формулировке тех оснований, по которым он выбрал трактат, углубляя и уточняя свою позицию: в нем изложено большинство взглядов автора; историческая цена сочинения в двойственности Петрарки, существовавшей в его мировоззрении, а эта двойственность очевидней всего в трактате; он вызвано интересом к жизни и обнаруживает большую наблюдательность; он важен как биографический источник; в нем отмечается необычайная внимательность ко всем, даже самым мелким, сторонам жизни и т.д.³

рарки, но при этом – «дополнением» к трактату «О средствах» и прилегающих к нему других «философских» сочинений.

¹ См.: *Rawski K. H. Petrarch's Remediis for Fortuna, Fair and Foul / A Modern Eng. Transl. Bloomington Ind. Univ. Press, 1991. Vol. 5; Petrarque F. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vols.1–2: 1167 p.; 803 p.*

² *Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 2. Франческо Петрарка. С. 3.*

³ Там же. С. 8–23 и др.

Важнейшая характерная черта исследовательского «почерка» ученого – любовь к источнику и всесторонняя адресация к нему. Он вводит в русский научный обиход огромный круг сведений о рукописях и инкунабулах трактата, к которым почти нечего добавить ныне. Он тщательно указывает места хранения манускриптов. Большую часть разысканий М. С. Корелин продельывает сам. У него, судя по одной из отсылок монографии, даже не было возможности свериться со знаменитой донные книгой названного выше У. Фиска (1888 г.)¹. М. С. Корелин отмечает лучшие рукописи трактата (в первую очередь – венецианскую. Правда, он не указывает на Санкт-Петербургскую, одну из четырех точно датированных для XIV столетия рукописей (1388 г.), которая была куплена Императорской публичной библиотекой у знаменитого коллекционера, графа Сухтелена, в 1836 году². Очевидно, историк не имел о ней сведений.

В рамках весьма сжатого изложения в монографии, где предпринимается анализ *всего* творческого наследия Петрарки, М. С. Корелин сумел упомянуть, сгруппировав по проблематике, процитировать, проанализировать почти все 254 диалога трактата «О средствах», обращаясь к некоторым дважды и трижды. При этом он предлагает довольно значительные по объему и превосходные по качеству перевода и языку фрагменты некоторых диалогов, дающие очень емкое представление о стилистике Петрарки и содержательной стороне текстов. Такие развернутые представления источников – тоже одна из характерных и постоянных черт его трудов (конечно, не только в случае рассмотрения трактата «О средствах»).

Он внимателен к содержанию трактата от первой до последней страницы, не упуская даже заметить, например, что Предисловие ко второй книге трактата гораздо интереснее, чем к первой.

¹ *Fiske W.* Petrarch's treatise "De remediis utriusque fortunae", text and versions. Firenze, 1888.

² См. о манускрипте: Итальянские гуманисты в собрании рукописей Государственной публичной библиотеки. Каталог / Сост. Е. В. Бернадская; науч. ред. А. Х. Горфункель. Л., 1981. С. 2–4; *Воронова Т., Стерлигов А.* Западноевропейская книжная миниатюра VIII–XVI вв. СПб., 1996. С. 252–253.

Как показывает специальное изучение их содержания, это так. Второе предисловие не только в два раза объемнее, но и тематически, а также концептуально богаче и позволяет понять многие замыслы и смыслы трактата, тогда как первое содержит в себе лишь разъяснения историографического плана и комментарии по поводу посвящения сочинения правителю Пармы Аццо Корреджо).

Кроме того, историк обращает особое внимание на «автобиографические» диалоги. Автор относит к ним два текста – «О разногласиях колеблющейся души» (I, 75) и «Об отвращении к жизни» (II, 98). Очевидно, этим он стремится особым образом аргументировать тезис о двойственности как постоянной черте мировоззрения гуманиста. Ведь исследователь, разворачивая на конкретном материале свою концепцию, видит ценность сочинения еще и в том, что оно содержит «указания на настроения автора», его положение «между двух миров»¹. Кстати, М. С. Корелин задал вопрос, до полного ответа на который пока так и не добрались исследователи: о степени «родства» трактата с сочинением римского папы Иннокентия III «О презрении к миру» (1198). Оно числилось в библиотеке гуманиста, им использовалось, хотя далеко не всегда в целях поисков дополнительных аргументов благочестивого характера, оно упоминалось исследователями, но подобной работы проведено не было.

Да и сама тема автобиографичности некоторых диалогов тоже еще не нашла своего осмысления; можно лишь добавить, что число таких текстов в трактате больше, чем увиделось М. С. Корелину, если подходить к их содержанию не только с точки зрения «настроения» автора, но и шире – всей его жизненной и творческой позиции. Впрочем, исследователь это имеет в виду, но только называет подобные диалоги «биографическими». От автобиографических они отличаются, видимо, тем, что ориентируют на общественную сторону «ипостаси» Петрарки.

Именно такие диалоги М. С. Корелин выбирает для включения переводов их фрагментов в исследование. Текстов оказы-

¹Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 2. Франческо Петрарка. С. 8.
142

вается шесть: «О свободе» (I, 14), «О рабстве» (II, 7), «О хорошем господине» (I, 85), «О захвате тиранической власти» (I, 95). «О несправедливом господине» (II, 34), «О потерянной тиранической власти» (II, 81). Встает важный вопрос: чисто ли академическими интересами руководствовался ученый, просяняя биографические тексты именно через данные диалоги? Не актуализирует ли историк тему выбором столь «горячих» вопросов? Не хотелось бы отвечать на него без основательных аргументов, заметим лишь, что О. В. Тихомирова уверенно пишет: обращаясь к прошлому, историк ищет ответа на вопросы, которые ставит перед ним настоящее – о личности, свободах, гражданской позиции и пр.¹ Оставим тему для специального рассмотрения, указав, что красноречивое перо М. С. Корелина уступает здесь место перу самого Петрарки и почти две страницы идет цитирование наиболее важных мест названных диалогов. В них доказываются преимущества «неспокойной» свободы перед спокойным рабством, но также и непрочность свободы, опасность превращения «государя» в «господина», но и неспособность демократической республики к власти. «Образ» трактата формируют у читателя именно эти диалоги; и на первом месте оказывается политическое и социальное равнодушие гуманиста. М. С. Корелин вернется именно к этой теме в своей последней статье, связанной с Петраркой.

В подходе М. С. Корелина к трактату «О средствах» главной интригой остается общая трактовка рассуждений гуманиста, которая предшествует заключениям историка о важности сочинения. Речь идет о содержании наставлений по тому или другому поводу, которые вкладываются в уста Разуму, аллегорическому персонажу, главному участнику диалогов. Их оценка выражена в монографии одной афористической фразой: «Предостережения Петрарки в большинстве случаев шаблонны, иногда противоречивы, часто вульгарны и почти всегда неубедительны»². «Нарастающая» сила суждения: «иногда»- «часто»- «поч-

¹ Тихомирова О. В. Указ. соч. С. 514.

² Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 2. Франческо Петрарка. С. 4.

ти всегда» очень похожа на стилистические приемы самого гуманиста, но при этом ставит в тупик, если не исследовать аргументации и концепции, которые заставляют самого историка вскоре очередной раз заявить, что «несмотря на все недостатки трактат имеет большую важность»¹.

Почему же? Потому что трактат дает ценные материалы для «характеристики настроения автора»², равно как и самая двойственность его позиции определяет, как уже отмечалось, высокую «историческую цену произведения». Иными словами, М. С. Корелину хотелось прежде всего рассмотреть за текстом живые движения души, сложные чувства рождающейся ренессансной личности, «биографию» и «автобиографию», пропускающие сквозь текст и подтекст, а не анализировать дидактическую составляющую в виде «предостережений», оцененную им столь невысоко.

Подводя некоторые итоги своему анализу, он пишет, что общую «характерную» черту всех произведений Петрарки составляет *индивидуализм*. В трактате «О средствах» он проявляется в «необыкновенном интересе к индивидуальной земной жизни, в чрезвычайной заботливости о земном счастье». Главный вывод историка звучит так: «Индивидуализм составляет первую и самую характерную черту литературной деятельности Петрарки и служит ключом к понятию его личности и исторического значения»³. Нетрудно припомнить, что самое понятие ввел за тридцать лет до этого Я. Буркхардт, на которого, кстати, историк ни разу не ссылается в монографии, очевидно, не принимая его толкования. М. С. Корелин наполняет понятие существенно иным содержанием, трактуя его как «появление у личности сознания важности и интереса своей внутренней жизни и стремление найти теоретическое оправдание для индивидуальных потребностей, осужденных аскетизмом»⁴. К этому определению «тянут» у М. С. Корелина многие другие понятия науч-

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 115.

ного словаря, связанные с Ренессансом: «культурно развившаяся личность», «психологические потребности культурно развившейся личности», «миросозерцание», «духовные потребности эпохи».

Именно это историк прежде всего стремился «рассмотреть» в трактате Петрарки, хотя и не смог до конца отказаться от анахронистических оценок, против которых предостерегал сам, рассуждая об «утешительной» составляющей диалогов и о многих других вопросах вне всестороннего учета языка культуры и понятий времени, явно с позиций интеллектуала конца XIX столетия.

Пожалуй, одной из самых сильных сторон научного творчества М. С. Корелина можно назвать историографическую и методологическую критичность. Она отчетливо проявляется уже в его переписке с В. И. Герье, где, как говорилось, в каждом письме дается развернутая оценка прочитанного. В уже цитированном в начале статьи письме из Монтре (1886), большом и очень интересном для понимания того, как формировался М. С. Корелин в качестве историка-ренессансиста, он признается: «Почти все, что написано о Возрождении, мне не нравится. И это меня огорчает... Я при разборе книг старательно выписываю их достоинства и в конце –концов «весьма недоволен»¹. Дальше он делится планами по поводу структуры исследования по Лоренцо Валле и ставит на первое место историографическое введение². Но в монографии о Петрарке, к которой логика исследования приводит его прежде труда о Лоренцо Валле, поступает иначе. Историк делает историографию сущностно встроенным в ткань всей книги компонентом, с одинаковой степенью тщательности относясь к трудам исследователей и текстам Петрарки. Более того, он возвращается во второй части монографии к «биографической литературе» и современной историографии, предпринимая ее систематический анализ от первых биографий гуманиста, созданных в XIV–XV вв., до самых свежих трудов конца XIX в. Получается, что историк решает в монографии

¹ Письма М. С. Корелина В. И. Герье. 23 сентября 1886. С. 359.

² Там же.

тройную задачу: цельное рассмотрение всех произведений Петрарки без исключения с *исторической* стороны, оценку выделенной в особый жанр *биографической* литературы с ее традицией в пять веков и анализ «новейшей» научной литературы о гуманисте.

Если ограничиться несколькими примерами рассматриваемой монографии и трактатом «О средствах» для раскрытия основных приемов историографического анализа М. С. Корелина, то прежде всего следует отметить сочетание проблемно-тематического подхода с хронологическим. На первой же странице монографии названы *библиографические* труды, посвященные Петрарке, которым дана краткая, но очень содержательная характеристика. Историк тем самым «вводит» в «проблему Петрарки» в целом¹.

Сразу после вводных замечаний он приступает к рассмотрению трактата «О средствах». Здесь его обращение к научной литературе прежде всего диктуется задачами характеристики трактата как источника. Он приводит в подстрочнике мнения авторов (Фракассетти, Фойгта, Кертинга, Гейгера) о времени составления трактата, указывает на противоречия в их суждениях и делает свое заключение, что «времени составления трактата с точностью определить нельзя»².

Затем начинается рассмотрение содержания сочинения, оценки позиции Петрарки и здесь историк главным образом излагает свою аргументацию и свои представления, лишь дважды обратив внимание читателя на суждения Кертинга.

Завершив свое рассуждение, историк обращается к «истории вопроса». Он имеет в виду труды не только философов, но и историков литературы, начинает с «самой ранней оценки», которую находит в «Истории философии» Булэ, в кратких, но вновь очень емких словах излагает его суждения, а затем комментирует их. Одни тезисы он называет «правильными», другие «слишком

¹ Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 2. Франческо Петрарка. С. 2.

² Там же. С. 3.

снисходительными и недостаточно определенными», с третьими не соглашается вовсе. (Главное – с тем утверждением, что Лаура играла важную роль в философии Петрарки. Историк возвращается к своему заключению, что «основное настроение диалогов обуславливается положением автора среди двух миров»¹). Относительно позиций историков литературы (Гаспари, Женгене, Сисмонди, Кирпичникова и др.) М. С. Корелин говорит в сноске, указывая, что большая их часть обходит трактат молчанием.

Специально историк останавливается на «современных исследователях» в лице Фойгта, Кертинга и Гаспари, излагает их аргументацию, сопоставляет точки зрения и дает затем столь же аргументированную критику. За аргументами историк вновь обращается к текстам трактата, тем самым обогащая и разворачивая свой анализ через полемику. Этому подходу историк останется верен и дальше, используя его при анализе историографии других произведений гуманиста.

Ко всем названным авторам и немалому числу других Петрарка обратится при анализе «биографической» литературы о Петрарке во второй части труда, и там их позиции будут оценены сквозь призму анализа всего наследия гуманиста. На многих страницах автор еще более нарастит критическую аргументацию, развернет сопоставления точек зрения, обобщит историографическую и методологическую оценку позиции каждого исследователя. Он выверит каждый из выводов через собственное прочтение и анализ произведений гуманиста, откуда будет свободно черпать все новые и новые доказательства.

Блестательный историографический раздел посвящен западным авторам, современникам историка, прежде всего их монографическим исследованиям. Очень содержателен и интересен по структуре общий вывод по «биографической» и «историографической» частям исследования. Отмечены общие результаты пяти (на время жизни М. С. Корелина) столетий биографического изучения: до середины XIX в. это «фактическое обогащение» (Де Сад, Блан, Бальделли); указаны также три

¹ Там же. С. 7–8.

важных «знака» научного «успеха» в отношении латинских сочинений гуманиста – «устранение» односторонней оценки Петрарки исключительно как итальянского поэта; «признание», что человек представляет главный предмет его интереса; «выяснение» общего характера его философии.

Что касается «исторической точки зрения» т. е. попыток исторического подхода к творчеству гуманиста, то «заслугу» этого начинания М. С. Корелин отдает Фойгту и Кертингу. Но они, по его мнению, только «констатировали» свою точку зрения, не показав ее «последовательного проявления в жизни и сочинениях первого гуманиста». Наш исследователь указывает и на «оппозицию» историков литературы в лице Мезьера, Де-Санктиса, Гаспари, Бартоли, которые «снова выдвинули на первый план «Книгу песен» при оценке Петрарки»¹. Это заключение, как мы бы могли заметить сегодня, словно еще раз актуализирует задачи, поставленные самим М. С. Корелиным. Он стремится наполнить «исторический подход» как раз всесторонним анализом текстов, ставя к ним те вопросы, которые позволяют понять новые «настроения» и индивидуальные стремления личности, ее новые культурные запросы, из совокупности которых, по мнению историка, и выросло гуманистическое движение. «Вытягивание» из всех латинских текстов Петрарки «биографических» данных позволяет М. С. Корелину указать на проявления нового в «жизни» гуманиста.

Актуализация играет роль не только обобщения. М. С. Корелин предлагает затем масштабный план дальнейшего изучения творчества и деятельности Петрарки для «будущего биографа», в котором обозначает около десяти больших проблем. Их можно разделить на четыре группы: гипотезы, нуждающиеся в обосновании, вопросы, остающиеся неизученными, темы, требующие более детального рассмотрения, систематического изложения, проблемы, вызывающие наиболее ожесточенные споры. Среди главных гипотез, которые предстоит обосно-

¹ Там же. С. 254.

вывать фактами – что гуманист брал только *подходящее* из античной литературы, а не рабски ей следовал, и что примирял заимствованное отсюда с христианством. По поводу того, что «до сих пор не сделано», – «реконструирование» миросозерцания Петрарки и его этической системы. К темам, требующим углубления, М. С. Корелин отнес «детальное объяснение научных интересов Петрарки, приемов и заслуг», в отношении нужды в «систематическом изложении» имел в виду его религиозные воззрения. К спорным проблемам историк отнес прежде всего трактовки политических стремлений первого гуманиста. Даже тому, кто не занимается специально историей гуманизма, очевидно, сколь масштабно видел М. С. Корелин проблему и сколь четко обозначил ее стержневые моменты.

И этим не исчерпываются научные «наказы» М. С. Корелина. Своего рода «сверхзадачами» он называет написание «*истории* внутренней жизни первого гуманиста», которое откроет дорогу выяснению «важного для истории Возрождения» вопроса, «от чего зависела поразительная популярность первого гуманиста».

После выхода монографии М. С. Корелина прошло 120 лет. Если отбросить суждения общего плана, то, «пробежавшись» по программе намеченной историком в отношении Петрарки и оценив ее в рамках отечественных исследований, можно увидеть, что и теперь российской науке работы остается едва ли не столько же, сколько обозначил историк. До сих пор далеко не до конца выяснено, с какими именно целями и за какими аргументами гуманист обращался к античной литературе, в чем примирял ее с христианством, а в чем нет. Попытки «реконструирования» миросозерцания Петрарки и его этической системы, конечно, много занимали философов, историков, историков литературы, культурологов (М. О. Гершензон, М. А. Гукровский, Р. И. Хлодовский, Н. В. Ревякина, С. М. Стам, Л. М. Баткин, Н. И. Девятайкина и др.), но они еще не привели к созданию цельной картины, о которой мечтал М. С. Корелин; подходы представителей разных отраслей науки ныне остаются столь же несхожими, как и в его времена. За «детальное объяснение на-

учных интересов Петрарки» пока специально не брался никто, равно как и за «систематическое изложение» его религиозных воззрений. Среди самых спорных проблем так и остаются политические взгляды и позиция первого гуманиста. Отсюда нерешенными оказываются и корелинские «сверхзадачи».

Сетования М. С. Корелина на то, что латинские сочинения Петрарки еще ждут своего полного издания, сегодня были бы гораздо менее справедливы, хотя пока так и не дождались научной публикации его «Старческие письма» и некоторые трактаты, в Италии, на его родине, – даже «О средствах». В России масштабная задача встает в связи с переводами латинского наследия Петрарки: пока пять из семи его главных сочинений не русский язык не переведены; интересующий нас трактат «О средствах» целиком переведен Л. М. Лукьяновой и опубликован (Саратов, 2016).

Подведем некоторые итоги. М. С. Корелин за пятнадцать лет своей научной деятельности, отданной проблемам раннего Ренессанса, повторил тот историографический путь, который исследователи Запада проделывали более ста пятидесяти лет. В своей фундаментальной монографии он превзошел западных авторов, введя в научный оборот многие десятки трудов гуманистов, открыв имена их авторов для ренессансистики.

От начала и до конца М. С. Корелин четко выдержал, а для русской науки, по сути дела, разработал заявленный подход: выявить *историческое* значение творчества Петрарки и под этим углом зрения оценить все, что сделано в европейской науке. Его общее заключение в монографии мощно «обрамляет» поставленную задачу: в нем сделаны четкие выводы, в чем же состоит именно историческое значение произведений Петрарки. То же самое можно сказать об исследовании творчества Боккаччо и еще десятков больших и малых гуманистов XIV – первой половины XV в.

К творчеству М. С. Корелина в полной мере можно применить общее наблюдение над особенностями развития дореволюционной исторической науки: он внес серьезный свой вклад в

разработку ее теоретико-методологической базы, значимость которого еще предстоит оценить во всей полноте. Но уже ныне, судя по статьям энциклопедии «Культура Возрождения» (2007, 2011) вновь востребованными оказывается многие компоненты его научного словаря: к гуманизму возвращается как наиболее устойчивое определение «движение», к взглядам его создателям его создателей – «миросозерцание».

Остается надеяться, что и миросозерцание самого историка тоже найдет своего внимательного исследователя.

**M. S. KORELIN: APPROACHES AND METHODS OF STUDYING
OF THE RENAISSANCE AND ITS HISTORIOGRAPHY
(on the example of Petrarch)**

Nina Iv. Devyataykina

The author of the article researches a contribution made by the Russian historian of the turn of the 19–20 centuries M. S. Korelin to studying the problems of the Italian Renaissance of 14–15 centuries and its European historiography. The analysis shows that the Russian author critically estimated achievements of this historiography. He offered a system method of research of works by humanists, evolved dramatically forward in studying Latin writings by Petrarch, his conclusions are of great value for modern science.

Key words: M. S. Korelin, "the Russian historical school", Renaissance, humanity, historiography, Petrarch.

ПЕРЕВОДЫ

КАССИОДОР

НАСТАВЛЕНИЯ В НАУКАХ БОЖЕСТВЕННЫХ И СВЕТСКИХ*

ФРАГМЕНТ I.27–33

Публикуемый в этом выпуске альманаха перевод отрывка из сочинения Флавия Кассиодора (ок. 485 – ок. 575) «Наставления в науках божественных и человеческих» представляет интерес прежде всего как свидетельство об одной из самых решительных для периода раннего западноевропейского Средневековья попыток адаптировать к церковному знанию интеллектуальный опыт, накопленный Античностью. Кассиодор, обращаясь со своими «Наставлениями» к монашеской братии Вивария, объясняет, зачем служителю Бога помимо Священного Писания, многочисленные комментарии на которые автор характеризует в первых главах сочинения, следует читать книги по грамматике и риторике, медицине и географии. Текст Кассиодора позволяет увидеть, какие именно книги хранились в Виварии, насколько трудно было книги отыскивать и какие усилия к этому прилагал сам Кассиодор.

Отрывок знакомит читателя также с самой обителью, которую Кассиодор сделал удобной для интеллектуальной работы и религиозного служения, снабдив ее внутренние помещения специальными светильниками, установив на улице водные и солнечные часы. Описание природных красот Вивария создает в сознании читателя образ монастыря как земного рая.

Перевод с латинского языка выполнен В. М. Тюленевым по изданию: *Cassiodori Senatoris Institutiones* / Ed. By R.A.B. Mynors. Oxford, 1963.

© Тюленев В. М., перевод на русский язык, предисловие, комментарии, 2017

* Перевод осуществлен при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и социальных наук РФФИ (проект № 16-06-00461а «Римская школа и античная образованность в Южной Галлии и Италии на рубеже V–VI вв.»).

XXVII. О схемах и дисциплинах

1. Мы посчитали, что уяснено должно быть также следующее: поскольку в священных текстах, как и в учнейших толкованиях [к ним] мы можем многое понять через иносказания, многое через определения (*per definitiones*), многое через искусство грамматики, многое через искусство риторики, многое через диалектику, многое через дисциплину арифметику, многое через музыку, многое через дисциплину геометрию, многое через астрономию, то уместно в следующей книге затронуть наставления светских учителей, то есть искусства и дисциплины с их разделами. Ибо необходимо, чтобы и те, кто уже освоили эти [искусства], получили краткое напоминание [о них], и те, кто, возможно, не в состоянии были много читать, узнали кое-что из них благодаря [нашему] краткому обзору. Ибо нет сомнений, что знание этих предметов (как это и нашим Отцам виделось) весьма полезно и нельзя его избегать, ибо вы видите, как это знание разлито повсюду в священных книгах, словно в источнике всеобщей и совершенной мудрости. Ведь коль скоро эти науки там получили приложение и отражение, они всячески помогают нашему уму понимать [написанное в Писаниях].

2. Стало быть, мы займемся изучением трудов древних [авторов], чтобы то, что они пространно изложили во множестве кодексов, собрать и, как уже было сказано, весьма кратко передать во втором томе. И то, что они сочиняли ради упражнений в остроумии, мы с похвальным благочестием повторим ради упорочения истины, ибо то, что взято оттуда украдкой, может быть с чистой совестью отдано во служение для верного понимания. Хотя, как я полагаю, это дело необходимое, все же, если говорить серьезно, весьма трудное: решиться в двух книгах охватить богатейшие источники наук божественных и человеческих. По этому поводу уместно произнести такие стихи Седулия:

*Просьба моя велика, но ты ведь великое даришь:
Те унижают себя, у кого остывает надежда¹.*

¹ Седулий. Пасхальное стихотворение. I.349–350. Пер. М. Е. Грабарь-Пассек.

XXVIII. Что следует прочесть тем, кто не в состоянии проникнуть вглубь умозрительных сочинений

1. Если же простота некоторых братьев не позволит им постичь то, что собрано в следующей книге, ибо всякая краткость туманна, то им достаточно будет изучить в целом разделение тех наук, их пользу и достоинства, чтобы они с большим пылом устремлялись к постижению Божественного Закона. В самом деле, пусть они посредством различных святых отцов узнают, где они смогут унять обильнейшей пищей свой голод. Лишь бы у них была искренняя тяга к чтению и стойкое стремление разобраться [во всем]. Тогда спасительное усердие сделает учеными [даже] тех, кого вначале напугал глубокий смысл книг, которые следует прочесть.

2. Все-таки нам домлжно понимать, что знание находится не только в науках: совершенную мудрость дарует Бог каждому особо, как Ему угодно (ср. 1 Кор. 12:11). Ибо если бы знание о благих вещах было бы заключено только в науках, то не смогли бы обрести истинную мудрость те, кто не знает наук. Но поскольку многие неграмотные достигают верного понимания и по вдохновению свыше обретают правильную веру, то, несомненно, Бог дарует чистым и благочестивым умам то, что считает для них полезным. Ибо написано: *Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим* (Пс. 93:12). Поэтому нам следует, ведя себя благочестиво и истово молясь, стремиться к тому, чтобы мы с Господней поддержкой достигли правильной веры и вершили святые дела, в чем заключена наша вечная жизнь. Ибо мы читаем: *Если Господь не созидает дом, напрасно трудятся строящие его* (Пс. 126:1).

3. В самом деле, святейшие Отцы не стоят на том, что надо отвергать изучение светских наук, поскольку в немалой степени наше разумение именно через них приходит к постижению Святых Писаний. Но если, при содействии божественной благодати, мы ищем знание этих вопросов серьезно и с благоразумием, то надежду на преуспевание наше нам следует возлагать не на эти [светские науки], но, постигнув их, полезную и спасительную мудрость мы должны обрести от Отца светов (ср. Иак. 1:17). Ибо сколько философов, преданных только этим [мир-

ским наукам], не смогли прийти к источнику мудрости и, лишённые истинного света, были погружены в слепоту неведения! Ведь, как кто-то [однажды] сказал, никогда нельзя найти то, что ищут не там, где это находится.

4. Опять же многие наши Отцы, просвещённые в этих науках и пребывающие в законе Господа, достигли истинной мудрости, как упомянул блаженный Августин в книге «О христианской науке», сказав: «Разве мы не видели, украшенный каким количеством золота, серебра и одежд вышел из Египта Киприан, сладостный учитель и блаженнейший мученик? Каким – Лактанций, Викторин, Опат, Иларий?»¹. Мы прибавим к ним Амвросия и самого Августина, а также Иеронима и многих других «бесчисленных греков». Таким же был «вернейший слуга Божий Моисей, о котором написано, что он постиг всю мудрость египтян»². Давайте же в подражание им (пусть и осторожно, но обязательно), поспешим, если сможем, к изучению и той и другой науки, – ибо кто дерзнет поколебаться, имея многочисленные примеры такого рода мужей? Ведь мы вполне сознаем, что (как уже неоднократно было сказано) истинную веру и мудрость может даровать только Господь, как изречено в Книге Премудрости [Иисуса, сына Сирахова]: *Всякая премудрость – от Господа Бога, и с Ним пребывает вовек* (Сир. 1:1).

5. Поэтому-то со всем упорством, со всем старанием, со всем желанием давайте стремиться к тому, чтобы удостоиться, по щедрости Господа, достичь такого дара. Ибо он является для нас спасительным, полезным, славным, непреходящим, лишиться которого не сможет нас ни смерть, ни изменчивость, ни забвение, но позволит нам в той сладостной отчизне вечно делить радость Господом. Если же кому-то из братьев, по словам Вергилия, *воспрепятствует кровь, уже сердца не грея*³, так что он не сможет вполне изучить ни человеческих, ни божественных наук и тем не менее обладает хотя бы какими-то знаниями, пусть изберет то, что [предлагает] следующий стих:

*Пусть милы мне будут поля, текущие реки в долинах*⁴,

¹ Aug. De doctr. Christ. II.61.

² Ibid. Ср. также: Деян. 7:22.

³ Вергилий. Георгики. II.484. Пер. С. Шервинского.

⁴ Вергилий. Георгики. II.485.

ибо выращивать сады – не чуждо монахам, как и возделывать поля и радоваться обилию урожая. Ибо мы читаем в 127 псалме: *Ты будешь есть от трудов своих; блажен ты и благо тебе!* (Пс. 127:2).

6. Если подыскивать авторов, [говоривших] об этом, то весьма красиво написал о садах Гаргилий Марциал¹, который также подробно рассказал об удобрении для овощей и об их свойствах, так что всякий, читая его комментарии, с Господней помощью сможет и пропитать себя, и сохранить здоровье. Я оставил вам это [сочинение] в числе других кодексов. Равным образом о возделывании полей, разведении пчел, голубей, а также рыб в числе [других] достойных уважения авторов писали Колумелла² и Эмилиан³. Колумелла, красноречивый и изысканный писатель, в 16 книгах разобрал различные виды сельского хозяйства; он подходит скорее людям сведущим, нежели неискушенным: те, кто углубятся в этот труд, отведают не только обычную пищу, но и изысканные кушанья. Эмилиан же, красноречивейший толкователь, в 12 книгах весьма ясно и толково написал о садах и домашних животных, я с Господней помощью оставил это [сочинение] вам среди других [книг], которые следует прочесть.

7. Эти [вопросы], хотя и касаются путешественников и хворающих и кажутся земными, все же оказываются небесными. Ибо сколь хорошо, если ослабевшие будут восстанавливать силы сладкими фруктами, или вкушать молодых голубей, или насыщаться рыбой, или радовать себя сладостью меда! Ведь поскольку Господь предписывал, чтобы во имя Его был напоен один из малых холодной водой (ср. Мф. 10:42), то сколь приятнее было бы давать сладчайшую пищу различного рода нуж-

¹ Квинт Гаргилий Марциал – римский писатель III в., его сочинения либо не сохранились вообще, либо (как сочинение «О садах») дошли в отрывках.

² Луций Юний Модест Колумелла – римский писатель I в. н. э., автор трактата «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*), который полностью сохранился.

³ Рутилий Тавр Эмилиан Палладий – римский писатель рубежа IV–V в., автор сочинения «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*). Сочинение делится на 14, а не 12 книг. Сохранилось до наших дней.

дающимся, за что вы сможете сторицей получить награду на [страшном] суде! Не следует пренебрегать ничем, откуда может прийти польза человеку.

XXIX. Об установлении Виварийского или Каstellенского монастыря

1. Поэтому-то и зовет вас местность, где лежит монастырь Виварий, чтобы приготовить там многое из того, что необходимо для приема путников и нуждающихся: ибо есть там для вас орошаемые сады и текущая поблизости богатая рыбой река Пеллена, которая не отличается ни бурным течением, ни мелководьем. Она течет, усмиренная для вас посредством искусства: всюду, где это кажется необходимым, принося достаточное [количество воды] для ваших садов и мельниц. Ибо, когда требуется, она дает воду, и отступает, когда исчезает в ней нужда. Таким образом, она благочестиво несет свое служение, не пугая своей стремительностью, и не может отказать в помощи, когда в ней есть нужда. Также неподалеку от вас раскинулось море, так что можно заниматься различного рода рыбной ловлей и при желании пойманную рыбу можно пускать в садки. Ибо мы устроили там с Господней помощью прекрасные водохранилища, где под надежной защитой плавают множество рыб. Они так похожи на прибрежные гроты, что рыба вовсе не чувствует себя в неволе: она может добывать себе корм и прятаться в привычных для себя укрытиях. Мы повелели также устроить там купальни, полезные для лечения телесных болезней, туда свободно втекает вода из прозрачных источников, пригодная и для питья, и для купания. В результате, в ваш монастырь скорее будут стремиться посторонние, нежели вы будете искренне жаждать других мест. Впрочем, это, как вы знаете, является усладой сущей жизни, а не грядущей надеждой для верующих. Это пройдет, а то пребудет без конца. Но, живя здесь, мы скорее начнем стремиться к тому, что позволит нам царствовать вместе с Христом.

2. Внимательно читайте и с охотой слушайте пресвитера Кассиана, который написал наставления для верных монахов. Он говорит, что в самом начале святого предприятия следует избегать восемь кардинальных грехов. Он настолько хорошо вскрывает вредоносные порывы души, что заставляет человека точно видеть и избегать проявлений своих страстей, которых

тот, объятый, словно туманом, прежде не замечал. Он тем не менее вполне справедливо обвинен блаженным Проспером [за учение] о свободной воле, поэтому мы предупреждаем, что вы должны его читать с осторожностью ввиду его отступлений в подобных вопросах. Виктор Маттаританский¹, африканский епископ, с Господней помощью так очистил сказанное им и добавил недостающее, что заслужил похвалу за это. Мы считаем, что нам следует срочно заняться поисками его [работы] среди других трудов в областях Африки. Однако вы, дражайшие братья, с Божией помощью, выбирайте те части [произведения Кассиана], за которые его действительно следует похвалить.

3. Если же в монастыре Вивария (как надо полагать) надлежащим образом вас с помощью божественной благодати наставит обычай киновитов, и случится так, что ваши очищенные души устремятся к чему-то более возвышенному, то в вашем распоряжении есть сокровенные места на горе Каstellе, где вы можете с Господней помощью счастливо жить, словно анакореты. Ведь там есть удаленные и похожие на пустыню места: как известно, они окружены древними стенами и плотно стиснуты ими. Поэтому вам, уже искушенным и испытанным, будет полезным избрать такую обитель, если в сердце своем вы почувствуете готовность к такому восхождению. Итак, читая [Отцов], вы поймете, какой из этих двух путей желателен для вас и какой вы способны вынести. Вполне достаточно, чтобы, ведя добродетельный образ жизни, тот, кто не в состоянии учить других словом, очевидно, учил их святостью нравов.

XXX. О переписчиках и замечание по поводу орфографии

1. Все же я признаю, что бы вы ни делали усердием ваших рук, я (пожалуй, небезосновательно) выше [всего прочего] ставлю работу переписчиков (*antiquariorum*)², если, конечно, они

¹ Кассиодор – единственный, кто упоминает этого африканского писателя.

² Мы переводим существительное *antiquarius* как «переписчик», что вполне, на наш взгляд, соответствует контексту, в котором употребляется это слово. Между тем, В. И. Уколова, говоря о Виварии, выделяет особо *скрипторов* (переписчиков рукописей), *либраниев* (биб-

пишут правильно. Ибо, перечитывая Божественные Писания, они во благо себе вооружают свой ум, а переписывая их, делают так, чтобы заповеди Господа стали надолго и широко известны. Это благое намерение, достойное похвалы рвение – проповедовать людям рукой, издавать звуки перстами, молчаливо дарить смертным спасение и с помощью калама¹ и чернил сражаться с коварными обманами диавола. Ибо сатане будет нанесено столько ран, сколько слов Господних напишет переписчик. Кроме того, сидя на одном месте, он благодаря распространению [результатов] его труда путешествует по разным провинциям; труд его читают в святых местах; люди слушают его, благодаря чему отвращаются от превратных желаний и с чистым сердцем посвящают себя Господу. Он [благодаря своей деятельности] продолжает трудиться отдельно от труда своего². Я не буду отрицать, что он может получить должное воздаяние за столькие благодеяния, если, конечно, в трудах своих будет движим не честолюбием, но искренним усердием. Человек умножает небесные слова и, если можно сказать, используя некоторое сравнение, тремя перстами пишется то, что произносит сила святой Троицы. О, славное зрелище для тех, кто хорошо видит! Проворно вода тростником, [копиисты] записывают небесные слова, чтобы той же [тростью], которой во время страстей диавол бил по голове Господа, сокрушить коварства [лукавого]. Также следует добавить к их славе то, что они, как кажется, некоторым образом подражают деянию Господа, Который закон Свой (пусть это и сказано образно), записал Своим всемогущим перстом. Хотя можно многое сказать о столь удивительном ис-

лиотекарей), *антиквариет* (хранителей рукописей). См.: Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1989. С. 122.

¹ Калам (*calamus*) – заостренная камышовая тростинка, используемая для писания чернилами. Каламом могла называться также заостренная деревянная палочка (см.: *Добиаш-Рождественская О. А. Техника книги в эпоху феодализма // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 97*).

² Кассиодор, говоря *operatur absens de opera suo*, подчеркивает, что переписчик, когда уже сделает свой труд, переписав текст, продолжает работать, поскольку рукопись, созданная им, несет благо людям.

кустве, однако достаточно будет сказать, что книжниками (*librarios*) именуют тех, кто служат [судным] весам (*librae*) и справедливости Господней.

2. Однако, чтобы писцы (*scriptores*) из-за искажения букв не примешивали к такого рода благу неверные слова, или чтобы неграмотный корректор научился исправить ошибки, необходимо прочитать древних авторов, писавших об орфографии, а именно Велія Лонга, Курция Валериана, Папириана, Адаманция Мартирия¹ о [буквах] **V** и **B**, а также его же [труд] о первых, средних и последних слогах и о букве **B**, которая ставится в имени трояким образом, кроме того – Евтихия о придыхании, а также Фоку о различии в родах. Я с заботой и старанием, насколько смог, собрал эти [труды]. И чтобы никого из вас не привела в смущение существующая туманность упомянутых кодексов (ибо из-за присутствия в них древних отклонений [от современной нормы] они по большей части лишены ясности), я приложил немалые усилия, чтобы, сделав выборку, дать вам правила в отдельной и специальной книге, которая называется «Об орфографии», и чтобы ум, освободившись от сомнений, обрел навыки вносить исправления. Мы узнали, что Диомед и Феоктист также писали что-то об этом искусстве. Если кто из вас найдет их, очистите их [от неточностей] и присоедините [к другим]. Возможно, вам удастся найти и другие [книги], посредством которых может возрасти ваше знание. Однако и те [труды], что уже упомянуты, если их перечестъ с особым вниманием, удалят от вас всякий мрак неведения, так что вы узнаете то, что до сих пор является для вас неизвестным.

3. Мы также добавили к ним [труды] ученых мужей, искусных в переплете кодексов, чтобы прелесть Священных Писаний облечь наружной красотой. Мы отчасти, пожалуй, подражаем при этом примеру из Господней притчи, где [царь] тех, кого счел достойными приглашения на трапезу, облек в брачную одежду во славу небесного пира². Из этих [трудов] мы, если я не ошибаюсь, подобающим образом собрали в одном кодексе

¹ Перечисленные Кассиодором в этой главе грамматики жили в период с II по VI в., их сочинения не сохранились, поэтому судить о них можно по таким кратким характеристикам, которые дает Кассиодор.

² Ср.: Мф. 22:2–10.

множество типов переплета, чтобы усердный [читатель] сам для себя мог выбрать форму покрытия [книги], какую предпочтет.

4. Мы подготовили также для ночных бдений механические светильники, поддерживающие огонь для освещения; они сами по себе дают пищу пламени и без помощи со стороны человека щедро дают обильное яркое свечение. В них не иссякает масло, хотя оно постоянно сжигается в горящем пламени.

5. Мы не допустили также того, чтобы вы совершенно не знали о мерах времени, которые, как известно, введены для великой пользы человеческому роду. Поэтому будет вас известно, что я приготовил для вас часы – одни, которые бы указывали [время по] свету солнца, другие же – водяные, которые постоянно, днем и ночью, указывают, который час, поскольку, как известно, в некоторые дни света солнца часто недостает, и вода удивительным образом на земле обозначает ту меру, которую сияющий жар солнца указывает сверху. И вот, человеческое искусство заставило те [силы], которые разделены природой, работать вместе. Течение времени устанавливается этими [часами] с такой точностью, что вам может подумать, будто существуют посредники [между солнцем и водой] для того, чтобы те и другие [часы] давали такие [одинаковые] показания. Итак, нашей заботой было то, чтобы воины Христовы, имея напоминание в виде точнейших указаний [часов], словно по звуку горна, получали призыв к дальнейшему усердию в божественных делах.

XXXI. О медиках

1. Но я, о славные братья, обращаюсь к вам также в связи с тем, что вы с особым вниманием относитесь к здоровью человеческого тела и несете долг праведного милосердия в отношении тех, кто ищет убежище в святых местах; к вам, скорбящим о чужих мучениях, печалющимся о заболевших, сострадающим боли тех, кого вы принимаете, и постоянно охваченным собственными терзаниями по поводу чужой скорби.

2. Ибо если вам окажется не ведомо красноречие греческих писаний [о медицине], вы, во-первых, имеете «Гербарий» Диоскорида, который с удивительным своеобразием рассмотрел и описал полевые травы. После этого прочтите Гиппократ и

Галена, переведенных на латинский язык, а именно «Терапевтики» Галена, написанные для философа Гавкона, и некое анонимное сочинение, которое, как признают, было собрано из [трудов] разных авторов. Затем – «О медицине» Целия Аврелия и «О болезнях и способах лечения» Гиппократата и другие сочинения по искусству исцеления, которые я с Божией помощью оставил вам сокрытыми в сокровищнице нашей библиотеки.

XXXII. Предупреждение для аввы и общины монахов

1. Итак, все, кого окружают стены монастыря, следуйте как правилам Отцов, так и заповедям собственного наставника, и с готовностью выполняйте то, что вам велят ради вашего блага, ибо существует великая награда за безропотное исполнение спасительных заповедей. Я молю вас, святейшие аввы Халкедоний и Геронтий, чтобы вы так всё устроили, чтобы исполнили вы свой долг и с помощью Господней привели собранное вами стадо к обретению блаженных даров. Так вот, прежде всего принимайте странников, давайте милостыню, одевайте нагого, разделяйте с голодным хлеб (ср. Ис. 58:7), ибо того, воистину, домлжно называть утешителем, кто утешает обездоленных.

2. Также наставляйте в добрых нравах крестьян (*rusticos*), которые принадлежат вашему монастырю; не отягощайте их бременем чрезмерных платежей, ибо сказано в Писании: *иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11:30). Пусть избегают они того, что признается свойственным для крестьян: краж и особенно поклонения рощам, пусть живут, имея невинные намерения, в простоте и счастье. Пусть станут они вторым чистейшим разрядом [монашеского] образа жизни. Пусть они почаще прибывают в святые монастыри и пусть при этом стыдятся именовать себя вашими [людьми], не сознавая себя [при этом] принадлежащими вашему сообществу. Пусть также знают, что Бог милостиво изольет изобилие на поля их, если они будут иметь обыкновение с верою призывать Его.

3. Итак, вам предоставлен в некотором роде собственный город с благочестивыми жителями: если вы будете проводить в нем с Господней помощью жизнь духовную и в единомыслии, то радость будет пребывать с вами уже в этом прообразе небесной родины. Отвергайте праздность, которая, как вам из-

вестно, ненавистна Господу. В вашем распоряжении есть основополагающие материалы Священных Писаний с комментариями к ним, которые – истинно цветущие поля, сладкие плоды небесного рая, откуда, с одной стороны, насыщаются во спасение свое [ваши] верные души, с другой стороны, язык ваш вооружается не тленным, но плодоносным красноречием. Поэтому без промедления проникайте в тайны Господни, чтобы суметь указать путь идущим следом, ибо весьма постыдным является иметь то, что ты должен прочесть, и не знать того, чему ты должен научиться.

4. И потому памятуя о грядущем блаженстве, постоянно читайте о жизни отцов, о страстях мучеников, которые вы без сомнения найдете в числе других посланий Иеронима, адресованных Хромацию и Гелиодору. Эти [сочинения] прославились по всему кругу земель, так что святое подражание этим [отцам и мученикам], если вы проявите его, приведет вас к царству небесному. Знайте, что венец дается не только за пролитую кровь или девственность плоти: но и все те, кто, по заповеди Божией, берут верх над пороками своего тела и кто искренне верят, получают пальму святого воздаяния. Но чтобы вам было легче, как было сказано, с Господней помощью преодолеть наслаждения мира, несущие смерть и греховные соблазны, и стать странниками в этом мире, как сказано о блаженных (ср. Евр. 11:13), поспешите к спасительному лекарству первого псалма, чтобы днями и ночами размышлять о законе Господа (Пс. 1:2). Тогда коварный враг не найдет себе места, когда весь дух займет Христос. В самом деле, отче Иероним красиво выразил это, изрекши: «Люби знание из Писаний, и не будешь [тогда] любить пороков от плоти»¹.

5. Скажите мне, благоразумные мужи, что может быть лучше, чем иметь благосклонным Того, чьего гнева мы не можем избежать? Ведь если голос глашатая упреждает появление префекта, если мы по грохоту колес его коляски знаем, что он едет, разве мы не оставляем все помыслы сердца, робея пред взором его и испытывая уважение? Бог производит гром на небесном своде, мечет из туч молнии, раз за разом сотрясет землю, и – о, ужас! – как не пугаться при этом присутствия Его, Кото-

¹ Hieron. Ep. 125 ad Rusricum.

рый, как известно, вездесущ и всемогущ? Поэтому давайте не будем верить, что Судьи нет и что мы не предстанем перед судом Его. Тот, кто мало грешит, пусть благодарит Его, ибо он не оказался лишен милосердия Господа и не погряз в пороках, Тот, кто грешит много, пусть непрестанно молит [Его о снисхождении]. Пусть не пользуется никто хитрыми оправданиями и ложными обетами. Давайте признаем свою вину, ибо мы, безусловно, грешны. Нет ничего глупее, чем иметь желание лгать тому, обмануть Кого никоим образом нельзя. В самом деле, прощение дается, только если спрашивают его с чистым сердцем. Нет худшего случая для милосердного Судии, чем тот, когда ответчик пренебрегает своим спасением.

6. Итак, помолимся же, любезнейшие братья, чтобы Он, коль скоро столь многое уже даровал человеческому роду, не отказался нести на руках своих заблудшую овцу, и чтобы, коль скоро через милость воплощения расторг цепи грехов, раскрыл тайны веры не ведающим их и [пока] чуждых им, пусть дарует крещение, пусть ниспошлет мученичество, пусть зовет к раздаче милостыни, пусть очистит нас, святым образом наставив в молитве, пусть заповедует нам прощать братьям прегрешения их, подобному тому, как и сам Он прощает долги наши (ср. Мф. 6:12), чтобы мы по ослаблении пут греха нашего смогли обращать грешника, чтобы с вящим усердием мы искали раскаяния, чтобы имели мы безмерную любовь к Богу и ближнему нашему.

7. Сверх того, милостивейший Искупитель даровал нам причастие Своего тела и крови, чтобы мы тем самым могли лучше понять доброту Творца, ибо этой милостью Он отпускает нам грехи, если, конечно, мы просим его с чистым сердцем. Пусть же дополнит Он дары Свои: просветит умы наши, очистит сердца наши, чтобы мы удостоились чистейшим сердцем постичь Священные Писания и благодаря пособничеству благодати Его исполнили Его заповеди.

XXXIII. Молитва

1. Даруй, Господи, преуспеяние читающим и отпущение всех грехов ищущим Закон Твой, чтобы мы, с огромной жаждой алчущие достигь света Писаний Твоих, не остались слепы, будучи охвачены мраком греха. Приведи нас к Себе силой всемогущей

ства Твоего. Не допусти, чтобы те, кого Ты драгоценной кровью искупил¹, по воле своей остались заблудшими, не попусти, чтоб померк в нас образ Твой, который всегда превосходит, если находится под Твоей защитой. Да не позволено будет ни диаволу, ни нам ниспровергнуть дары Твои, ибо всё, что ни пыталось бы противиться Тебе, немощно. Услышь нас, царь милосердный, не смотря на грехи наши, и удали их от нас, прежде чем, взвесив все, по справедливости сможешь осудить нас за них.

2. Почему наша неправедность губит нас? Почему грехи наши сражаются с нами, почему они хотят ниспровергнуть творение Твое, несмотря на то, что они не имеют твердой опоры²? Пусть скажет диавол, почему он с неумным желанием преследует нас? Неужели мы посоветовали ему, чтобы он возгордился перед Тобой, Господи, и отпал от блаженства, которым пользовался, когда обладал благодаря Тебе свидетельством такого достоинства? Да будет довольно ему того, что он погубил нас в Адаме: зачем нечестивый клеветник преследует нас посредством каждодневных уловок? И почему он стремится, чтобы (подобно тому, как тот [Адам] по вине своей отпал от благодати Твоей), мы также отделили себя от нее?

3. Окажи нам, Господи, милостивую помощь в виде Твоего покровительства против жесточайшего врага, и не допусти, благой Царь, чтобы слабость наша по собственной воле, как в случае с тем [Адамом], подпустила к нам кровожадного врага. Почему тот, который решился серьезно оскорбить Тебя, ходит вокруг нас, *как рыкающий лев* (1 Петр. 5:8)? Почему он стремится сожрать нас? Однажды мы в святом крещении отреклись от него, однажды мы поклялись в верности Тебе, Господи. Позволь нам под защитой Твоей оставаться такими, какими Ты даровал стать нам, высший Создатель, через [погружение в] воду возрождения. Да не узнаем мы, после того как стали принадлежать Тебе, другого господина. Мы были искуплены благодатью Твоей; да исполним мы теперь по благодати Твоей заповеди

¹ См.: Те Деум, 20.

² Буквально: «которые существуют без какой-либо твердости субстанции».

Твои. Если ты оставишь нас, то клеветник тот захватит нас. Не ведая ни усталости, ни стыда, он постоянно стоит рядом, видя прибыль свою в человеческом падении. Он проявляет ласковость, чтобы ввести в заблуждение. Он подстрекает, чтобы привести к смерти. Он особенно обманывает душу через тело наше, и посредством человеческих желаний так легко проникает [в душу], что этого почти нельзя упредить ни благодаря прозорливости, ни благодаря проницательности. Долго все перечислять. Кто сможет стать на пути его, если Ты, Господи, не решишь противоборствовать ему? Ведь на что способен в отношении нас тот, кто отважился искушать Тебя, пребывающего в нашей плоти, чиня лукавые козни? Услышь нас, о Защитник людей! Пусть снисходительность Твоя освободит нас от того, кто стремится увлечь нас в геенну. Ибо мы отказались разделить свою судьбу с ним, чтобы разделить ее с Тобой, Господи. Освободи творение Твое от того, кто его разрушает. Да не случится так, чтобы осудил других тот, кто сам осужден, но пусть он, спешащий все погубить, скорее погибнет сам со своими [поборниками].

4. Ну же, дражайшие братья, поспешайте к преуспеянию в Священных Писаний, ибо вы знаете, что я собрал для вас столько таких трудов, чтобы возросло ваше знание с помощью Господней благодати. Читая же их, воздавайте должное: удостойте меня непрестанных молитв перед Господом, ибо сказано в Писании: *Молитесь друг за друга, чтоб исцелиться* (Иак. 5:16). О, неизмеримое милосердие и могущество Создателя, сулящее общую пользу, если мы станем молиться друг за друга милосердному Господу!

ПЕТРАРКА ФРАНЧЕСКО ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА

ПИСЬМО 18

Публикуемое письмо – одно из самых ярких в знаменитом сборнике посланий Петрарки “*Sine nomine*”. Этот сборник имеет «культурное» происхождение: гуманист, по примеру античных авторов, во второй половине жизни пришел к мысли о формировании из своих многочисленных писем нескольких сборников. Первый гуманист назвал «О делах повседневных», туда-то и должны были войти будущие «Письма без адреса». Но по размышлению поэт понял, что их резкость может поставить под удар адресатов: до него доходили слухи, что отдельные послания (копии которых расходились с невероятной быстротой) попадали в руки тех, о ком были написаны, и они, узнавая себя, в злобе и бешенстве рвали бумагу в клочки. Естественно, злоба и преследование могли распространиться на автора, и, что было для него самое неприятное, на его корреспондентов. Тогда-то Петрарка решил, что лучше такие резкие письма-инвективы исключить из большого сборника.

Так сформировались «Письма без адреса», куда вошли 19 посланий; они написаны между 1342–1358 гг., т. е. по большей части во времена пребывания Петрарки за Альпами, между Авиньоном, ставшем временной папской столицей в те десятилетия, и Воклюзом, прославленным убежищем-уединением поэта, в 30 км от шумного церковного центра.

Главными «фигурантами» писем оказались представители авиньонского двора, духовные лица, вплоть до кардиналов и папы, которые вели, по сути дела, светскую жизнь, прекрасно и богато обустроенную в роскошных домах и дворцах. Петрарка, как ясно и из публикуемого послания, очень близко видел и знал жизнь папского двора и курии. Гуманист беспощадно критикует пап и их окружение за алчность, нравственную распущенность, лицемерие, положив письмами начало жанру гуманистической

© Лукьянова Л. М., перевод на русский язык, комментарии, 2017

© Девятайкина Н. И., вступительная статья, комментарии, 2017

инвективы. В публикуемом письме можно встретить «вставную новеллу» об одном из любвеобильных кардиналов, которая придает тексту дополнительную живость, благодаря «картинке», выставившей на всеобщее обозрение одну из примет жизни «закулисья».

Письма стали яркой составной частью латинского наследия Петрарки, которое ныне активно изучается (М. Фео, Дж. Велли, Э. Биджи, М. Сантагата, Ф. Рико, Ф. Бальдассера, О. Перотти, М. Ариани, Кр. Карро, К. Мадзукки, М. Бальо, М. Петолетти, А. Теста, Л. Паолино, Дж. Беллони, А. Буфано и др.). Особенно много сделал У. Дотти в своих комментариях к переводам и билингвальным изданиям «Писем без адреса» (латинский/итальянский язык, 1974, 2010), и ряде монографий и публикаций 1976–2013 гг. пристально всмотревшись в общественную позицию гуманиста.

В России о папстве с упоминанием писем Петрарки, но без их анализа можно найти некоторый материал в трудах М. А. Гуковского, С. Г. Лозинского; авторы первого тома «Католической энциклопедии» (2002) Н. Усков и В. Задворный ограничили самыми общими сведениями; за их рамки вышла только Е. Ю. Забавина в кандидатской диссертации о международной политике авиньонского папства (2007).

Надеемся, что публикация данного письма добавит интереса к теме и позволит составить более точное представление о позиции Петрарки. Будем надеяться также, что не заставит себя очень долго ждать и публикация полного перевода с латинского на русский язык всех 19 знаменитых публичных посланий-инвектив, некоторое время назад завершено Л. М. Лукьяновой.

Письма сборника не содержали имен адресатов и дат, Петрарка все убрал. Данное письмо, как выявлено учеными, было отправлено большому другу Петрарки Франческо Нелли, духовному лицу, состоявшему на службе в одной из флорентийских церквей (Святых апостолов), очень образованному человеку, разделявшему культурные вкусы и интересы поэта. Петрарка адресовал ему треть «Писем без адреса». В них, как и в данном послании, он с похвалой отзывался о горячем нраве Нелли, пламенном уме и благородных устремлениях. По делам Нелли

нередко случалось быть в Авиньоне. На одно из таких пребываний и выпало данное послание. Сам Петрарка в это время уже находился в Италии, перебравшись туда в 1353 году.

Письмо, по данным У. Дотти, написано в 1358 году.

Перевод с латинского языка выполнен Л. М. Лукьяновой по изданию: *Francesco Petrarca. Sine nomine: lettere polemiche e politiche* / A cura di U. Dotti, Roma, Laterza, 1974. P. 197–225.

Н. И. Девятайкина

<Текст письма>

Что же ты до сих пор пребываешь там?¹ Или ты не сам этого хочешь, но тебя схватили и держат там против воли? Полагаю, скорее всего, так оно и есть, и предпочитаю думать, что ты там по принуждению, а не из-за медлительности. Тебе не свойственно оцепенение, напротив, – горячий нрав, пламенный ум, благородное стремление. Но что, если препятствие сильнее, чем добродетель? Даже большая сила слабеет, если ей противостоит ещё большая: всё подчиняется необходимости. Она увлекла тебя в Вавилон², она удерживает тебя там. Это тягостно, но необходимо вынести – такова природа этого места. Там гибнет всё хорошее, и, прежде всего, свобода; затем по очереди покой, радость, надежда, вера, милосердие, душа – потери огромные³.

¹ «Там» – речь идет об Авиньоне.

² Вавилон – древнейший город, столица сначала Старо-Вавилонского, а затем Ново-Вавилонского царства, переживший несколько падений и возрождений, пока не был окончательно сметен с лица земли и засыпан песком. Со временем из-за нравственного упадка его обитателей и правителей вроде Валтасара название «Вавилон» стало синонимом всякого безнравственного города. В Апокалипсисе Вавилон назван великой блудницей (Откр. 18:2). Петрарка и в «Письмах без адреса», и во многих других посланиях, инвективах, и даже антипапских сонетах называет Вавилоном Авиньон.

³ Среди «потерь» в Авиньоне Петрарка называет утрату трех т.н. главных богословских добродетелей – надежды, веры, милосердия, что выглядит откровенным сарказмом по отношению к центру католичества и папскому двору.

Но в царстве алчности¹ ничто из этого ущербом не считается, там в полной сохранности только деньги. Надежда на будущую жизнь считается там вроде пустой басни; всё, что говорится относительно ада, – сказки; возрождение плоти, конец мира и Христос, грядущий для суда, – жалобные песни². Истина считается там безумием, воздержанность – признаком деревенщины, целомудрие – огромным позором; напротив, свобода совершать грехи – величием души и крайней раскованностью. И чем порочнее жизнь, тем она прекраснее, чем больше злодейств, тем больше славы. Доброе имя дешевле грязи, а продажное – в высшем почёте.

Тебе больше других была дана возможность получить представление о состоянии священного города³, и сегодня в этом письме ты прочтёшь о нём не больше, чем ты ежедневно читаешь на лицах тех людей, жизнь которых не может описать ни одно перо, ни один талант.

Итак, первой, как я сказал, там низвергнута свобода. Всякий, кто преступит тот порог, тотчас перестаёт быть самым собой; уже не разрешается ни сохранять спокойствие, ни отстраняться, но вертеться и до гибели изнурять себя ненужной работой. Немногих вырывает отсюда божественное милосердие при том условии, если они возлюбят Иерусалим и возненавидят Вавилон⁴. В противном случае я мог бы подумать, что и с тобой случилось то же самое, настолько, вижу, ты глубоко погружён и застрял в липкой грязи. С другой стороны, думаю, ты находишься там так долго не по своей воле и не по своему решению, но по необходимости и по воле судьбы. Охотно извиняю про-

¹ Петрарка упрекает здесь клир в одном из семи т.н. «смертных» грехов, (алчности).

² Петрарка перечисляет главные компоненты христианской «картины мира».

³ «Священный город» звучит явно саркастически, Авиньон по роли и пребыванию папы *должен быть* таковым, на деле все, в глазах Петрарке, наоборот.

⁴ Иерусалим как Святая Земля и одно из главных поименований Царствия Небесного в данном случае усиливает противопоставление истинного благочестия и авиньонской греховности и разврата.

медление, которое вызывало во мне сильную досаду. Ведь если в отъезде, возможно, и была какая-то твоя вина, то промедление, как бы то ни было, уже является не виной, но наказанием и искуплением вины.

Однако часто и в тюрьме можно многому выучиться, что же мешает и тебе чему-либо учиться в твоей тюрьме, чтобы непрестанно становиться учение и учение?¹ Некоторым вещам лучше всего обучаться от противного. Не случайно те, кто обучает математике, этим пользуются: если они видят, что ум ученика недостаточно восприимчив к истине, то имеют обыкновение предлагать ложное, и мысль ученика, противясь этому, приходит к истинному. И ты также имеешь обыкновение всегда обращаться к религии и достоинству; первое из них возвышает душу, стремящуюся к созерцанию Того, о Ком говорится в псалме: «Ищите Его лица всегда»²; а лик второго таков, что, если бы можно было увидеть его глазами, как говорит Платон, то он воспламенил бы душу удивительной любовью³.

Однако из-за этого нужно не меньше любить и то, что познаётся душой, и если ты полагаешь, что для познания того и другого тебе не достаёт главного, направь всё старание на противоположное, обрати туда свой слух, устремь взоры, напряги душу. Хочешь познать красоту Бога? Рассмотрим, сколь велико безобразие Его врагов; их не надо долго искать – они обитают в Вавилоне. Хочешь познать облик и красоту благородства? Понаблюдай, каково безобразие пороков, – их примеры у тебя перед глазами; куда бы ни глянул, тотчас увидишь. Из-за ненависти к этим порокам ты ещё больше можешь возлюбить и Бога, и добродетель.

¹ Идея о том, что человек должен непрестанно учиться и совершенствовать себя, одна из кардинальных в петрарковской гуманистической антропологии.

² Пс. 104:4: «Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда».

³ Платон. Федр 250d: «Зрению не дано видеть чью-либо разумность, иначе, если бы когда-нибудь нам явился зримый воочию образ её ли или другого свойства, достойного любви, то он вызвал бы в нас сильнейшую страсть» (перевод А. Егунова).

А ты, Вавилон, который мог бы стать наставником добродетели, радуйся! Радуйся, говорю, и хвались тем, что, будучи созданным для какой-то пользы, а ныне ставший врагом всего доброго и гостеприимцем всего злого, ты, худший из всего Вавилон, расположенный на диких берегах Родана, стал порочной и бесстыдной блудницей, предающейся разврату с земными царями!¹ Ты ведь и есть та самая блудница, которую духовным оком увидел святой Евангелист²; именно та, а не иная, говорю, сидящая на водах, окружённая либо буквально тремя реками³, либо скоплением вещей и преходящих людских богатств. Развращённая ими, ты беззаботно восседаешь, забыв о вечных ценностях, – то есть именно такая, какой тебя изобразил Евангелист. «Воды, на которых ты, блудница, сидишь, суть народы, и племена, и языки»⁴. Узнай свой облик: «И та блудница была облачена в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в своей руке, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия её»⁵. Узнаешь себя, Вавилон? В заблуждение, может, ввести только то, что на челе того Вавилона написано: «Вавилон великий», а ты Вавилон малый. Да, ты мал окружностью стен, но пороками и тщеславием, безмерной алчностью и скопищем всего дурного ты не просто велик, но самый величайший и беспредельный. И всё, что следует дальше, подходит к тебе одному, а не к кому иному: «Вавилон – мать разврата и гнусностей на земле»⁶, неблагочестивая родительница всего, что рождается наихудшего; всё отвратительное, что когда-либо и где-либо бывает на земле, всё самое развратное происходит от тебя; и поскольку ты рожает

¹ Петрарка везде в письме говорит о Вавилоне в женском роде, поскольку исторически этот город назывался «Вавилония». Поэтому Авиньон-Вавилон и называется *блудницей*, а земными *царями* – папы.

² Петрарка имеет в виду евангелиста Иоанна; в данном случае речь идет о его сочинении «Апокалипсис»; дальше автор письма цитирует несколько высказываний из этого текста.

³ Три реки: Родан (Рона), Сорга (Сорг) и Друенция.

⁴ Откр. 17:5.

⁵ Откр. 17:4.

⁶ Откр. 17:5.

ешь постоянно, утроба твоя всегда беременна, надута и полна подобных зол.

Если ты и это оставляешь без внимания, выслушай остальное. «И я увидел, – говорит евангелист, – женщину, пьяную от крови святых и от крови учеников Христа»¹. Что же ты молчишь? Или покажи другую, пьяную от этой крови, или, если можешь, докажи, что это вообще не ты. Ибо Откровение богослова и евангелиста, безусловно, истинно. Если он, увидев тебя духовным взором, был охвачен крайним удивлением, то каким же удивлением преисполняемся мы, видя тебя телесными очами. Из-за всех твоих распутств, от которых отведали все племена и земные цари, из-за всех гнусностей, что же можешь ты ожидать иного, нежели сказанного Иоанном: «Пал, пал Вавилон великий и сделался жилищем бесов»?² Что отсюда следует, известно. Ты и на самом деле уже стал таким. Поистине, ты стал жилищем и, мало того, даже царством демонов, которые, пусть и в человеческом обличье, управляют в тебе по своим правилам. Стоит ли говорить, насколько даже развращённый человек лучше демона неисправимого распутства!

Ты же, друг, послушай вместе с тем же апостолом другой голос, говорящий с неба: «Выйди от неё, народ мой, дабы не участвовать вам в грехах её и не принять от плетей её, ибо дошли грехи её до неба. И Господь вспомнил неправедность её»³. «Сколько она славилась и роскошествовала, столько ей воздайте мучений и горестей, ибо в сердце своём она говорит: «Я сижу царицей, и я не вдова и не увижу горестей. Зато в один день придут наказания её: смерть, и плач, и голод, и огнём она будет сожжена, потому что силён Бог, Который будет судить её»⁴. Выслушай это и все другие пророчества апостола в той же книге, выслушай и беги, если где-нибудь найдётся дорога, дабы при гибели виновных не погиб и ты, невинный, и дабы не придавили тебя обломки нечестия Вавилона, которым нет ни предела, ни

¹ Откр. 17:6.

² Откр. 18:2.

³ Откр. 17:4–5.

⁴ Откр. 17:7–8.

числа, ни меры, которые, в конце концов, невозможно даже окинуть взором.

Умолчу о наследстве Симона и о том последнем виде ереси, когда покупают дары Святого Духа¹. Умолчу о любостяжании, матери того зла, которое апостол назвал идолослужением². Умолчу о создателях той и другой пагубы и о посредниках, сбегающих в покои понтифика³. Умолчу о жестокости, забывшей о человечности, и о высокомерии⁴, не помнящем себя самого, а также о спесивцах, надутых пустым важничаньем. Умолчу, наконец, о тех чудовищах, каковых столь непостижимо долго может терпеть круг земель, как Энкелад терпел Этну, а Тифей – Энар⁵. Слишком печален и страшен рассказ об этих чудищах.

Поспешу перейти к смешному и одновременно вызывающему ненависть. У кого, спрошу, не вызовут и гнев, и смех те старые мальчики с седыми кудрями, в роскошных одеждах и с такими распущенными нравами, что к ним менее всего подходит сказанное Мароном: «Холоден старец в любви».

Эти старцы, наоборот, настолько пылки, настолько неистовы в любви, настолько забыли и о своём возрасте, и о своём положении, и о своих силах, так горят похотью, так рвутся ко всему позорному, словно вся их слава не в муках Христа, но в обжорстве и в пьянстве, и в том, что за этим следует – бесстыд-

¹ Имеется в виду Симон-Волхв, предлагавший апостолам деньги за то, чтобы они научили его «низводить святой дух на людей» (Деян. 7:9–24). По имени Симона тех, кто покупал церковные должности за деньги, стали называть симонитами.

² Ср.: «Итак умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение» (Кол. 3:5).

³ Петрарка часто называет папу понтификом, т.е. титулет как главного римского жреца.

⁴ Петрарка здесь называет еще один сметный грех, «мать» всех других грехов, гордыню.

⁵ Энкелад и Тифей, гиганты, восставшие против олимпийских богов; Энкелад был придавлен вулканом Этной, а Тифей – островом Энар.

ных постелях¹. Они тащат упирающуюся молодую женщину и, думая, что это единственная и последняя добыча старости, такое творят, на что и молодые не осмелились бы. Этими чувствами и этими силами наделил их, с одной стороны, Вакх, а с другой – влияние восточных вакханок².

О, лигурийские и кампанские лозы!³ О, сладкий тростник и чернеющие индийские деревья, выращенные для пользы людей и для пристойных наслаждений! Как вы стали использоваться и в какую опасность и бедствие для душ вы превращаетесь! Смотрит на это Сатана, смеясь и наслаждаясь соответствующей этому пляской, сидя арбитром среди дряхлых старцев и юных девиц, и изумляется тому, что они делают больше того, к чему он их склоняет. А сам между тем, чтобы они не уставали в этом, возбуждает старческие чресла и чужеземными мехами раздувает слепой огонь, отчего там и сям возникают безобразные пожары.

Уж не говорю о бесчестии, похищении, кровосмешении, прелюбодеяниях, – всё это игрушки для папской распущенности. Умолчу о мужьях, чьих жён похитили, а их самих изгоняют не только из родного угла, но и из пределов отечества, чтобы они и пикнуть не смели; наконец, и о том, что является самым тяжким из оскорблений: иные мужья получают назад обещанных и забрюхатевших от чужого семени жён, которых после родов вновь забирают насильно для удовлетворения похоти развратников. Всё это известно не мне одному, но и народу, даже если он и молчит; но хотя и молчит, возмущение становится уже большим, чем страх, и негодование начинает превосходить ужасную похоть. Словом, я пропускаю всё это. Сегодня я пред-

¹ Здесь, среди прочего, представители папского двора обвиняются Петраркой еще в двух смертных грехах – обжорстве и сладострастии. В результате авиньонские духовные лица оказываются погрязшими практически во все смертные грехи.

² Вакх – бог вина и виноградарства; здесь метонимически «вино»; вакханки – жрицы этого бога, их празднества отличались испуганным неистовством.

³ Итальянские области Лигурия и Кампания славились своими винами.

почитаю развеселить тебя, а не вызвать гнев. Ведь гнев, если не может мстить, обращается сам на себя и злит своего господина.

Итак, был некий старикашка из их числа, достойный упоминания во всех анналах. Похотливый, как козёл, и даже ещё похотливее, да ещё и более вонюч, чем козёл. Так вот он боялся спать в одиночестве, страшась то ли мышей, то ли привидений. Для него не было ничего неприятнее и ничего мучительнее воздержания. Каждый день он посещал новую «невесту» и постоянно путался в беспорядочных любовных связях, пока рот его не стал пустым, а возраст – полным; ему недавно исполнилось семьдесят лет, и едва ли он сохранил семь зубов. Был у него в услужении сводник, один из многих, не менее похотливый, чем его господин. Сети и ловушки этого сводника были расставлены на всех улицах, и особенно у домов бедняков. Сюда он притаскивал то деньги, то ленты, то перстеньки, потом льстивые речи, остатки от обеда – всякого рода приманки и со всяческой изворотливостью собирал женские души. Между прочим, сам он с воодушевлением пел – действительно был кантором из тех, кто переносит голос от алтаря на танцы и в публичные дома. Я знал этого человека, на него народ указывал пальцами. Подобными уловками он, как уверяли, отправил в пасть старого волка много добычи. Об этом ходят тысячи забавных историй. Как-то этот сводник многочисленными посулами заманил несчастную молодую девушку или жалкую блудницу, склонив её оказать услугу его господину, занимавшему высокое положение и имеющему большое влияние, но не привлекавшему ни красотой, ни возрастом.

Что долго расписывать? Тот поживает, а она, словно Психея у апулеева Луция¹, которая должна быть удостоена счастливого брака, подходит к ложу незнакомого мужчины. Дело известно: старец, не терпящий промедления, вскакивает и, схватив её за локти, целуя обвисшими губами и кусая беззубым ртом, с сопением намеревается овладеть новой «невестой». А та,

¹ Имеется в виду Психея, возлюбленная Амура, которую он навещал под покровом ночи, так что она не знала, кто он такой. См.: Апулей. *Метаморфозы*, VI, 5.

потрясённая внезапным оскорблением и напуганная изжелтабледным лицом дурно пахнущего старца, кричит, что она пришла к некоему великому выдающемуся прелату, а не к престарелому безобразному священнику; что, если он применит силу, она, сколько сможет, будет отбиваться руками и ногами, кричать и вопить и, пока жива, не потерпит насилия от столь отвратительного старца. Выкрикивая это, она громко рыдала. А он, зажимая нежные уста нечистой рукой и грубым слюнявым ртом, пытался приглушить жалобы и стоны и утешить несчастную несвязным бормотанием и нелепыми льстивыми словами (кроме прочего, он ещё и шепелявил, так что понять у него можно было немного). Когда ничего не помогло, выдающийся старец потащил её в секретарскую комнату и, схватив красную шапку, которая отличает кардиналов от прочих, натянул это своё отличие на лысую, седую голову и сказал: «Кардинал я, кардинал, не бойся, дочь моя!» Утешив только что плакавшую подружку своим видом и надеждой на великолепное будущее, он увлёк её в постель; и не Юнона покровительствовала этому ложу, а Тисифона и Мегера¹. Таким образом, весьма искушённый в делах Купидона, жрец Вакха и Венеры, не вооружённый, но одетый в тогу и кардинальскую шапочку, справил триумф своей любви. Рукоплещи: история закончена. Если ты знаешь этого человека, с удовольствием посмеёшься.

Подобных историй о нём и о других тысячи; некоторые из них не развлекательны, а постыдны, другие сверхъестественны и ужасны. Вот теперь и удивляйся таким пастырям и тому, что Христос благосклонно оказывает милости и народу своему, и государству.

¹ Юнона – у римлян покровительница брака; Тисифона и Мегера – в греческой мифологии богини мщения, постоянно пребывавшие в Эребе.

Письмо Жана Бодена своему племяннику по поводу образования своих детей

Письмо Жана Бодена (1529/1530–1596), знаменитого французского правоведа, историка, государственного деятеля, адресованное племяннику 9 ноября 1586 г. по случаю рождения сына, знакомит нас с его взглядами на гуманитарное образование детей. Текст письма сохранился в четырех рукописях в форме приложения к рукописному сочинению Бодена «Диалог семерых о скрытых тайнах возвышенных вещей»: две из них датируются началом XVII в., две другие – концом XVII в. Первое письмо было опубликовано Готшалком Эдуардом Гурауэром (1809–1854) в немецком издании «Диалога семерых» Жана Бодена в 1841 г.¹

Перевод выполнен Е. С. Кривушиной и И. В. Кривушиным по изданию: *Epistre de Jean Bodin touchant l'institution de ses Enfants a son neveu // Jean Bodin. Colloque entre sept scavans qui sont de differens sentimens: des secrets cachez, des choses relevees / Ed. F. Berriot. Genive, 1984. P. 585–587.*

<Текст письма>

Мой племянник, ваше письмо меня очень порадовало, и я получил большое удовольствие, узнав от вас новости. Что касается вашего сына, я был очень рад, что Бог благословил вас и вашу семью. Я убежден, что в ваших руках он непременно вырастет хорошо образованным и здоровым, с моей стороны я помогу вам, насколько могу, ибо я признателен вам за то, что вы проявляете добрые чувства к моим внучатым племянникам, что

© Кривушин И. В., Кривушина Е. С., перевод на русский язык, предисловие, комментарии, 2017

¹ *Epistre de Jean Bodin touchant l'institution de ses enfants a son neveu // Guhrauer G. E. Das Heptaplomeres des Jean Bodin. Berlin, 1841. P. 254–256.*

вы хотите учить их и просите меня рассказать вам, как я воспитываю своих.

Когда я вернулся из Англии¹, одному моему ребенку было три года, а другому четыре²; я сразу начал учить их, используя орехи и сливы, называть по-латыни все то, что они видят; поняв, что у них хорошие память и ум, я стал заставлять их произносить по-латыни слова, обозначающие ангелов, тьму, свет, мир (<добавляя>, сколько тому лет, т. е. 5534 года³), небо, <говорить>, сколько существует небес, сколько видимых звезд, сколько планет, как они движутся и каковы их имена, сколько есть элементов, <как называются> ветер, облака, дождь, снег, град, буря, молния, гром, туман, роса, горы, долины, поля, лес, пастбища, луга, ивняки, деревня, виноградники, сады, живорыбные садки, родники, ручьи, реки, моря, рыбы, птицы, звери, четвероногие животные, перечисляя большинство из них и некоторых самых известных птиц и рыб; затем города, селения, дома, части города, стены, улицы, храмы, колокольни, ступеньки, ворота: части дома от фундамента до крыши, мебель, одежда, и, наконец, человек и все его части от волос до кожи, как внутренние, так и наружные; пять чувств, шесть первых качеств: теплое, холодное, влажное, сухое, мягкое и твердое; шесть вкусов: сладкий, горький, кислый, терпкий, острый, соленый; общие запахи: приятный, благоухающий и зловонный; шесть простых цветов: черный, белый, зеленый, синий, желтый и красный⁴; шесть интервалов: терция, кварта, квинта, октава, децима,

¹ Речь идет о поездке Бодена в Англию в свите герцога Франсуа Алансонского в ноябре 1581 – феврале 1582 г.

² Младшего звали Жан, старшего – Эли.

³ Боден подробно разбирает вопрос о возрасте мира в Главе VIII своего «Метода», где он солидаризируется с точкой зрения Филона Александрийского.

⁴ Речь идет об изначальных цветах, являющихся неотъемлемыми свойствами первоначал (стихий). В античности и Средние века не существовало единой точки зрения по поводу количества «простых цветов». См.: *Kuehni R. G., Schwarz A. Color Ordered: A Survey of Color Systems from Antiquity to the Present. New York, 2008. P. 28–40.* Идею

квинтдецима¹; шесть совершенных тел: шар, пирамида, куб, октаэдр, додекаэдр, икосаэдр²; шесть простых металлов: золото, серебро, медь, олово, железо и свинец, ибо ртуть, которая не поддается ни плавке, ни ковке, не является металлом³; шесть природных движений: размножение, разложение, увеличение, сокращение, изменение и перемещение от одного места к другому; шесть⁴ местоположений: высоко, низко, впереди, позади,

шести «простых цветов» Боден заимствует, по всей видимости, у Леонардо да Винчи.

¹ Перечисляя совершенные консонанты (созвучия), Боден отталкивается не от античной и средневековой традиции, которая вслед за пифагорейцами считала таковыми только кварту, квинту, октаву и соответствующие составные интервалы, в том числе квинтдециму (двойную октаву). Он предстает, скорее, как сын своего века, когда к их числу начали добавлять терцию и, следовательно, дециму (терция через октаву). См.: *Gut G. La Notion de Consonance chez les Théoriciens du Moyen Age // Acta Musicologica. Vol. 48. 1976. № 1. P. 20–44.*

² Боден перечисляет пять «платоновых тел» (правильных многогранников), при этом ошибочно называя правильный тетраэдр «пирамидой». Каждая из четырех граней правильного тетраэдра, восьми граней правильного октаэдра и двадцать граней правильного икосаэдра представляет собой равносторонний треугольник, каждая из шести граней правильного гексаэдра (куба) – квадрат, каждая из двенадцати граней правильного додекаэдра – равносторонний пятиугольник.

³ Боден воспроизводит точку зрения немецкого гуманиста Рудольфа Агриколы (1443–1485) по поводу главных (чистых, простых) металлов, однако не соглашается с ним в том, что ртуть является металлом, и принимает точку зрения «химиков» (*Georgii Agricolae De natura fossilium // Georgii Agricolae De ortu et causis subterraneorum. De natura eorum quae effluunt ex terra. De natura fossilium. De veteribus et novis metallis. Bermannus, sive De re metallica Dialogus. Basilea, 1546. P. 186.*)

⁴ В Главе VI «Метода» он называет число шесть совершенным. Он вернется к этому числу в «Театре универсальной природы» (1596): «Что касается других вещей, природа которых не регулируется фазами Луны, то их существование обычно ограничивается почти всегда числом шесть... мы уже сказали, что многие животные завершают

направо, налево; добродетели и пороки, как умеренность, не-
умеренность, мужество, которое называют *fortitudo*¹, и трусость,
воздержание и невоздержанность, справедливость и несправед-
ливость², благоразумие и неблагоразумие, наслаждение и стра-
дание, страх и надежда и прочие пороки и прочие добродетели.
Все это постепенно запоминалось, и каждый день они повторяли
то, что усвоили до завтрака, то, о чем охотно говорили, потому
что это им нравилось, и не было дня, чтобы они не узнавали что-
нибудь новое; и очень скоро я стал приучать их самих задавать
друг другу вопросы, которым я их не обучил. Затем я заставлял

свою жизнь на шестом <году>. Впрочем, пчелы живут не только до
шести лет, но также, что удивительно, делают в своих ульях ячейки с
шестью углами, чудесным образом соразмерные; и даже нашли араб-
ские алмазы, которым природа, чудесно проявив себя, дала шесть гра-
ней, завершающихся с каждой стороны острием; равным образом, не
может быть в природе больше шести совершенных тел; существует
также шесть металлов, шесть запахов, шесть простых цветов, кроме
того, шесть свойств чувств, если мы учитываем разум... более того, то
же самое число шесть — единственное между чисел, которое является
совершенным» (*Le theatre de la nature universelle de Jean Bodin / Trad.
du latin en français par F. de Fougerolles. Lyon, 1597. P. 602*). Он повто-
рит эту мысль в «Диалоге семерых»: «Итак, избрали число шесть, по-
тому что оно кажется весьма распространенным в природе не только
из-за возраста многих животных, который ограничиваются этим чис-
лом, но потому, что во всей природе есть только шесть совершенных
тел, шесть простых цветов, шесть простых запахов, шесть тонов гар-
монии, шесть простых металлов, шесть различных местоположений,
шесть чувств, в том числе разум» (*Jean Bodin. Colloque entre sept
scavans... P. 2–3*).

¹ Речь идет о древнеримских авторах, прежде всего о Цицероне,
по определению которого мужество (*fortitudo*) «заключает в себе вели-
чие духа, а к смерти и страданию глубокое презрение» (*Cicero. De re
publica. V. 9; пер. В. О. Горенштейна: Цицерон. Диалоги. М., 1966.
С. 78*).

² Благоразумие, справедливость, умеренность и мужество счи-
тались, начиная с Платона (*Plat. Rep. 427e*), четырьмя главными доб-
родетелями.

их склонять существительные, потом спрягать глаголы, а после обеда тренировать почерк; и всегда во время обеда или перед камельком я говорил с ними по-латыни; благодаря этому они научились рассказывать по-латыни обо всем, что видели, и стали говорить на этом языке так же хорошо, как и по-французски; теперь они не испытывают трудностей ни в том и ни в другом.

Приучив их таким образом каждый день повторять то, что они узнали, я составил для них триста моральных изречений на французском и на латинском и каждый день даю им для запоминания по одному, теперь они знают уже 220, и я продолжу до 300: эти изречения в стихах и в прозе я взял у лучших авторов, они повторяют их каждый день, используя те же самые слова, но меняя падежи и глагольные формы, и чтобы научить их сочетаемости и согласованию, я им дал для заучивания такую фразу: *Ego cupio vehementer laudare opificem mundi optimum et potentissimum omnium pro dignitate* («Я страстно хочу восхвалять величайшего и всемогущего творца мира за его великолепие»), и я им показал, что здесь местоимение *ego* и глагол *cupio* согласуются между собой, что наречие *vehementer* связано с глаголом *cupio*, что *cupio laudare* – два глагола, где *laudare* – инфинитив, что *opificem optimum* – существительное и прилагательное, что *optimum* и *potentissimum* согласуются в одном и том же падеже, роде и числе; что *optimum* и *omnium* стоят в родительном падеже множественного числа и означают превосходную степень, а в выражении *pro dignitate* предлог *pro* требует творительного падежа. Так они узнают все предлоги и их управление. После обеда они изучают арифметику; вскоре я буду наставлять их в геометрии, которая более полезна и более занята; и после того, когда они запомнят 300 изречений, я им предложу читать Цицерона и переводить <его> с латинского на французский без заучивания текста; но я готовлю им 600 вопросов о красоте всей природы на латинском языке без французского. Я пришлю вам, как только смогу, эти моральные изречения; но я слишком загружен в суде, что наносит большой ущерб моим детям, тем бо-

лее что мой старший <сын>¹, <приставленный к ним>, знает не так много, как они, и если бы он умел хорошо писать и говорить по-латыни, это было бы большой подмогой для меня; ибо я заметил, что каждый октябрь, когда я вместе с советником парламента Виолем² занимался делами графа Горна³, они совсем не продвигались вперед. Самое верное средство сделать надежными их память и суждение, – это обучить их всем прекрасным вещам и по порядку. Таково мое мнение, которым вы можете воспользоваться. В ожидании момента, когда я могу послать вам эти моральные изречения, я буду молить Бога, чтобы он поддерживал вас в своей милости, а меня в вашей.

Лан, 9 ноября 1586 г.

Ваш любящий дядя и друг.

Жан Боден.

Комментарий

На первый взгляд это обычное послание, в котором Жан Боден делится с племянником своим опытом обучения детей латинскому языку⁴. Однако его пишет автор, уже сформулиро-

¹ Шовире переводит «mon garçon» как «клерк» (*Chauvirü R. Biographie de Boden // Chauvirü R. Jean Bodin, auteur de «La République».* Paris, 1914/1916. P. 92). Вероятно, речь идет о пасынке Бодена.

² Жак Виоль (1517–1584) – французский юрист; сеньор д’Эгрмон и Андрезель; советник Парижского парламента и член Палаты прошений с 1543 г.

³ Речь идет о земельных владениях Филиппа де Монморанси, графа Горна (1524–1568), который был казнен по приказу испанского короля Филиппа II и у которого не осталось наследников. Претензии на эти земли предъявил принц-епископ Льежа Герард де Гросбек, который в 1576 г. стал их опекуном. Полные владельческие права на них епископы Льежа приобрели в 1614 г.

⁴ См., напр., мнение Анри Бодрийяра: «Это письмо не обнаруживает ни замысла, ни претензии на формулировку плана обучения» (*Baudrillart H. J. L. Bodin et son temps: tableau des thïories politiques et des idïes йconomiques au seizième siacle.* Paris, 1853. P. 130).

вавший свою концепцию мира и истории в «Методe легкого познания истории» (1566) и «Шести книгах о государстве» (1576), получивших европейское признание, и поэтому перед нами не просто советы, а как бы краткая энциклопедия знаний о мире, статьи которой (здесь слова) расположены в таком порядке, что из них вырастает целостная система гуманитарного знания о вселенной человека и природы, данной во всем ее многообразии в формах, красках, звуках, движении. Задача учителя преподавать юным ученикам не отдельные языковые знаки и понятия, а помочь им увидеть неразрывную связь между вещами и явлениями, которые они обозначают. Отталкиваясь от сочетаемости частей речи, Боден учит сначала соединять их между собой, затем строить предложения, потом ставить вопросы и отвечать на них, после чего читать текст и толковать прочитанное. Члена по платоновскому принципу¹ мир на самые малые его элементы, он подводит их к постижению гармонии мира, созданной Богом, что и является для него конечной целью обучения. Недаром он предлагает для усвоения высказывание – «Я страстно хочу восхвалять величайшего и всемогущего творца мира за его великолепие», – заключающее в себе жизненное кредо одного из ярчайших представителей французского Возрождения.

¹ Принципу деления Боден посвящает главу II своего «Метода». У Платона Сократ говорит о способности «разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них; если он обнаруживает в каком-нибудь человеке такую способность, наряду со способностью обобщать, то «гоняется следом за ним по пятам, как за Богом» (*Plato. Phaedrus. 265e, 266b*; пер. А. Н. Егунова: *Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 176*).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безрогов Виталий Григорьевич – доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО (г. Москва);
bezrogov@mail.ru

Гвоздецкая Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; профессор Сретенской Духовной Семинарии (г. Москва);
ngvozd@yandex.com

Девятайкина Нина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры методики преподавания истории Московского государственного педагогического университета;
devyatay@yandex.ru

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь);
gorward_@mail.ru

Кривушин Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);
ivankrivushin@gmail.com

Кривушина Евгения Степановна – кандидат филологических наук, профессор (г. Москва);

Кудрявцев Олег Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (г. Москва);
demetr22@mail.ru

Лукьянова Лариса Михайловна – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского государственного университета;
marlar38@yandex.ru

Ненарокова Мария Равильевна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва);
maria.nenarokova@yandex.ru

Ревякина Нина Викторовна – доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета;
nvrevyakina@yandex.ru

Руяткина Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Казахстана и мировой истории ЮКГПИ (г. Чимкент);
ruyatkina@list.ru

Соловьев Сергей Владимирович – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного института искусствознания и Музея АЗ (г. Москва);
club2@mail.ru

Тюленев Владимир Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета;
tyulenev.vl@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Bezrogov Vitaly Grigorievich – Doctor of Pedagogy, Leading Research Worker of the Institute for Strategy and Theory of Education of the Russian Academy of Education (Moscow);
bezrogov@mail.ru

Gvozdetskaya Natalya Yurievna – Doctor of Philology, Head of the Department of English Philology, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities; Professor of the Sretensky Theological Seminary (Moscow);
ngvozd@yandex.com

Devyataykina Nina Ivanovna – Doctor of History, Professor of the Moscow State University of Education;
devyatay@yandex.ru

Krasnova Irina Alexandrovna – Doctor of History, Professor of the Department of General History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol);
gorward_@mail.ru

Krivushin Ivan Vladimirovich – Doctor of History, Professor of the Department of International Relations, National Research University ‘Higher School of Economics’ (Moscow);
ivankrivushin@gmail.com

Krivushina Eugeniya Stepanovna – Candidate of Philology, Professor (Moscow);

Kudryavtsev Oleg Fedorovich – Doctor of History, Professor of the Department of General and Russian History, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO);
demetr22@mail.ru

Lukyanova Larisa Mikhailovna – Associate Professor of the Department of Russian and General Literature, Saratov State University;
marlar38@yandex.ru

Nenarokova Mariya Ravilievna – Doctor of Philology, Leading Research Worker of the Institute of World Literature named after A. M. Gorky, Russian Academy of Sciences (Moscow);
maria.nenarokova@yandex.ru

Revyakina Nina Viktorovna – Doctor of History, Professor of the Ivanovo State University;
nvrevyakina@yandex.ru

Ruyatkina Tatyana Mikhailovna – Candidate of History, Associate Professor of the Department of Kazakh and General History, South Kazakhstan State Pedagogical Institute;
ruyatkina@list.ru

Solovyev Sergey Vladimirovich – Candidate of Art Studies, Moscow Institute of Art Studies, AZ-Museum;
club2@mail.ru

Tyulenev Vladimir Mikhailovich – Doctor of History, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University;
tyulenev.vl@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

ИССЛЕДОВАНИЯ

Книжная культура и школа рубежа Античности и Средневековья

<i>Безрогов В. Г.</i> COLLOQUIUM HARLEIANUM как учебный текст	6
<i>Ненарокова М. Р.</i> Писатель о писателях: блаженный Иероним Стридонский и его трактат «О знаменитых мужах»	22
<i>Тюленев В. М.</i> Христианская педагогика на латинском Западе V века: от проповеди к церковной школе	41

Средневековье в поиске человека

<i>Гвоздецкая Н. Ю.</i> Портретные характеристики местных епископов в исландской хронике XIII века «Пробуждающая [духовный] голод» (К проблеме изображения человека в средневековой литературе)	54
<i>Краснова И. А.</i> Культурные рефлексии о знатности рода и благородстве личности во Флоренции на рубеже XIII–XIV вв.	64

Мир в фокусе гуманистического взгляда

<i>Соловьев С. В.</i> Лоренцо Валла в раю: эстетика загробной жизни и гуманистическая чувственность XV века	78
<i>Ревякина Н. В.</i> Тема природы в педагогической литературе гуманизма XVI в.	91
<i>Рухайкина Т. М.</i> Английские гуманисты о физическом воспитании: общие рассуждения и предпочтения	103
<i>Кудрявцев О. Ф.</i> Обочина прогресса: русские земли в изображении Иоанна Бэзмуса	117

Традиции научных школ

<i>Девятайкина Н. И. М. С.</i> Корелин: Подходы и методы изучения Ренессанса и его историографии (На примере Петрарки)	133
--	-----

ПЕРЕВОДЫ

<i>Кассиодор</i> . Наставление в науках божественных и светских. Фрагмент I.27–33 (Перевод на русский язык, предисл., коммент. В. М. Тюленева)	152
<i>Петрарка Франческо</i> . Письма без адреса. Письмо 18 (Перевод на русский язык Л. М. Лукьяновой, вступ. ст. Н. И. Девятайкиной, коммент. Л. М. Лукьяновой и Н. И. Девятайкиной)	167
Письмо Жана Бодена своему племяннику по поводу образования своих детей (Перевод на русский язык, предисл. и коммент. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной)	178
Сведения об авторах	185
About the authors	187

CONTENTS

Foreword	3
----------------	---

RESEARCHES

Book Culture and School at the turn of Antiquity and the Middle Ages

<i>Bezrogov V. G.</i> COLLOQUIUM HARLEIANUM as a Teaching Aid	6
<i>Nenarokova M. R.</i> A Writer on Writers: St. Jerome and His Treatise “On The Famous Men”	22
<i>Tyulenev V. M.</i> Christian Pedagogy in the Latin West in the 5 th Century: From the Sermon to the Church School	41

Middle Ages in Search of the Human

<i>Gvozdetzkaya N. Yu.</i> Portrait Characteristics of the Local Bishops in <i>Hungrvaka</i> , the Icelandic Chronicle of the 13 th c. (On the Problem of Representing Person in Medieval Literature)	54
<i>Krasnova I. Al.</i> Cultural Reflection on the Nobility by Birth and Personal Nobility in Florence at the Turn of 13–14 centuries	64

World in the Humanistic Perspective

<i>Solovyev S. Vl.</i> Lorenzo Valla in Paradise: The Aesthetics of Eternal Pleas- ures and Humanistic Sensibility of the 15 th century	78
<i>Devyataykina N. V.</i> Nature as the Subject of Humanist Pedagogical Literature of the 16 th century	91
<i>Ruyatkina T. M.</i> English Humanists on Physical Education: General Con- siderations and Preferences	103
<i>Kudryavtsev O. F.</i> On the Margins of Progress: Russian Lands as De- scribed by Johann Boemus	117

Traditions of Research Trends

<i>Devyataykina N. Iv. M. S.</i> Korelin: Approaches and Methods of Studying the Renaissance and its Historiography (on the example of Petrarch)	133
---	-----

TRANSLATIONS

<i>Cassiodorus.</i> Institutiones Divinarum et Saecularium Litterarum. I.27–33 (Transl., introd., comment. by V. M. Tyulenev)	152
<i>Petrarca Francesco.</i> Sine nomine. Epistola 18 (Transl. by L. M. Lukyano- va, introd. by N. I. Devyataykina, comment. By L. M. Lukyanova and N. I. Devyataykina)	167
Epistre de Jean Bodin touchant l'institution de ses Enfants a son nepveu (Transl., introd., comment. by I. V. Krivushin and E. S. Krivushina).....	178
About the authors	185

CURSOR MUNDI

Человек

Античности, Средневековья и Возрождения

**Научный альманах,
посвященный проблемам исторической антропологии**

Выпуск 9

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 28.04.2017 г.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 100 экз. Заказ № 12.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Принткарт»

✉ 153045 Иваново, м. Афанасово, ул. Новосельская, 5